

Грифус встретил нас всеобщим сумбуром. Проделав не менее тысячи миль в комфортабельных дилижансах, предоставленных нам благодаря протекции гроссмейстера, попросту реквизировавшего их в одном из городов, мы были рады закончившейся безвестности, и во все глаза смотрели на гигантскую стройку, развернувшуюся вокруг города-в-горе. Долина, послужившая когда-то плацдармом для развертывания наших войск, теперь кишела многочисленными рабочими, возводившими целые районы небольших, двух и трехэтажных домов, перемежавшихся внушительными стенами из серого камня. Опоясывая один район за другим, они образовывали несколько защитных поясов, грозя до невозможности осложнить жизнь тем, кто был лишен от рождения крыльев.

- «Интересно, они это все строят от тех, кого мы видели там, на востоке?» - громко поинтересовался Рэйн. За время поездки он времени не терял, и пока я ломала глаза над книгой и дневником, умудрился приделать к своему плащу с капюшоном надерганные из монстра перья, тихо шуршавшие при каждом движении жеребца. В сочетании с легионерской броней получилось настолько стильно и грозно, что я не раз уже ловила задумчивые, алчные взгляды остальных легионеров, которые те бросали на эту накидку, и поневоле задумалась, как же изменила нас жизнь, если даже эти миролюбивые существа, приходящие в ужас при мысли о коже животных, использованной в качестве материала, вдруг воспылали желанием нацепить на себя шкуру убитого ими врага – «Или они сделали вывод из поражения?».

- «Быть может, все вместе» - предположила я, указывая копытом на стену столицы. Пролом в ней еще не заложили, а огромные врата все так же лежали на земле. Грифоны сдвинули их в сторону, чтобы те не мешали проезду многочисленных повозок и вагонеток с камнями, сновавшими туда и сюда по самой настоящей железной дороге, чьи узкие рельсы сверкающим веером охватывали всю долину, и кажется, что-то делали с гигантскими створками. Громадная строительная площадка перемежалась лагерями для живущих тут же рабочих, однако мои умные мысли по поводу безопасности на производстве так и остались при мне, ведь мы были избавлены от необходимости пробираться через этот строительный лабиринт, и влетали на территорию громадного города, где явно назревало кое-что поинтереснее, чем разборы завалов, оставшихся на местах рухнувших башен, и шикарных домов. Например, встречающая нас делегация довольно представительного вида, состоящая из трех важных грифонок, с чрезвычайно важным видом выпушившими перья на груди, визуально увеличив ее на десяток размеров, а также целый взвод церемониальной охраны – хотя с грифонами никогда нельзя было быть уверенными до конца, где заканчиваются церемонии, и начинается настоящая рубка.

Вот только ковровой дорожки за их спинами я не наблюдала.

«Интересно, а как бы выглядел бюстгальтер для кормящей кобылки?».

«Иногда мне хочется тебя придушить!».

- «Вы снова вернулись? Мы велели вам в течение суток исчезнуть из Грифуса, «посол»!» - прокаркала первая дама, когда я медвежонком выкатилась из дилижанса, опустившегося перед сиятельной группой встречающих нас персон. Быть может, обратно в него меня намеревались затолкать остриями халбердов, угрожающе качнувшихся за спинами важных дам, однако приземлившиеся рядом гроссмейстер и его небольшая, но представительная свита, облаченная в хорошо узнаваемые черные сюрко[1], украшенные символами их ордена, явно внесла незапланированные изменения в намеченную для нас встречу, и поколебавшись, капитан королевских гвардейцев сделал шаг назад, размашистым жестом приказывая встречающих не спешить.

Халберды и пики слитно качнулись назад.

- «Что это значит?» - возмутилась важная птицекошка, видя широкую ухмылку, расползающуюся по моей мордахе при виде этих грудастых дам. Пара толстушек и жердь, как я окрестила про себя встречающих меня персон, настолько напоминали завучей или заслуженных школьных учителей, что мне пришлось прикусить губу, чтобы не расхохотаться при виде множества украшений и сложных причесок из замысловато закрученных перьев, украшавших головы знатных дам, по моему скромному мнению, только

---

[1] Сюрко – короткий плащ без капюшона и рукавов, чем-то сходный с пончо, носимый поверх доспеха для демонстрации геральдических символов и цветов своего обладателя, а также защиты доспеха от грязи и влаги.

усиливавших это сходство из-за лорнетов и пенсне[2], восседавших на благородных клювах – «Ваше разлагающее влияние недопустимо – как и ваше присутствие в нашем славном городе!».
- «Ну да. Вот я и прилетела. Разлагать» – покладисто согласилась я, осматривая дам. Соволикая толстуха поистине монументальных форм и темно-фиолетового педикюра взирала на наше пообтрепавшееся, оборванное посольство с видом как минимум матери короля, обнаружившей таракана в своем будуаре, в то время как две остальные мегеры, казалось, готовы были меня заклевать, не размениваясь на какие-то мелочи вроде приветствия – «Между прочим, где здесь покормят приехавшего посла? У меня много дел, плотное расписание и голодные дети, между прочим, поэтому я бы хотела побыстрее закончить со всем этим бардаком».
- «Мне кажется, мы не совсем ясно выразились?».
- «Да уж яснее некуда» - хмыкнула я, краем глаза углядев что-то розовое, словно между прочим, появившееся сбоку от меня. Кажется, Рэйн без энтузиазма воспринял чье-то желание пощекотать меня остриями огромных топоров? Увы или к счастью, на настоящего хранителя тела он не тянул, поэтому я не сомневалась, что свой первый, и наверняка последний удар получат именно эти дамы, уставившиеся на свиток, поданый мне розовогривым пегасом, в то время как мне вновь будет вменено в обязанность поспешно удирать, самостоятельно спасая собственную пятнистую шкурку – «Поэтому ознакомьтесь».
- «Что это? Снова какой-нибудь ничего не стоящий документ, которым вы собирались морочить нам голову?» - недовольно кудакнула важная дама, искоса поглядев на могучего грифона, выступившего вперед, на радость толпе, собравшейся неподалеку. Кажется, украшенные печатями свитки впечатления на нее не произвели, в отличие от моего сопровождения, наконец, решившего явить себя во всей своей грифоньей красе – «И… Как я могу вам служить, благородный риттер?».
- «Я, гроссмейстер ордена Черной Башни, свидетельствую!» - увидев, что я недвусмысленно покосилась в его сторону, грифон устало вздохнул, и с надменным видом вышел вперед, остановившись между нашими группами, пристально оглядев каждого из присутствовавших на площадке грифона и пони. Под его хищным, оценивающим взглядом даже мне стало как-то не по себе. Что уж говорить о надменных дамах, живо растерявших часть этой самой надменности, или подавшихся назад ваза, чья жадная до зрелищ толпа окружила большой балкон, на котором приземлилось наше посольство – «Свидетельствую, и клянусь в том своею риттерской честью, что я, гроссмейстер ордена, встретил эту пони в том месте, куда направил меня приказ короля. Свидетельствую, что эта пони обладает грамотами, в случае их

[2] Типы зрительных приборов, представляющих собою оправу с ручкой (лорнет), и оправу с пружинкой для крепления на клюве или носу (пенсне).

подлинности, дарующими ей право обращаться к королю, благородному риттерству, и всему благородному сословию ваза. Свидетельствую, что добровольно присоединившись к походу в те земли, что именуются Захваченными Мглой, она продемонстрировала добродетели истинного риттера, потому имеет право обращаться к благородному риттерству и всему сословию ваза, и быть услышанной. Так говорю я, магистр ордена Черной Башни, давший обет скрывать свое имя, пока служба моя не будет окончена у престола Хрурта! Ну а ежели кто собирается оспорить мои слова...».

После такого приветствия желающих не нашлось. Окружавшая нас толпа, состоявшая по большей части из благородных ваза – если в Грифоньих Королевствах вообще были грифоны, не считавшие себя благородными – возбужденно галдела, но ни один из облаченных в узенькие камзолы и кружева зевак не рискнул что-то каркнуть в ответ на слова старомодных, облаченных в древние латы риттеров, что казались незыблимыми утесами в разноцветной пене прибоя. Положив лапы на мечи, халберды и моргенштерны, они надменно разглядывали расфранченную толпу, изредка кивая таким же риттерам, пролетавшим неподалеку, наглядно показывая, кого они считают высшим привилегированным классом. Не обнаружив желающих оспорить его заявление, гроссмейстер еще немного попыхтел, внимательно разглядывая встречавшую нас толпу, после чего неожиданно вежливо раскланялся как со мной, так и с фестралами, появившимся у меня за спиной. Присутствие их придавало веса любым моим заявлениям, и уже на следующее утро, я восседала на высоком «грифоньем» стуле в эквестрийском посольстве, к своему удивлению, вместо Мейджик Флейвора, которого ожидала увидеть, оказавшись перед все той же троицей «учителей», удобно устроившихся за длинным столом вместе с какими-то клювастыми господами, обликом похожими на чиновников или клерков. Про сам особняк ничего определенного сказать я не могла – обычное здание на три этажа, смотревшееся среди торжественно-готической архитектуры грифонов неуместно игриво из-за изобилия горизонтальных линий и белого цвета, кое-где подчеркнутого голубыми и серыми полосами. Охрану посольства нес всего один десяток гвардейцев, смотревших на меня с таким же недоумением, как я – на них, приземлившись возле парадного входа вместе с полукентурией весьма потрепанных вояк, по сравнению с ними, выглядевших записными головорезами. Вновь оказавшись среди грифонов, я видела, как возвращается что-то темное и холодное, вошедшее в нас той зимой, и теперь проступающее через шкуру, пугая окружающих почти осязаемой аурой жестокости и какого-то повседневного насилия. Она была похожа на кислый запах пота, холод черного льда, и мрачное выражение безнадежности в глазах, смешавшихся в дикую круговерть образов, которые возникали в голове при виде суровых морд и прищуренных глаз окружающих меня пони. Наверное, так это выглядело со стороны – то, что не видели мы сами – и наверное, впервые с момента

возвращения в Кантерлот я подумала, что сцепившаяся со мной капитан была в чем-то права, и нам действительно требовались хорошие, очень хорошие психологи.
А кое кому даже психиатры.
Как бы то ни было, Рэйн со своими ребятами быстро прочесал особняк, не постеснявшись вышвырнуть из него пару непонятных личностей, зачем-то подбиравшихся к комнате с посольским архивом, после чего почтенная, почти осязаемая тишина, стоявшая в здании, быстро исчезла, сменившись глухим топотом вышагивавших копыт и громкими голосами деканов, по привычке, предпочитавших доносить информацию до своих подчиненных исключительно с помощью рычания и воплей. На мой взгляд, все это внесло приятное оживление в настороженную атмосферу посольства, но судя по испуганным мордам бегавших вдоль стеночек клерков и атташе, мое мнение разделяли немногие, поэтому на встречу я пришла в довольно задумчивом настроении, даже не потребовав тотчас же вытряхнуть из теперь уже моего кабинета всю эту клювастую братию, расположившуюся за поставленными поперек всей комнаты столами.
И, как оказалось, очень даже зря – ведь эти олухи вновь решили выставить меня прочь из Грифуса.
Правда, после того, как за меня, совершенно неожиданно, поручился великий магистр одного из самых уважаемых риттерских орденов, собравший в своих когтистых лапах две известные мне части настоящей власти из трех – силу денег и силу стали, сделать это без шума и пыли им оказалось сложнее, чем они рассчитывали. Особенно когда увидели и проверили документы, подлинность которых с облегчением подтвердили сотрудники посольства и дипломатический отдел канцелярии грифоньего короля, как оказалось, с не меньшим удивлением прилетевший на встречу с «очередным эквестрийским послом». О личности «старого» выяснить удалось не слишком много – да, выглядела, кажется, совсем как я. Почему кажется? Потому что никто особенно и не присматривался – невежливо, знаете ли. Пятна есть, наглость есть, мелкое хулиганство присутствует. Ну, так чего вам еще нужно? Более детально об этой пони могли бы рассказать разве что ее партнеры по танцам, но разыскивать этих грифонов, что были приглашены на прием по поводу прибытия эквестрийского посла, я посчитала излишним – что они могли мне сказать? Гораздо интереснее было бы пообщаться с теми, кто ее сопровождал, но увы, эти пони исчезли вместе с нею, но мой интерес не остался незамеченным опытными царедворцами при виде моих судорожно дернувшихся копыт, когда я услышала описание троицы, образы которой иногда приходили ко мне во снах.
Сопровождавшие их пегасы интересовали меня меньше, и я лишь уведомила представителей канцлера как о том, чем знамениты эти контрабандисты, так и о суммах, в которую оценила голову каждого из них, вызвав заинтересованные

взгляды, которыми обменялись сопровождавшие чиновников ваза. После этого отношение благородного сословия ко мне несколько изменилось, и я не сразу смогла взять в толк почему, пока одна из встречавших меня дам не снизошла до довольно неожиданного ответа.

- «Для них, мелкопоместных, однодворных, надворных, и не имеющих ничего, кроме кинжала и дублета ваза, это поступок слабака или магната. Но все, кто слышал о Мяснике Дарккроушаттена, уверены в том, что слабаком она быть не может по определению, поэтому вы быстро добьетесь уважения у многочисленных, но бедных грифонов, попросту показав, что можете позволить себе их нанять, не отвлекаясь на такие мелочи, как преследование причинивших вам беспокойство».

- «Своеобразно» - хмыкнула я, еще не подозревая, что вскоре это слово прочно войдет в мой лексикон. Что ж, думаю, пустить по следу контрабандистов не только дремучих жителей леса, но и гораздо более умных и ловких грифонов показалось мне не самой плохой идеей. Даже если ни те, ни другие не смогут поймать этих ловких господ, отличавшихся гипертрофированной тягой к личной свободе, то уж точно осложнят им полеты в пределах севера континента, но в отличие от мейнхеттенского приключения, на этот раз я не собиралась с ними миндальничать, и даже если те приползли бы ко мне на полусогнутых, решила устроить им такую веселую жизнь, что даже спустя много лет о ней бы рассказывали страшные сказки.

- «Но сейчас разговор не о них. Вас не удивило, что среди встречающих нет настоящего посла?» - щелкнула клювом совоголовая, неприязненно разглядывая меня через пенсне. Словно «настоящего» она выделила голосом, заставив меня отметить настолько хорошее владение эквестрийским, что даже крючковатый, загнутый вниз клюв нисколько не мешал ей выговаривать понятные мне слова. А может, это я сама уже приноровилась не отмечать рожденные клювом акценты… – «Мейджик Флейвор, чьи личность известна в течение нескольких лет, все еще сильно болен, или по крайней мере, твердо в этом уверен, что не мешает ему проводить дни в имении господ ди Компьен, где он, по словам его нарочных, остается в постели, борясь с поразившим его недугом. Впрочем, злые языки поговаривают, что это не мешает ему посещать расположенный там же салон мадам ди Компьен…».

- «Понятно. Посол манкирует своими обязанностями под предлогом болезни, ожидая инструкций или того, что ситуация, каким-то образом, разрешится сама собой. Магнаты и ваза, не имея четких инструкций, вновь возвращаются к местничеству и земельным попихушкам, деля и перезахватывая наделы в спорных территориях. Чиновники пытаются договориться, в то время как лидеры заняты внутренними проблемами, которые обнажила война» - злобно фыркнула я, строптиво мотнув головой в ответ на попытку трех мегер открыть свои клювы, внося необходимые правки в мою совершенно не дипломатичную

речь – «И на этой благостной картине, приятной, как теплое, загнивающее болото, вдруг появляюсь я. Да, есть отчего занервничать, знаете ли».
- «Но вы же еще не посол!».
- «А вы мои грамоты читали?» - фыркнула я. Странное дело, но опекавший меня до того, по прибытию в Грифус граф вдруг решил заняться своими делами, и с раннего утра укатил по визитам, оставив меня одну отдуваться перед всей этой стаей стареющих мегер и чиновников, время от времени что-то записывавших в свои свитки – «Ее Высочество принцесса Селестия Эквестрийская почему-то считает меня послом. Ее венценосная сестра благосклонно подтвердила сие начинание, и благословила меня в дальний путь. Его Величество король Килтус фон Гриндофт Третий так же, пусть и в частном порядке, приглашал меня через чрезвычайного посла Грифуса в Эквестрии, фрайфрау Кейлхаке – вы считаете, что эти дамы и господа поголовно заблуждаются, и наш долг объяснить им, что они не правы? И кстати, почему меня, в нарушении дипломатического этикета, не представили королю?».
«Молодец. Язык у тебя понемногу начал прирастать к нужному месту, как я погляжу».
- «Король уже принял предыдущего «посла», мисс Раг, и сейчас занят более важными вещами, нежели встречей с очередным проходимцем, заявляющим, что только от него зависят судьбы двух стран!» - фыркнула главная в этой стайке. К ее поясу была подвешена изящная сабелька, и наверное, именно поэтому она совершенно не удивилась моим последующим словам, привыкнув подкреплять свои делом.
- «Еще раз назовешь меня проходимкой - и ты у меня своим черепом чихнешь!» - неожиданно для себя самой, вызверилась я, с вызовом глядя на пухлую грифонку.
«А вот с умом у тебя по-прежнему настоящая катастрофа».
«Она первая начала!» - держать меня здесь, в комнате, словно проштрафившуюся школьницу, вызванную на строгий школьный совет! Одна только мысль об этом заставляла меня клокотать от нарастающей злобы. Я душила, топтала, всеми копытами заталкивала ее туда, откуда она появилась, но каждый раз терпела поражение, вынужденная отступать, оставляя поле боя холодному огню, разгоравшемуся где-то внутри. Попав в ставшую мне уже привычной среду, я вновь начала превращаться в то, что однажды назвала Легатом Легиона - тем образом, что видели окружающие, привыкшие видеть во мне сапога, накопытника, самодура, не желающего знать ничего, кроме выпивки, насилия и устава.
Но на самоме деле, я же не такая! Правда?
- «Всем известно, что принцесса пони часто забывает о сословных различиях, и использует своих подданных самого подлого сословия, не взирая на возраст и пол» - если мой выпад и попал в цель, три кумушки этого никак не показали, с

отвращением взирая на меня, словно учительницы на известного школьного хулигана - «Но, признаюсь, это уже слишком. Прислать простую пейзанку - это уже выглядит как демонстративное неуважение к королю!»
«Не к нашему, а просто к королю. Ты заметила?»
«Они не кажутся его посланницами. Может, это представители знати? Ландтаага?»
«Не представляю, что это такое. Но нужно быть осторожнее».
- «Наши принцессы мудры, и смотрят на способности, а не на родословную! У собак или кошек она тоже, знаете ли, есть!» - задавив кружившую голову злость, я твердо решила если не подраться, то хотя бы похулиганить, и поднявшись, гордо прошествовала к окну, где остановилась вполоборота, явив свой профиль на фоне стекла - «И вообще, вам не кажется, что я похожа на свою мать?».
- «Ну, вообще, каждый похож на своего родителя…» - переглянувшись с остальными, осторожно ответила тощая грифонка, предупреждающе тронув гневно распушившуся товарку за распахнувшееся крыло – «За исключением редких случаев неизвестного, или не доказанного родства».
- «Именно, уважаемые. Именно».
Взгляды грифонов опустились на мои верительные грамоты, подписанные лично принцессой. Потом поднялись на меня. Затем снова опустились на свитки. Один из вельмож вдруг вскочил, и вынув из стопки лежавших на столе книг какой-то талмуд, раскрыл его на странице с гравюрой. Разглядеть рисунок со своего места я не могла, но его демонстрация вызвала странное оживление среди важных господ. Поставив книгу перед собой, они зачем-то принялась сличать гравюру и мой профиль, застывший на фоне окна, после чего занялись оживленной беседой, почему-то почтительно понизив свои визгливые голоса до едва слышного чирикания, похожего на бормотание воробьиной стаи, окопавшейся на ветках деревьев.
- «Ле бетард?» - наконец, громче чем следовало, чирикнула важная курица, после чего оглянулась на меня, испуганно прикрыв лапами клюв - «Незаконнорожденный отпрыск Эквестрийского Королевского Дома?!».
Я постаралась выбросить из головы глаза Графита, все это время подпиравшего стену возле дверей. Их отражение в темном окне обещало мне геройскую гибель вдали от дома, и задолго до того, как о моей проделке узнает кто-либо из принцесс.
- «Ну, вы же знаете, какими плотными бывают контакты между лидерами двух королевств» - как можно беззаботнее произнесла я, стараясь не глядеть на мужа, дыхание которого начало долетать до меня с другой стороны кабинета - «Ах, детство в провинции – беззаботное, нагое, и свободное от всяких условностей! И только портрет дорогого отца, изображенного в его юные годы, скрашивал беспросветную скуку долгих дней».

Скрип зубов раздувавшегося от негодования фестрала напомнил мне хруст переламывающихся костей.
- «Простите, а кем же был ваш уважаемый отец?» - наконец, осторожно поинтересовался один из чиновников. Облаченный в забавную шапочку, напоминающую шляпку хорошо раздавленного гриба, во время нашего разговора он старался держаться в тени сиятельных дам, но после моих слов не выдержал, и вылез вперед, торгашески потирая крючковатые лапы – «Мы все, в этом зале, с большим почтением относимся к вашей матушке, даруй ей здоровье и долголетие Хрурт…».
- «Не глупите, мастер Мозакес!» - зашипела на него одна из сиятельных куриц – «Персона, на которую вы, черная кость, имеете смелость намекать, может похвастаться долголетием и без ваших пейзанских пожеланий!».
- «Вот видите, как мое пожелание быстро исполнилось?» - мелко и дробно захихикал канцелярский крючкотворец, все больше и больше становясь похожим на стервятника, учуявшего свежую жертву – «Я лишь хотел просить нашу гостью засвидетельствовать наше почтение ее многоуважаемому отцу. Быть может, мы даже его знаем?».
- «Конечно же знаете» - стараясь держать вместе уголки губ, все сильнее разъезжавшиеся к ушам, заявила я, постаравшись всем своим видом изобразить самое искреннее нетерпение, пройдясь от одного окна до другого – «В конце концов, вы же встречаетесь с ним гораздо чаще меня».
Тишину, опустившуюся на кабинет настоящего эквестрийского посла, можно было резать ножом, словно тортик.
- «Ну же, расскажите мне – какой он на самом деле?» - нетерпеливо притопнув ногой от показного волнения, потребовала я – «Вы даже не представляете, как я жду встречи с моим почтенным отцом!».
- «О, это…» - пробормотал изумленно глядевший на меня чиновник канцелярии короля. Докапывавшиеся до меня дамы могли лишь изумленно переглядываться, периодически разевая клювы в попытках что-то сказать, не решаясь первыми нарушить всеобщее молчание. Прочая пернатая мелочь пригнула головы, и делала вид, что очень занята какими-то важными бумагами.
«Однако ж! Интересно, это их Гриндофт так к когтю прижал? Уважаю старика!».
«Судя по всему, это крайне интересная личность. Вот тебе и повод познакомиться с ним поближе. Я ведь тебе уже говорила о том, что ты вряд ли будешь разочарована».
«Да ты обалдела?! Он же лет на семьдесят старше меня!!».
«Значит, он будет опытен, нежен, и не слишком требователен к опыту. Тебе же проще».
«Это отвратительно!».
«Клянусь звездами – ну а сейчас-то я в чем не права?!».

Не знаю, чем бы закончилась вся эта сценка, и к чему бы привело мое баловство, если бы не распахнувшиеся двери, явив всеобщему взору всю эту сцену всеобщего замешательства, во время которой я успела поспорить с голосом в своей голове, Графит - раздуться до едва ли не лопающегося от возмущения шара с парой кожистых крылышек по бокам, а важные дамы, собиравшиеся прочитать мне нотацию, и вышвырнуть вон из Грифуса, как нашкодившего котенка – окончательно запутаться в хитросплетениях жизни коронованных особ. На всю эту кутерьму, наполненную лихорадочными шепотками, моим бормотанием, и сердитым сопением мужа, изумленно взирала уже знакомая мне грифонка, сменившая латы и чересчур тяжеловесное платье посла на более легкий и удобный охотничий наряд из приталенного жакетика светло-зеленого цвета, богатой перевязи с поясом, и берета с полосатым пером – фрайфрау Кейлхаке, кажется, даже помолодела, заставив меня отвлечься от негодования по поводу очередной выходки Найтингейл. Хоть кому-то общение со мной пошло на пользу, принеся что-то, кроме серии телесных и душевных травм!

- «Миссис Раг!» - наконец воскликнула она, разрядив неловкую паузу, во время которой она пристально вглядывалась мне в глаза – «Вы даже не представляете, как мы рады вас видеть!».

А вот эта фраза заставила меня насторожиться.

- «Фрайфрау Кейлхаке. Приятно видеть вас вновь» - кривенько ухмыльнулась я, стараясь не обращать внимания на прищуренные глаза совоголовой и ее товарок. Складывалось ощущение, что о том, кто я такая, и что именно поделывала в этом месте всего несколько месяцев назад, знали лишь очень немногие грифоны и пони. Впрочем, они вполне могли судить обо мне по действиям и поведению самозванки, при мысли о которой мне захотелось как можно сильнее пожать кого-то за шею – «А мы тут беседуем, воспоминаниям предаемся… О детстве, родителях, и всяком таком».

- «Рада, что вы нашли время для представителей Ландтаага» - нейтральным тоном протянула грифонка, легким поклоном приветствуя важных дам. По сравнению с ней, они казались горками крема, по ошибке, упавшими рядом с непритязательным, но крепким цветком. Судя по надменным рожам последних, их не слишком обрадовало появление бывшей баронессы – «Его Величество крайне внимательно выслушал речь *предыдущего* посла, произнесенную перед Ландтаагом, и нашел ее весьма познавательной. Ах, и да – уже не фрайфрау, а баронесса фон Кейлхаке, миссис Раг».

- «Поздравляю, баронесса. Или мне теперь стоит называть вас вашей милостью?» - я вскинула голову, заметив выделенное голосом слово «предыдущего». Было ли это сделано лично для меня, или же она хотела разделить в глазах важных грифонок меня и самозванку? И насколько важными, получается, были они?

- «Можете обращаться ко мне просто «дама Кейлхаке», миссис Раг» - милостиво сообщила мне баронесса, бросив проницательный взгляд на мою мордочку, и явно заметив, как дернулось мое веко – «Несмотря на ваши оригинальные, скажем так, взгляды на титулования и этикет, я считаю, что без вежливости этот мир окончательно рухнет, превратив населяющих его существ в толпу грубых разбойников и негодяев. Вам так не кажется?».
- «Вежливость – лучшее оружие вора!» - хмыкнула я. Что ж, искусство слышать между словами и читать между строк было одним из моих любимых социальных соревнований с момента появления в этом мире. Не то, чтобы я была хороша в политике или чем-то подобном – я ненавидела ее всей душой! – но все же мне чем-то нравилась эта игра словами, по крайней мере, пока она не превращалась в обмен завуалированными оскорблениями. Вот и теперь, я уловила стоявшую за словами грифонки умную мысль – *«Здесь ценят ум и манеры, а за спиной любого дворянчика может оказаться целый отряд отборных живорезов, готовых принять правила предложенной тобою игры»,* поэтому я прикусила глупый язык, вновь решивший проявлять признаки сепаратизма, и покорно вздохнув, поспешила согласиться с той, что знала этот мир гораздо лучше меня – «И вообще, я самая вежливая пони!».
- «Приятно это слышать» - окончательно поставив меня на место всего лишь парой вежливых фраз, грифонка вновь перенесла свое внимание на собравшихся в зале – «Мое почтение, ваши светлости. Владетельная герцогиня, маркиза и графиня – воистину, своим визитом вы делаете честь этому дому».
- «Будьте в этом уверены!» - услышав такой «комплимент», важные дамы скривились, словно хлебнули настойки из уксуса, яда и толченого стекла, заставив меня заново оценить весь расклад сил. Они прибыли первыми, поставив себя в положение просителя или просто обязанного чем-либо мне. Такой расклад требовал осмысления ситуации, но я понимала, что времени на это практически не было – «Как и в том, что вам не стоит привыкать к такой чести!».
- «О, но разве Ландтааг решил лишить поддержки эквестрийского посланника?» - наивно вскинула бровки Кейлхаке. Признаться, исполнение этого приема далеко не столь юной грифонкой выглядело в моих глазах не слишком удачной импровизацией. Еще больше раздражало, что эту пантомиму видели все, но каждый из присутствующих в посольстве делал вид, что купился на это намеренное лицедейство, и поддерживал привычную игру – «После того, как его лидеры устроили ей столь бурные овации во время ее речи?».
Клювастые дамы скривились еще больше при виде этого деланого простодушия, заставившего меня ухмыльнуться. Моя улыбка стала еще шире, когда я наконец сообразила, как на моих глазах эта грифонка порола соотечественниц гораздо богаче и знатнее ее, а тем лишь оставалось пыхтеть, да ерошить перья, с негодованием глядя на до приторности вежливо

кланявшуюся баронессу. Это и была политика — сделать так, чтобы оппонент скрежетал зубами в бессильной злобе, а тебе мог только улыбаться, благодаря за мудрость, которой так и не удалось воспользоваться.
- «Ландтааг радушно принял посланницу принцесс, и благосклонно преклонил свой слух к ее речи» - в отличие от совоголовой, тощая как жердь орлиноподобная была более рассудительной, чем ее товарки, кем бы она ни была. Успокаивающе прикоснувшись крылом к лапе соседки, она иронично поглядела на Кейлхаке, взглядом бросая ей вызов побороться на поприще угроз, недомолвок и откровенного вранья, называемого остальными политикой – «Однако она была изгнана из города повелением короля, и мы, блюдя законы и обычаи наших королевств, подчинились этому приказу. И теперь все видят, к чему это все привело. Но даже после всего случившегося все верные престолу грифоны обязаны соблюдать договоренности… какими бы они ни были. И отменить их может лишь закон – или всеобщая воля грифонов, выраженная в послании совета земель».
- «Никто не осмелится сомневаться в благоразумии лордов Ландтаага» - несмотря на почтительный тон, я поняла, что Кейлхаке имела в виду совершенно обратное, что не осталось не услышанным ее нахохлившимися собеседницами – «Наверное, лишь соображения государственной важности заставляют их пытаться задержать посланницу эквестрийских принцесс. Настоящую посланницу, конечно же, а не ту непонятную личность, что смогла так ловко втереться в доверие к некоторым персонам, заседающим в совете. Я уверена, что никто и подумать не может о том, что кто-то из них мог быть причастным к такому быстрому возвышению той, что вдруг превратилась в самозванку».
- «Конечно же нет» - не знаю, о чем трепались эти птицельвы, но кажется, баронесса увлеклась, и допустила какую-то ошибку, позволив своим оппоненткам сделать мгновенный рипост, возвращая отбитый удар. Именно такое выражение было на морде тощей, тотчас же расплывшейся в широкой ухмылке – «Как вы могли подумать! Совет владык земель лишь выслушал ту, что провозгласила право говорить от имени принцесс, и поговаривают, пребывала под полным покровительством короля. Как мы, верные слуги народа, могли бы подумать, что от имени короля с нами говорила какая-то самозванка? Нет, это решительно исключено!».
- «А кто, собственно говоря, это был?» - поинтересовалась я, когда пришла очередь фон Кейлхаке сердито бурчать что-то себе в клюв в ответ на справедливые, в общем-то, обвинения. Нет, конечно же, я ни за что, никогда, даже в самом страшном токсическом трипе, не поверила бы тому, кто имел смелость и наглость называть себя «слугой народа», памятуя о тех лоснящихся, жирных мордах с цепкими глазами вечно голодных пауков, что всплывали в нашей общей памяти с Древним… Однако даже если это и были их аналоги в этом изменившемся мире, кое-что я могла бы узнать и от них – «Я

тоже слышала о том, что кто-то наглый, или от рождения лишенный чувства самосохранения, решил вдруг повыдавать себя за Легата Легиона. Сначала я не придала этому значения – оказывается, среди психов принято пристально следить за судьбой разных личностей, и моя, как выяснилось, не стала исключением в глазах местных Наполеонов, но когда я узнала, что эта дрянь целенаправленно занимается каким-то саботажем, я назначила награду за ее голову, и теперь хотела бы знать, с кем же именно там разговаривал Ландтааг».
- «С посланцем принцесс».
- «Правда? А может быть, у нее и бумаги имелись?» - в ответ на мой вопрос, заданный очень вкрадчивым голосом, три высокородные курицы тотчас же сделали вид, что совершенно не владеют эквестрийским, и не представляют, о чем говорит какая-то мелкая пятнистая лошадь. Но я была непреклонна в своем желании добыть нужную мне информацию, а благодаря Графиту, всем своим видом дававшему понять, что выйти из этого кабинета можно было бы только вместе с ним и дверями в придачу, которые он отирал, отдуваться пришлось стряпчим. Чернильные души вертелись, словно ужи на сковороде, и мне никак не удавалось зацепить их на чем-то горячем. Не отрицая существования документов, они никак не могли вспомнить, чьи же печати и подписи были на них, а в ответ на прямой вопрос, чьими же именно рекомендациями воспользовалась незнакомка, попросту прикинулись тихими идиотами. И это навело меня на очень нехорошую мысль о том, что против меня играл еще кто-то, помимо самих грифонов и пони. Король, Генштаб, Ландтааг, Друнгхар и принцессы – это был не полный список, включавший в себя и других игроков, однако я начала понимать, что против меня, против всех остальных, играет какая-то сила, все еще остающаяся в тени. Быть может, именно она послала того, кто указал мне дорогу на поверхность? Но тогда зачем же мне было мешать, если он был заинтересован в моем успешном возвращении в Грифус? Слишком много было непонятного, слишком мало было у меня опыта для того, чтобы разобраться во всех хитросплетениях политических игр, мало-помалу закруживших меня в своем водовороте. Прав, ох как прав был этот серый мерзавец, говоривший о том, что хорошему лидеру не нужны ни доспехи, ни меч! Но я не могла, не имела права бросить все, и уйти лишь потому, что меня окружали те, кто привык брать свое языком, поэтому я развернулась к Кейлхаке, и с сожалением покачала головой, недобро зыркнув на надувшихся куриц, подарив им свой фирменный предостерегающий взгляд, ясно говоривший: «Я сумасшедшая. У меня даже справочка есть». Не знаю, насколько их это впечатлило, но отступать от своего они точно не собирались, вновь закопавшись в привезенные мною свитки, словно хотели почерпнуть в них некую мудрость, а также расположение давно утерянного сокровища Гриффинстоуна. Зачем было делать с них копии, мне было тоже решительно непонятно, но по большому счету, мне на них было уже плевать, ведь я смогла заручиться чем-то вроде уважения влиятельного ордена Башни,

не говоря уже об ордене охотников, вольных грифонах и лесовиках, все еще помнивших свою Иллюстру. Мысли об этом вновь напомнили мне о мудрости принцесс, советовавших не пытаться подлизываться к богатым, влиятельным и знаменитым, а пролететь по стране, постаравшись подружиться с теми, кто еще не забыл слово «дружба», и кому действительно нужно было помочь. Это окупилось сторицей, и я лишь ухмыльнулась, глядя на разворачиваемые свитки, с которых аккуратно и скрупулезно снимались точные копии во множестве экземпляров. Свою роль они выполнили, и мне оставалось лишь пожать плечами в ответ на негодующий взгляд Кейлхаке, которым она одарила как меня, так и роющихся в бумагах клерков.

- «Это действительно необходимо?» - повинуясь скорее красноречивым взглядам грифонки, нежели собственному желанию, поинтересовалась я исключительно затем, чтобы не обидеть эту неплохую, в сущности, даму. Лично мне было плевать, что они с ними сделают – пусть хоть в сортире повесят.

- «Эти ваши бумаги…» - медленно пройдясь вдоль стены с книжными полками, проклекотала совоголовая дама. Тон ее соответствовал взгляду, которым она одарила висевшие на стенах портреты и стены, затянутые в алый муар. Кстати, по поводу последних я могла бы с ней и согласиться, ведь декорирование стен кроваво-красной тканью с переливающимся волнообразным узором казалось мне какой-то особой разновидностью извращения – «Они будут внимательно изучены лордами Ландтаага».

- «И вы посмеете выдвинуть обвинения против самого короля?» - пораженно воскликнула баронесса, заставив меня резко вскинуть голову, и обвести внимательным взглядом всех присутствующих в кабинете.

- «Слово «посмеют» в отношении лордов недопустимо» - теперь пришла очередь Кейлхаке принимать словесную оплеуху – «Тем не менее…».

- «Совет Ландтаага назначен на завтра!» - грозно заклекотала грифонка. Этот взрыв заставил мои плечи разочарованно опуститься, а оппоненток баронессы – расплыться в язвительных ухмылках. Таких, которыми могут похвастаться только грифоны. Клянусь тебе, Твай, они вдруг стали похожими на свору стервятников, обнаруживших свежий труп – «До тех пор нами правит король!».

- «Без сомнения» - елейно ответила одна из герцогинь. Или это была графиня? Уххх, почему они не могут просто носить на себе какие-нибудь знаки различия, вроде медвежьих шапок, или желтых штанов? Хвастаются своею знатностью на каждом углу, а строем ходить хрен научишь! – «До завтра».

- «А что будет завтра?» - поинтересовалась я, понимая, что этот поединок мадам баронесса с треском проиграла, попавшись на какой-то словесный контрудар. Суть разговора была мне не слишком понятной, но ощущение тревоги за Гриндофта, на помощь которому я летела, бежала, плыла и ползла, усилилась многократно. Почему они говорили о нем так, словно он уже и не был королем, несмотря на то, что его еще не сместили… *«Пока еще не сместили»* - пришла мне вдруг в голову трезвая мысль. Кажется, король, по

каким-то причинам, не мог противостоять поднимавшей голову фронде, но как он смог это все допустить, после такой великолепной победы – для меня было одной огромной загадкой.

«Когда против тебя играют принцессы – ставки растут до небес» - вспомнила я слова мужа, когда повинуясь вежливому, но решительному жесту крыла, посеменила прочь из кабинета вслед за сердито выскочившей из него баронессой, сочувственно поглядывая на выскочившую из него грифонку. Простившись с оставшимися в зале вельможными дамами резким, небрежным, граничащим с оскорблением поклоном, она резво двинулась прочь, сопровождаемая моей топотавшей позади нее фигуркой, оставив прочую пернатую братию, важную и не очень, тихо охреневать позади от свалившейся на их головы «тайны», придуманной одной пятнистой хулиганкой, по крупу которой просто плакал суровый гвардейский или легионерский ремень. Обещание скорого знакомства с этим предметом одежды я слышала в каждом шаге последовавшего за нами Графита, передавшего надзор за оставшимися в посольстве грифонами легионерам, поэтому решила держаться как можно ближе к фрайфрау, стараясь, чтобы меня и мужа всегда разделяло облаченное в костюмчик тело грифонки, удивленно поглядывающей на все мои ужимки.

- «Завтра случится совет лордов земель. И будет обьявлено о начале Рокоша, и смещении короля. За ним пойдут переговоры о том, какая династия возглавит грифонов, торговля, политические союзы и альянсы магнатов…» - наконец, горько проговорила она, останавливаясь возле лестницы на первый этаж. Баронесса невесело усмехнулась, в то время как высокородная стайка гостей вышла за нами из кабинета, и шурша кринолинами, важно последовала на выход, сопровождаемая толпой стряпчих, клерков, и угодливо расстилавшимся штатским, одетым в партикулярный сюртук.

Почему-то именно эта фигура заставила меня ощутить забурлившее внутри раздражение.

- «Благородная дама…» - стиснув зубы, процедила я. В голове проскочила мысль вначале выяснить, почему вдруг на меня накатило подобное ощущение, заставившее окрашиваться чувства в тревожные багряные тона, но быстро пропало, смытая загудевшим внутри огнем. Теперь это пламя, родившееся где-то в глубине гор, не оставляло меня ни на секунду, то притухая до едва заметного блеска углей, то вспыхивая словно напалм, растекаясь по груди ядовитой, несмываемой пленкой. Ухватив грифонку за крыло, я пнула первую же попавшуюся дверь, после чего втолкнула в обнаружившиеся в ней покои – «Соблаговолите объяснить, что тут у вас, мать вашу так, происходит!».

- «Вам следует держать себя в рамках приличий, миссис Рат!».

- «Это означает «набрось на себя узду, и иди, куда скажут»? Так, что ли?» - сощурившись, хрипло поинтересовалась я. Огонь вспыхнул в горле, грозя опалить кривившийся в раздражении рот – «А у меня все чаще возникает желание вспомнить о том, что я не просто клоун на побегушках политиков, а

Легат Легиона! А у Легата, между прочим, имеется свое, очень своеобразное, понятие о приличиях! Поэтому вам лучше не ломаться, а вспомнить о том, что я прилетела сюда, движимая дружеским чувством и к вам, и к своему старому, во всех смыслах этого слова, другу, и рассказать мне о том, что же именно тут у вас происходит, и побыстрее. Пока я снова не взяла какой-нибудь меч, и не пошла рыскать по городу, интересуясь у его славных жителей, где тут обретается ваш новый король!».

***

- «Ну и зачем же его сюда понесло?» - бурчала я, спускаясь все ниже и ниже. Наклонные плиты пола все так же мелькали внизу, но если в первый час все вокруг вызывало неложный интерес, то спустя два – уже надоело. Глаз не радовала даже бесконечная лента дороги, спиралью вившаяся в теле громадной вертикальной шахты, колодца или тоннеля – вместе и по отдельности, каждое из этих слов было не в состоянии описать циклопичность сооружения, пронизывавшего Грифус от вершины до самого дна, и уходящего на много миль вниз, в глубину планетарной коры, где оно переходило в гигантский разлом, расползавшийся под горами на лиги и лиги окрест, ветвясь бесконечными трещинами и коридорами. Источенные колесами повозок и вагонеток, гранитные плиты уже не вызывали былой интерес. Статуи, застывшие в нишах, уже не притягивали взор – дорога была запружена жителями нижних ярусов города, спасавшихся от приближающейся напасти, и мне было совершенно непонятно, как располагавшиеся на вершине этой горы вообще могли думать о какой-то политике.

Впрочем, это могло быть и ответом на данный вопрос, и пока высокородным господам не припечет их кошачьи и птичьи пятки, они вряд ли опустят задранные клювы к земле.

Но все же Танкарф впечатлял. Это творение, по легенде, то ли построенное, то ли найденное лично Хруртом, было названо в честь первого подземного поселения, построенного грифонами в этой горе, еще не источенной, не выдолбленной изнутри – его основатели и не подозревали о том, что таилось у них под ногами, и наверное, весь город сгинул бы гораздо раньше, однажды попросту провалившись в бездонную пропасть, когда какой-нибудь неосторожный грифон нанес по камню последний роковой удар киркой или молотком. Созданное из громадных каменных блоков, каждый из которых был размером с мэйнхеттенский небоскреб, оно было самым большим из искусственных сооружений, которые я когда-либо видела, однако я сразу опознала в нем старшего брата того тоннеля, что я видела на востоке Королевств, однако в отличие от засранного обиталища страхобразов, это место содержалось в образцовом порядке, и мой взгляд то и дело возвращался к таинственному алому зареву в его глубине, освещавшему стены тоннеля.

Но вскоре, мне стало скучно. Вначале я разглядывала окружающие нас пейзажи подгорного царства. Потом развлекала себя нытьем, вовсю трепля нервы окружающим. И если пони лишь закатывали глаза за моей спиной, наивно полагая, что я их не вижу, то грифоны рожденной уставом сдержанностью не отличались, и имели глупость начать мне отвечать, за что тотчас же поплатились, получив на свои головы новую порцию жалоб, претензий и обвинений, которые быстро достали не только их, но и Кейлхаке, скрипевшую клювом почти после каждой моей реплики. Все это привело к тому, что в нарушение здравого смысла и чувства предосторожности, они бросили затею с постепенным и осторожным спуском по спирали, и сменив несколько подъемников, оказались на одном из средних ярусов гораздо быстрее, чем рассчитывали изначально, заставив меня тихонько перевести дух. Весь этот бубнеж баронессы о традициях, трех тысячах обязательных шагов по стопам Хрурта, и неких подрывных элементах, которых она называла «несогласными с королем ваза» быстро начали меня утомлять, не в силах перебороть тревогу за Гриндофта. Если он и вправду полез туда, за выдававшей себя за меня самозванкой – как могла я поступить по-другому? Как я могла не отправиться вслед за ним? Чем ниже спускался наш небольшой отряд, к которому, понемногу, приставали немногочисленные охотники пощекотать себе нервы в горных глубинах, тем более явно я слышала шорох, казалось, звучавший в самой моей голове. Конечно же, это было обманом, и каждый раз, склоняя голову над громадой тоннеля, уходящего в недра земли, я слышала усиливающееся шуршание – вкрадчивое и злобное. Каждый раз, когда я начинала напряженно вслушиваться в гулкий воздух тоннелей, нюхая его и пробуя на язык, оно стихало, но каждый раз недостаточно быстро, и я понимала, что время, отведенное новому королю, практически истекло.

- «Мы должны разделиться» - наконец, произнесла баронесса, кода наш отряд миновал последний пост. Да, *Дунке Шверигкайтен – Темное Лихо*, как называли свалившиеся на них несчастья грифоны, заставили их вспомнить об осторожности, но вид нервных пернатых, почему-то целыми отрядами тусующихся возле наскоро возведенных из каменных блоков баррикад, яснее сотни рассказов давал мне понять, что они растеряны, и сами не уверены в том, что же именно им нужно со всем этим делать. Часть, видя процессию сосредоточенных, одоспешенных грифонов и пони зачем-то увязались за нами следом, наплевав на визгливые приказы командиров, и на широкую площадку, служившую входом сразу в четыре тоннеля, мы подошли достаточно внушительной стаей, которую было не стыдно показать и спасаемому королю – «Три отряда, идущие по трем направлениям. Встречаемся на следующем перекрестке, а оттуда…».

- «Он там» - перебив командовавшую походом грифонку, я ткнула копытом вниз. Огромный тоннель и не думал сужаться, уходя вглубь горы, но мне показалось, что огненное зарево, пламенеющим глазом глядевшее на нас из

глубин земли, быстро тускнело. Тени становились длиннее и глубже, а мощные струи горячего воздуха, обогревавшего Грифус, превращались в болезненные порывы теплого и холодного воздуха, похожие на прерывистое дыхание тяжело раненного существа – «Король пошел туда. Я знаю это. И *он* тоже двигается сюда».

- «Кто?».

- «Ты уверена?» - настороженно проговорил Графит. Вскочив на ограждение спиральной дороги, он настороженно уставился вниз, для чего-то дважды широко зевнув, и насторожив устремленные вперед уши. В этот момент он как никогда раньше походил на Кайлэна, порождая у меня неприятную мысль о том, что этих двух жеребцов нужно как можно быстрее разлучать, пока мой благоверный на нахватался от него каких-нибудь вредных привычек помимо этих странных ритуалов с зеванием, и бесшумным хождением в темноте.

- «Да, я чувствую его» - отстраненно проговорила я, проверяя, насколько легко выходит из ножен Фрегорах, настолько уютно устроившийся у меня на плече, что с момента его обретения я постоянно забывала о нем, начав относиться к мечу словно к одной из своих конечностей. Вот ведь странное оружие… И тем более грустно будет с ним расставаться – «А он чувствует меня. Рано или поздно мы должны были встретиться».

Ветер загудел и затих. Алое марево потухло, погружая громаду тоннеля в холодный, неуютный полумрак, освещаемый лишь ярким белым светом, падавшим сверху – оттуда, где еще теплилась жизнь, настороженно замершая при виде угасшей легенды, освещавшей жизнь многих поколений жителей этой горы.

- «Вперед!» - рыкнула я, срываясь в галоп, крайне невежливо бортанув плечом имевших неосторожность встать перед нами грифонов. Несколько ваза, увязавшихся за нашим отрядом (Что у них там вообще была за организация? Форменный же бардак!) разлетелись как кегли, не успев убраться с моего пути, и лишь спустя несколько десятков футов, которые мы пролетели за несколько длинных прыжков, за нами послышался дробный стук когтей, переходящий в посвист многочисленных крыльев.

Грифоны никогда не числились среди хороших бегунов по земле.

- «Быстрее!» - свет умирал, и отведенное нам время истекало. Мне, Гриндофту, и может быть, даже городу, ведь я уже слышала заунывный напев громадного горла, заставлявший вибрировать все мое существо. Да, дрожать – но не в страхе, как я опасалась, а от нарастающего раздражения, переходящего в лютую злость. Откуда оно взялось, это чувство? Еще пару недель назад этот заунывный напев, огромный, как издававшее его существо, эта песня гигантского кита, на которую отзывались темные недра, действовала на меня как психический удар, заставляя видеть и слышать такое, о чем я боялась признаться сама себе. Она манила меня – но теперь все изменилось, и после битвы на Языке Дракона, после того, как я окунулась в кипящую кровь и

обжигающий жар гнилостной магии подземных червей, каждый ее напев заставлял клокотать внутри яростный жар, разгоравшийся с каждым неслышимым стоном. Пусть слышала его только я, но остальные уже чувствовали вибрацию толстых плит и гигантских, сплющенных давлением и временем блоков, из которых состояли стены огромного колодца, слышали шелест и хруст огромных хитиновых чешуй, а еще – видели беженцев, толпами несущихся вверх по спирали. Простые грифоны, горняки, подземные жители и ваза – все смешалось в водовороте, закручивавшемся возле последних подъемников, каждый из которых казался миниатюрной раковиной моллюска, прилепившейся к изгибавшейся стене тоннеля. Напряженно позвякивавшие цепи уходили вниз, в темноту, из которой уже доносилось дыхание громадного чудовища, возвещавшего о своем прибытии неяркой, гнилостно-зеленой аурой света, озарявшей суматошно работавшие крыльями стайки, рвущиеся наверх в попытке убежать от надвигающейся темноты.

Но увы, здесь не было небес, которые могли бы распахнуть преданные слуги Принцессы Ночи, обрушивая безмолвную ярость Луны на надвигавшуюся Тьму.

- «Нагльфары! Нагльфары!!» - эти крики были понятны и без перевода. Длинные тела, способные проглотить пони или грифона целиком, предвосхищали пришествие Пожирателя, с хрустом двигаясь по спирали дороги, словно тошнотворная куча глистов, вылезающих из кишечника дворовой собаки. Они извивались, не помещаясь на каменной спирали, и время от времени вылезали наружу, переползая с одного уровня на другой благодаря своей непомерной длине. Увидев их, я заклокотала от мстительной злобы – не нашлось у твари других переростков-подсвинков, не нашлось! – и заорав, бросилась на одного из червей, высунувших извивавшееся тело над пропастью. Фрегорах послушно вздрогнул в копытах, оставляя на вытянувшемся вдруг теле длинный порез, спустя миг, выбросивший в воздух множество тонких струй вонючего ихора. Снова заход, снова удар – на скорости, со всей силы, двумя копытами удерживая рвущуюся из захвата рукоять! – и я съехала по червяку, кромсая мечом покрытую короткими, тупыми шипами шкуру, под которой проступили и полезли наружу какие-то петли то ли сосудов, то ли кишечника, то ли мышц. Извивавшаяся тварь вытянулась струной, будто пытаясь одним напряжением тела склеить, закрыть огромные, во всю длину, раны – и неторопливо полетела вниз, в надвигавшуюся темноту, из которой она ненадолго вышла на свет.

- «Это второй!» - восхищенно проорала мне баронесса. В ее лапе я увидела длинный моргенштерн, который она, раскрутив, обрушила на голову еще одного червяка, решившего высунуть наружу свою уродливую башку. В отличие от моего меча, шипастая булава не нанесла монстру особых повреждений, но заставила того развернуться в сторону наглой грифонки, давая мне возможность на полной скорости пронестись мимо разинувшей пасть твари,

лихим ударом разрубая плоть у самой головы – там, где я надеялась нащупать у них что-нибудь, напоминавшее шею.
- «Я просто перестала их считать» - негромко призналась я, говоря это скорее самой себе, когда следующий червь отправился вслед за первым, мотая головой, наполовину отделенной от тела. Эти твари были меньше чем тот, которого, в безумии своем, я завалила под Грифусом, и уж точно меньше того, что встретился мне в подземных тоннелях, поэтому я понадеялась на то, что даже количество этих подземных глистов не даст им нас задержать.
По крайней мере, я надеялась на это.
- «Ходу! Ходу!» - не став выяснять, о чем там вдруг так задумалась баронесса и окружавшие ее ваза, я снова рванулась вниз, игнорируя запрудивших дорогу червей. С этими глистами должны были справиться кордоны, выставленные на спиральной дороге, а нашей задачей было спасение короля, поэтому я вытянула правое, и сильнее замахала левым крылом, широкими кругами снижаясь в полумраке тоннеля. Где-то там, внизу и впереди, я уже слышала стук металла по плоти, и мне показалось, что я увидела вспышки огня – кажется, не только у меня был зачарованный, пропитанный алхимией меч. Впрочем, удивляться не приходилось, ведь именно я была той, кто притащил Дайнслейф новому королю, однако меня начинал озадачивать факт, что зачарованное оружие предпочиталось использоваться в каких-то дуэлях, вместо шинкования на фарш всяких выползков из темноты. Падать пришлось далеко – отряд короля спустился гораздо глубже и дальше от основания горы, и кажется, пытался сдержать напор рвущихся к ним червяков, еще не догадываясь, что все их предназначение заключалось в одном – задержать их на месте до прибытия главного врага.
Чем, правда, этому чудищу не угодил именно Гриндофт, понять я не могла, да и не задумывалась над этим, ведь по моему скромному мнению, Орзуммат мог проделать это лишь для того, чтобы поднасрать лично мне.
- «Графит! Вытаскивай оттуда короля!» - заорала я мужу. Промедлив всего миг, он нагнал меня в этом стремительном спуске, и кажется, вознамерился перехватить поперек живота, утаскивая наверх, к безопасному свету. Мы уже видели клубок небольших нагльфаров, тяжело ворочавшихся на грузовой площадке, выступавшей из тела тоннеля. Я успела отметить, что в отличие от невообразимо древних стен, все подъемники и навесные площадки были явным новоделом, по виду, едва ли разменявшие две сотни лет.
«Надо же. Кажется, я и вправду понемногу опонячиваюсь, если два века для меня становятся коротким отрезком времени».
«Лучше бы ты училась пользоваться этой бесполезной субстанцией между ушей, которую по недомыслию называешь мозгом!» - буркнула Найтингейл. Я не обиделась, уже привыкнув к ее язвительной манере вести разговор, и только залихватски взвизгнула, обрушиваясь на ближайшего червяка, подобравшегося к группе окруженных риттеров, и уже нависнувшего над головами не

заметивших его грифонов. Уже по привычке, я ударилась о жесткую шкуру плечом, перенося весь вес на рукоять меча, с глухим хлопком пробившего прочный череп, или что эта гадина отрастила себе вместо него[3], впечатывая недоростка в изгвазданный кровью и слизью камень плит.

- «Лежать, наживка!» - рыкнула я, наваливаясь на Фрегорах в попытке удержаться на бешено извивающемся монстре. Наверное, именно так, смешно и глупо, выглядели новички, пытающиеся удержаться на скачущем быке во время родео. Однако долго скакать на нем мне не пришлось, и спустя один короткий свист халберда, рассыпавший сноп искр прямо у меня перед носом, голова червяка отделилась от извивающегося туловища, которое быстро отправилось за край каменной площадки, в процессе схватки, лишившейся любого подобия перил.

- «Благодарствую… А где король?».

Кажется, этот вопрос был задан не вовремя. А может, облаченные в тяжелые доспехи грифоны попросту поняли, кто пожаловал на огонек, и в мгновение ока у меня перед носом оказалось десяток лезвий совсем не церемониальных, а вполне себе боевых протазанов, посверкивавших искрами алхимически усиленного металла.

- «Эй, я ведь только поговорить хотела!» - решила обидеться я, в то время как моя задница судорожно сжалась до размеров копыта. Лишившись доспеха, я полезла вслед за Кейлхаке в том, чем была – голышом, с одной-единственной сбруйкой, плотно охватывавшей шею, плечо и левую ногу, на которой висел Фрегорах, поэтому почувствовала себя весьма неуютно, ощущая на шкуре бодрящий стальной холодок. Шагнувший вперед риттер горделиво вскинул укрытую шлемом голову, в то время как остальные вернулись к увлекательному процессу тыканья протазанами рвущихся к королю червяков.

Хорошо еще, что эта мелочь не шла ни в какое сравнение с той тварью, которую мы смогли завалить после битвы за Грифус.

- «Говори!».

- «Я говорю, что к королю прилетела, а не к тебе!» - осадила я здоровяка, выискивая глазами знакомый вороненый доспех с алым гамбезоном и богатым шлемом, по которому, блестя, вился тонкий, едва видимый золотистый зигзаг орнамента, обозначавший корону – «Гриндофт! Старина! Неужели после всего, что мы пережили, пока добирались к тебе, я заслужила лишь лицезреть твою задницу?».

- «Да, тепех я увехен, что вижу пехет собой нацтоящую Скраппи Раг» - громко каркнул облаченный в черные доспехи воин, изящным прыжком уходя от клацнувшей рядом с ним пасти. Богато украшенный меч, который я уже видела однажды в его лапах после боя за Грифус, играючи прошелся по морде нагльфара, отсекая сразу десяток острых, конусообразных зубов. Впрочем, на

---

[3] У червей и сходных с ними живых существ скелет отсутствует. Но откуда ей знать?

чудище это не произвело ни малейшего впечатления, и лишь одновременный удар пяти протазанов заставил его отшатнуться, не успев проглотить одного смелого, но глупого короля – «И я цнал, что пы пхидешь!».
- «Я все поняла. Ну и как после этого я могла не прийти?» - честно, безо всякой иронии, коротко хохотнула я. Хлопавшее крыльями позади, грифонье-пегасье воинство наконец присоединилось к нам, и пока баронесса Кейлхаке раскланивалась с королем, в низком поклоне бубня что-то о своих верноподданических чувствах, я хлопнула крыльями, подбрасывая себя в воздух для того, чтобы оценить обстановку. Ожидаемо, та абсолютно не радовала, и я содрогнулась от вида скрученных, сплетающихся друг с другом тел, настойчиво ползущих вверх по дорожной спирали, вновь припомнив сходство с глистами, экстренно покидающих чей-то кишечник.
Только вот вместе с ними пожаловал и их хозяин.
- «Та-ак, ребята, ходу! ХОДУ!» - заорала я, ощущая, как нарастает тупое давление в голове. Темнота внизу заполнила шахту, пригасив даже зеленый гнилостный свет, скрытый шуршащей громадой, медленно ползущей наверх. Шелест и скрежет заполнил пространство вокруг нас, проникнув даже внутрь моей головы, вытесняя заунывную песню – как же он был похож на те звуки, что я впервые услышала в поезде, несущемся в Кантерлот! Мысль об этом породила страх, холодными каплями пробравшийся под мои перья, заставив нырком броситься к королевскому хранителю тела, бешено дергая того за сюрко – «Хватайте короля, и валите отсюда! Быстрее, БЫСТРЕЕ!».
- «Скраппи, мы тоже уходим» - напряженным голосом сообщил мне Графит, оказываясь где-то рядом. Ему понадобился один-единственный взгляд вниз, через край платформы, чтобы тотчас же оказаться рядом со мной, оттесняя прочь от провала – «Нужно улетать. Мы не справимся с *этим* в одиночку».
Что ж, в этом он был прав, и справиться в одиночку с чудовищем, ползшим вверх по трубе, было почти невозможно. Его появление ознаменовалось скрипом и хрустом, с которым он стачивал камень на своем пути, вгрызаясь в него толстыми коническими шипами, покрывавшими толстую шкуру, прикрытую толстыми пластами брони, похожей на толстые бронеплиты из спрессованной, слежавшейся кожи. Каждое движение громады заставляло вибрировать и дрожать камень окружавших нас стен, и мы едва успели нырнуть обратно в тоннель, спасаясь от надвигавшейся смерти, как заходившая ходуном платформа брызнула во все стороны разлетавшимся камнем, не в силах противостоять напору поднимавшейся чудовищной туши. Словно и не заметив снесенного препятствия, она все так же неторопливо двигалась на поверхность…
И остановилась.
- «Ходу!» - вновь взревела я, заставив вздрогнуть окружавших меня грифонов и пони. Зачарованные видом проплывавшей мимо громады, они с довольно-таки глупым видом таращились на гигантский шип, опиравшийся на остатки

платформы, но я… На место страха вдруг пришла какая-то необъяснимая, лютая злоба, и вместо того, чтобы удирать куда подальше, пока эта тварь не решила выяснить, что же это за блохи попали в ловушку между шкурой и камнем стены, я выхватила Фрегорах, и со злобной радостью вонзила его в широкую щель между бронеплитами шкуры, мстительно захохотав, когда меч пробил вонючую складчатую плоть – «Валите отсюда! Это наше с ним *личное* дело!».

- «Раг! Что ты делайт?!» - возмущенно курлыкнул Гриндофт, вместе со своими хранителями тела пытаясь пробиться через личинок подземных червей. Оказавшись закупоренными вместе с нами заблокировавшей шахту тушей, они наседали и сверху, и снизу, заставив наш отряд разделиться, и сдерживая их ударами копий и протазанов, медленно отступать вверх по спирали дороги.

Слишком медленно, на мой взгляд.

- «А ну, подвинься, ssuka!» - завопила я, когда обжигающая ненависть плеснула внутри, обжигая грудь не хуже иного кипятка, заставив снова ударить мечом по слабому месту громадного существа. Каждое прикосновение к нему заставляло мою голову вибрировать от оглушительного шелеста, заглушавшего любые слова мужа и короля, кричавших мне что-то, пока я кромсала неподатливую плоть. Слишком толстая, она почти не кровила, но кажется, я все же смогла достучаться до этой твари, и вздрогнув, туша медленно поползла назад, спасая розовую, нежную плоть от колючки, вонзившейся в грубый бок червяка.

- «Кууууудаааааа?!» - взвыла я, со стуком вонзая меч в толстую шкуру. Вид бегущего чудища сводил меня с ума, заставляя бросаться на проплывающую мимо плоть в попытках ухватить ее даже зубами. Я буквально сходила с ума от затопившей меня ненависти, бессильно царапая мечом покрытые каменной пылью бронеплиты червя, и наверное, полетела бы вслед за ним, охаживая мечом кончик громадного носа, если бы не Графит, материализовавшийся у меня за спиной, и рывком перехвативший поперек живота мою дергавшуюся и вопившую что-то тушку.

- «Пусти! Пусти меня, я ему втащу!» - орала я, размахивая четырьмя конечностями из шести, и умудрившись даже несколько раз с чувством, от души, плюнуть в распахнувшуюся где-то под нами, огромную пасть, грозившую нам сотнями острых зубов - «Кишки на бивни намотаю!».

- «У него нет бивней!» - пропыхтел Графит, крепко прижимая к груди мою спину, не давая распахнуть дергавшиеся в предвкушении схватки крылья.

- «Так приделай, а я потом вырву! Муж ты, или кто?!».

- «Я муж, и женат на моем Хомячке, а не на кровожадной психопатке!».

- «Ах так?! Ах так?!! А у твоей жены жопа маленькая! И вымя без компаса хрен отыщешь!».

- «Богини-вседержительницы, что ты несешь!».

- «Это ты несешь всякую хрень!».

- «Я бы так тебя не назвал» - фыркнул муж, взмахами крыльев поднимаясь все выше и выше. Чем дальше мы удалялись от Пожирателя, тем тише звучал шелесть камня и грохот крови в моей голове, вновь превращаясь в заунывную песню. Но теперь мне в ней слышались неприкрыто злорадные ноты – «Скорее, сумасшедшей кави».
- «Че… Чем?».
- «Ошалевшей морской свинкой» - присоединившиеся к нам грифоны тяжело дышали, с трудом взмахивая пострадавшими крыльями – «Боевым хомячком. Очень боевым. Но теперь нужно угомониться, Скраппи. Нужно успокоиться».
- «Я его почти порвала! Я его почти победила!».
- «Да-да. Я тоже это видел. Еще чуть-чуть – и ты бы его на тряпочки разрезала» - монотонно бубнил супруг, не давая мне вырваться из его объятий. Развернувшись, он рванулся вверх по освободившемуся тоннелю – подальше от темноты, медленно уползавшей в свое логово, подальше от зеленого свечения, предварявшего прибытие Зверя. От шелеста и скрежета, расшатывавших мои кости и зубы – вверх, к свету, к испуганным крикам и тревожным гудкам, с которыми в просвет шахты опускалась огромная каменная платформа, раньше висевшая возле нижних обжитых уровней города-горы. Пролетая мимо нее, я не обратила внимания на громадные цепи, посчитав их дополнительной страховкой перегрузочного терминала, устроенного там исключительно для удобного накопления грузов перед их транспортировкой наверх, но теперь понимала, что такой стратегически важный объект как гигантская шахта грифоны не оставили без должной защиты, превратив гигантский подъемник в передвижную крепость, укрытую стальными листами, вставленными в заранее приготовленные пазы.
«Хорошо, что нам не пришла в голову идея штурмовать Грифус из-под земли».
Эта мысль понемногу меня отрезвила. Затихал, скрывался слышимый только мне шорох, и лишь заунывная песня по-прежнему сжимала душу печалью и болью, с которой обращалось ко мне существо. Требовало ли оно понимания, или освобождения от страданий и боли, понять мне было не дано – но прикоснувшись к нему, я была уверена в том, что очередная наша встреча попросту неминуема, и чем закончится она, не знал ни один из нас.
- «Думаю, мне нужно найти оружие подлиннее» - буркнула я, уловив внимательный взгляд короля. Летевший вместе с нами Гриндофт внимательно разглядывал меня, и даже устало опустившись на остановившуюся в воздухе крепость-платформу, я чувствовала его острый, цепкий взгляд, внезапно смутивший меня, и заставивший взглянуть на свою отвратительную, дурацкую выходку в новом свете. Вот ведь спасительница выискалась, едва не угробившая и себя, и грифонов! – «Ну, для того… На этого…».
- «Тумаю, нам всем оно не повхедит» - помолчав, откликнулся грифон. Отмахнувшись от кланявшихся ваза и риттеров, он разглядывал меня, словно

какую-то диковинку, пока я смущенно рассматривала его, не зная, как объяснить ни свое поведение, ни то, как я вообще сюда пробралась. Наконец, окончательно запутавшись в своих мыслях, я просто сунулась вперед, и обняла короля, хотя тотчас же поняла, что ошибалась, и вместо милостивых монаршьих объятий, оказалась обнятой лапами друга, без слов рассказавших, как меня ждали, пока я шарилась где-то в лесах – «Я хад, что ты добхалась до Грифуса, и откликнулась на мой зов».

- «Я думала, что это очередные политические игры, но потом…» - смущенно ухмыльнувшись, я пожала плечами, ощущая, как по спине проходятся крючковатые лапы, облаченные в тяжелую сталь. Что ж, несмотря на возраст и беды, Гриндофт по-прежнему был силен, и не разменивался на облегченные церемониальные доспехи – «И я пришла. Итак, кого первого научим любить родину и короля?».

- «Что ж, я не сомневался в тебе, таже после того, как мне подсунули ту фальшифку» - хрипло засмеялся король, довольно взглянув на надувшихся подданных, ревниво сверкавших в мою сторону десятками завистливых глаз. Дурачье! Знали бы они настоящую цену, которую мы должны каждый миг платить за нашу дружбу. За настоящую дружбу, которая бросила меня в тот самоубийственный рейд по лесам – «Но теперь нам и впхавду пхедстоит хазобхаться со множеством дел, и одним из пехвых, я думаю, будет завтхашнее заседание Ландтаага».

- «А что им-то неймется?».

- «Лохдам кантонов, марок и графств всегда неймется, Скраппи. Всегда найдется повод для недовольства. Не ты ли говохила о том, что должна быть создана целая наука об этом чувстве?» - дернул головой Гриндофт. С помощью хранителя тела сняв тяжелый топфхельм, он утомленно взглянул на меня слезящимися от недосыпа и усталости глазами, опираясь на богато украшенный меч – «Поэтому нам пхедстоит тяжелая миссия, Скраппи. Ведь завтра меня собираются низложить».

***

Тьма наступает. Королевства трещат по швам, раздираемые междоусобицей и последствиями тяжелой войны. Монстры проникают в дома, и целые поселения исчезают под покровом наступающей темноты, в то время как города садятся в осаду, противостоя неведомой злобной силе. Знать фрондирует против короля, а мирные переговоры саботируются неизвестными силами, в то время как власть пытается сохранить порядок и приструнить интриганов и авантюристов всех видов и мастей, пытающихся урвать свой кусок разваливающегося пирога. В эти смутные времена, где же должна скрываться мелкая пятнистая пегаска,

уставшая от назойливого внимания знатных, не слишком знатных, и совсем не знатных, но сильно уверенных в своей значимости гостей?

Конечно же, в библиотеке.

Это место было мне знакомо. Так выглядели все библиотеки и того, и этого мира, да и что могло в них меняться, за исключением книг? Публичная библиотека Грифуса была мне знакома, но на этот раз я пришла не одна, по совету Гриндофта взяв с собой пятерых подчиненных, и забурилась в читальню, где коротала время за удобнейшим приспособлением, состоящем из высоченного книжного шкафа с приделанным к нему длинным, наклонным столом. Ряды этих шкафов надежно отгораживали читающих друг от друга, а мерный желтый свет ламп на световых кристаллах, не достигавший высоченного, украшенного фресками потолка, дарил по-настоящему мирную, интимную атмосферу, позволяя сосредоточиться на древних свитках и фолиантах, лишенных каких-либо каталожных номеров и ярлыков.

И это была еще одна особенность данной библиотеки, располагавшейся в комплексе выработанных соляных пещер.

Что ж, такое демонстративное пренебрежение общепринятыми правилами сохранения книг было понятно – ярлык можно было срезать, замазать или перебить, но за короткое время страницы и рулоны пропитывались тонкой соляной взвесью, спрятать которую было бы практически невозможно, поэтому библиотекари Грифоне Националебиблиотек, наверное, были самыми спокойными из всех представителей этого сословия, которых я встречала на своем пути. А может, просто обладали развитым чувством самосохранения, если учитывать количество знатных господ, способных заглянуть к ним на огонек.

Впрочем, такие казусы происходили не часто, и среди не слишком многочисленных посетителей читален я замечала лишь представителей «подлых» сословий ученых, клерков и изредка – ваза, среди которых было всего пара или тройка дворян, явно выискивавших спрятавшегося эквестрийского посла. Впрочем, вставшие в дверях легионеры не собирались никого ко мне подпускать, дав возможность расположиться в самом конце узкого прохода между шкафами, в тишине и таинственном полумраке, не боясь быть потревоженной очередным идиотом с мечом, решившим сделать себе имя на дуэли с Мясником Дарккроушаттена.

Впрочем, совсем безлюдным это место не было, в чем я смогла убедиться, когда услышала доносившуюся из-за шкафа беседу, которую вели расположившиеся там до меня господа.

- «Думаете, они истощены?».

- «Они не могут вести войну и с нами, и с яками одновременно» - эти слова заставили меня вскинуть голову, отвлекаясь от нескольких книг, выданных мне благодаря письменному приказу Гриндофта. Можешь ревновать сколько хочешь, Твайлайт, но скажу тебе, очень удобно иметь в друзьях короля! – «Новый монарх и его окружение уверены в том, что переговоры с этими лохматыми дикарями принесли свои плоды, и он крепко держит за жабры Эквестрию».

«То, чего опасалась принцесса!» - почти не дыша, подумала я, ощущая пробежавший по спине холодок. Кто были такие эти яки, я пока еще не знала, но то, что Гриндофт нашел себе союзников там, в этих ледяных пустошах на северо-западе от своих королевств, явно давало понять, что он тоже не первый год лелеял далеко идущие планы.

- «Признаться, я даже не знаю…» - скептически отозвался скрипучий грифон. Его голос продирался по моим нервам крупнозернистой наждачкой, заставляя возвращаться мыслями к безумному путешествию в недрах гор – «Уже несколько лет как у Эквестрии появилось новое вооруженное формирование, эдакая карманная армия, которую все считали бесполезной игрушкой младшей из двух принцесс, и которая неожиданно достойно показала себя во время этого прискорбного конфликта».

«Это он про нас, что ли? Нет, не может такого быть!».

- «Представляете, сколько казна этих аликорнов тратит денег на два войска разом?» - возмутился более молодой голос. Несмотря на то, что по-эквестрийски оба собеседника говорили достаточно чисто, и я уже научилась не обращать внимание на щелкающие согласные, рожденные твердым кончиком клюва, в его речи не чувствовалась какая-то едва уловимая неправильность, свойственная первому собеседнику. Но в чем была ее причина, понять я еще не могла - «Но в чем отличие этих двух сил? Им что, этой их Гвардии не хватало?».

- «Гвардия следит за порядком внутри страны, и это не та область, где можно быть вольным художником. С другой стороны, Легион – это та сила, которую можно бросить на врага без оглядки на внутренние нужды, которые перекрыты гвардейцами. Все ждали от командовавшего им пони боевых действий в духе стратегической игры, тактических ходов – а он организовал «малую войну», развернув полномасштабное повстанческое движение, и за несколько месяцев навел страх как на регулярные части Короны, так и на войска владетельных сеньоров по всем северным землям. Импровизация, напор, командование «на

лету», быстрая смена планов – это и отличает нынешний Легион от наших надутых стариков, пыжащихся от чувства собственной значимости, и принадлежности к славным древним родам. И я считаю, что мы должны создать такую же силу для Королевств и себя».

- «Для себя… Как тонко подмечено» - усмехнулся молодой, в голосе которого появились масляные нотки кота, увидевшего бесхозную банку сметаны. Что ж, эта оговорка была понятна и мне, даже без упоминания титула короля, которого, похоже, никто не собирался брать в расчет - «Но кто будет командовать благородными ваза? Они не пойдут абы кому под крыло! А уж учиться у пони… Фи! Абоминаблемёнт!».

- «Да, мой друг. И в этом наша беда. Мы слишком большие индивидуалисты, в отличие от этих копытных. Мы слишком ценим нашу свободу».

- «Да что вообще хорошего есть в этих пожирателях травы?!».

- «А знаешь, что говорил мудрый Хрурт? «Мир держится на четырёх столпах: познаниях мудрых, справедливости сильных, доблести храбрых, и молитвах праведных. Но все четыре – ничто без правителя, владеющего искусством управления, направляющего на общее благо помыслы и деяния остальных». И эти же слова мы встречаем в «Размышлениях о Путях», написанных веков восемь назад одной из учениц старшего аликорна».

- «Это говорит о том, что даже слова пресвятейшего они украли у нас!».

- «Это говорит о том, мой друг, что они развивались, не воротя клюв от любой мудрости, и примеривая на себя все, что считали полезным, в то время как мы попросту остановились в развитии, тратя наши силы на разрешение неразрешимых противоречий между знатью, магнатами и ваза, не обращая внимания на многочисленных слуг, голоса которых никто и не слышит. В политике, в отличие от механики, треножник — самая неустойчивая конструкция. Она достаточно плоха даже сама по себе, и без феодально-торговой структуры, вступающей в противоборство с развивающимися науками, и рано или поздно приводит к падению всего существующего общественного строя, ввергая в хаос страну».

- «Месье! Это звучит не просто как пораженчество – это просто… Просто…» - тяжело задышал молодой грифон

- «Предательство?».

- «Да!».

- «А тем не менее, это написала принцесса пони, еще двести лет назад» - наставительно произнес пожилой. Его голос ни чуточку не изменился, словно ему было не слишком важен тот вызывающий тон, с которым каркнул обвиняющее слово его собеседник – «И что же мы видим? Пони вскрыли нашу оборону, считавшуюся неразрушимой, словно глупую устрицу, понадеявшуюся на крепость своих створок!»

- «Всего за полгода, уступая в численности, разбить нападающие, а затем обороняющиеся за неприступными горами войска – да любой стратег рассмеется, и обвинит утверждающего это во лжи, или слабоумии!» - зло прошипел молодой, пристукнув лапой по столу – «Это лишний раз доказывает, что пони готовились к этой войне!».

- «И может быть, даже не один год. Или десятилетие» - хмыкнул его собеседник, в то время как мурашки промчались у меня по позвоночнику холодным табуном – «Теперь-то вы понимаете, мой юный друг, какие жуткие существа живут с нами рядом? Которые могут начать свои планы задолго до нашего с вами рождения, и реализовать их после рождения наших внуков и правнуков. Это ли не кошмар любого правителя?».

- «И что же вы предлагаете? Заняться этим вопросом?».

- «Боюсь, мой юный друг, я бы советовал вам оставить эту идею, и не вспоминать о ней даже во сне» - голос пожилого сделался строже, и мне показалась, что в нем прорезалось что-то неприятное, словно притаившаяся под камнем змея – «Это уже пробовали, и каждый раз все это оборачивалось неисчислимыми бедами для наших королевств. Это вам не покушение на площади Феронри, которое привело к смене одной из династий! Боюсь, аликорны покрепче любого грифона, и этих древних чудовищ такими штуками не пронять, несмотря ни на что, все же случавшимися за несколько сотен лет. Вспомните хотя бы последнюю попытку этого психопата дю Клемана, случившуюся несколько лет назад – и чем все закончилось? Ранением изображавшего принцессу придворного шута, разрывом дипломатических отношений, и в итоге – гражданской войной в наших спасаемых Хруртом королевствах![4]».

- «Но разве нет способа…».

- «Должны быть. Ведь согласно самым современным исследованиям, ничто в этом мире не берется из ниоткуда, и не уходит в никуда. Сила находится и на силу, у каждого элемента есть его противоположность, и кто знает, не лежит ли ответ в легендах и сказках о древнем вожде минотавров, способном питаться

[4] «Отраженный Свет» от Krynnit расскажет подробнее о последствиях этого покушения.

магией, или руинах старого города, погребенного среди песков, чьи стены были сделаны из проклятого нефрита, заставлявшего любого, кто коснется их, окаменеть?».

- «Сказках?» - презрительно каркнул молодой голос – «Вот уж не знал, что вы, при всем вашем образовании и уме, склонны к беспочвенным фантазиям!».

- «Запомните, мой юный друг, что лучший способ что-нибудь спрятать – это заставить всех крепко об этом забыть!» - ехидно ответил его собеседник. Старый голос стал еще более скрипучим, заставляя меня морщиться от каждого произнесенного слова – «Но не важно. Все это старые легенды, а мы должны с вами глядеть в будущее, а не прошлое. Верно?».

- «Верно…» - отозвался молодой, хотя голос его стал подозрительно задумчивым – «Легенды, значит…».

- «Только легенды».

«Грубовато играет» - подумала я, когда голоса отдалились и стали совсем неразборчивыми. В попытках найти ответ на свой вопрос я обложилась книгами, но теперь смотрела сквозь них, так и эдак прокручивая в уме этот странный разговор – *«И чем же всех так допекли аликорны, если даже кто-то, кто в жизни не видел ни одну из принцесс, пытается найти средство разобраться с ними раз и навсегда?»*.

«Многовековой тиранией, возможно?» - невинно прошептал между моих ушей голосок Найтингейл – *«Да нет, бред, конечно же. Кто же поверит, что те, кто должен воплощать собой все достоинства великих правительниц, вдруг поведут себя как неблагодарные свиньи?»*.

«Может, расскажешь, что же на самом деле произошло в тех шах…».

«Нет!» - ответ был похож на щелчок бича, заставив меня содрогнуться над книгами. Ощутив мою растерянность и испуг, голос древней фестралки смягчился, превратившись в напряженный шепот, за которым мне послышалась затаенная ярость и боль – *«Во всяком случае, не сейчас. Пока лишь запомни одно: больнее всего бьют те, кому ты веришь, кого ты любишь, и кого подпускаешь ближе всего. Не совершай мою ошибку, и не доверяй никому».*

- «Уговор!» - скрипучий голос вывел меня из задумчивости. Оставленное без присмотра, тело сделало все само, и на подкравшегося ко мне я взглянула уже из-под стола, куда на автомате юркнула моя тихонько взвизгнувшая тушка. Тихонько – это потому, что мерзавец подкрался ко мне незаметно, на вдохе,

словно зная, в какой момент я полностью выпала из реальности, советуясь с голосами в своей голове. Как и тогда, его зеленые глаза безо всякого выражения взирали на меня сверху вниз, и как тогда, я с оторопью разглядывала нависавшее надо мной существо – «Вы не забыли уговор?».

- «К-как…».

- «Это не важно! Уговор!» - длинный красный язык с раздвоенным кончиком метнулся между губ. В отличие от Пистаччио, клыки этого были на своем месте, и я поняла, что не могу отвести взгляд от двух острых, изогнутых назад зубов, словно созданных для того, чтобы впиваться и удерживать бьющуюся плоть жертвы – «Вы выбрались. Нашли дорогу. Время выполнять договор!».

Да, договор… Я помнила его. Помнила громаду пещер, похожих на вереницу подземных залов, уходящих куда-то за горизонт. Помню подсвеченный алым, ноздреватый и пористый потолок, покрытый сосульками сталактитов. Помню море лавы, неспешно текущее куда-то под самыми костями этого мира. Помню горячий, иссушающий воздух, стегавший меня порывами раскаленного ветра.

Я помню и это черное существо с блестящими фасеточными глазами, нашедшее меня там, на берегу, недалеко от медленно надвигавшейся на меня волны расплавленного камня. Его скрипящий голос, издевавшийся надо мной до тех пор, пока я, даже умирая, не встала, чтобы в последнем порыве ухватить его за скользкий экзоскелет, услышав хруст ломающегося хитина. И тому лабиринту из идущих к поверхности тоннелей, к которому он, дразнясь, вывел меня, вместе со мною идя вслед за Скрипом, семенившим у наших ног.

И нет - я не расскажу, о чем он скрипел мне на ухо, Твайлайт, ведь я еще не готова собственными копытами подписать чистосердечное признание, и приговор.

- «Ага. А если я его не выполню?» - поведя носом по сторонам, я раздраженно стиснула зубы. Мои охраннички, из якобы охранной, мать ее, сотни, мирно топтались у входа в читальню, совершенно не интересуясь, чем же именно занят вверенный им объект! Нет, я понимала, что сама потребовала уединения, да и хранителей тела среди нас не находилось… Но вот же дискордова хрень! Да меня тут удавить, сожрать и изнасиловать можно, а никто и ухом не моргнет! – «Ты сам сказал, что выход нашла я сама, поэтому могу заявить, что ты мне ничем не помог. И что тогда? Ты набросишься на меня, переломаешь все кости, распорешь брюхо и вытащишь клыками кишки, заставив их сожрать у тебя на глазах со всем содержимым?».

«А ты точно училась вести переговоры?» - ехидно поинтересовалась Найтингейл – *«Потому что к этому все и идет».*

«Пони. Дикари. Жить с ними – стать таким же дикарем» - проскрипел мой собеседник, с отвращением и, как мне показалось, какой-то опаской посмотрев, как я выбираюсь из-под стола, сидеть под которым стало уже попросту стыдно – «Зачем эти ужасы, дикари? Я просто подам на вас в суд!».

- «Ээээ… Чиииво?» - я была готова почти к чему угодно, от попытки наброситься на меня с клыками и острыми копытами, до пробирающего до дрожи рева и выпученных глаз. Но совсем не к такому вот заявлению.

- «Суд. Молоток, парики, сроки за потребление эмоций и экстрадиции незаконных, драть их в сраку, мигрантов. Эквестрийский, мать его, суд» - матерно проскрипел гость, негодующе болтая длинной алой змеей раздвоенного языка, своим неожиданным заявлением заставив меня, охреневая, икнуть – «Согласно концепиции эквестрийского законодательства, а в частности, законов за нумером сто пятьдесят восемь, сто шестьдесят и сто шестьдесят три, мое предложение указать вам выход из затруднительного положения носило характер публичной оферты, о чем вы были предупреждены согласно этим законам мной лично, как выгодополучателем в сложившейся ситуации».

- «Но я…».

- «Согласно закону за нумером сто пятьдесят девять, части второй, ваши дальнейшие действия были явно направлены на реализацию сделки, пусть и без явных заявлений о желании принимать условия оферты» - вновь заскрипело противное существо, впиваясь в мой мозг не только своим мерзким, скрипучим голосом, но теперь еще и кучей слишком умных и сложных слов. Выдав на одном вдохе эту сложную и длинную фразу, оно остановилось, и с предвкушением уставилось на меня, словно на вкусную и жирную муху – «Будете отрицать?».

- «Эй! Я ничего не подписывала!».

- «А когда вы садитесь в мейнхеттенское такси, то тоже подписываете договор?» - скрипуче рассмеялся мой собеседник. По крайней мере, я хотела надеяться, что верно определила его пол, ведь в моем представлении он выглядел как склочный, жилистый старикан, отчитывающий попавшегося на дороге соседа – «Конклюдентные действия не нуждаются в оформлении сделки. Вы воспользовались предоставленной мною услугой, и таким образом, были согласны с условиями ее предоставления. Тем более, что были

полностью проинформированы о условиях, на которых я предоставил эту услугу».

«Никогда не любила законников. Они меня раздражают».

- «Вывернуться не получится?» - еще раз усмехнувшись, существо покачало лысой головой, украшенной пеньком чего-то, подозрительно похожего на обломанный рог – «Ну вот до чего мы дожили, а?» - спустя пару минут игры в гляделки, шмыгнула носом я. Это было даже хуже, чем публичное унижение на каком-нибудь важном приеме – в конце концов, я бы знала, что сделать с тем, кто отважился бы на подобный трюк. Вспомнить хотя бы дурака де Воню – не вмешайся тогда тот знаменитый художник, я бы заставила мерзавца при всех свои же лапы сожрать. Но черная гадина была определенно права, и я не могла не признаться самой себе, что и вправду воспользовалась словами этого Вергилия, выбравшись на поверхность – «Мне уже судом и финансовой кабалой угрожают! Мир, ты не справедлив!».

- «Миру нужна не эфемерная «справедливость», как называют свои желания пони, а справедливые законы для каждого» - наставительно ответила черная пакость, ставя передо мной новенькую, словно только что купленную в магазине плетеную корзинку - «Пока вы, Ваши Высочества, забавляетесь, играя в противостояние друг с другом, нам, существам занятым, некогда – мы делаем все для существования наших народов».

- «Ага. Конечно. Знаю я, как вы действуете» - продолжила говниться я в надежде, что собеседнику это надоест, и он тихо свалит туда, откуда выполз, прихватив с собой непонятную дрянь, мерзко шевелившуюся под белой простынкой. Но судя по всему, надеждам этим сбыться было не суждено, и у этого безволосого шантажиста был полный иммунитет к кобыльему нытью, поэтому он продолжил сверлить меня взглядом фасетчатых глаз – «Видела, под Грифусом. Даже поучаствовала».

Молчание затягивалось, и даже звучащие в библиотеке, негромкие голоса, казалось, только сгущали возникшую вокруг нас тишину.

- «А это еще что такое?» - наконец, не выдержав, я раздраженно рванула пеленку, готовясь отпрыгнуть от рванувшихся ко мне щупалец, пастей или клубка опарышей, скользко извивающихся под грубой, но чистой тканью… И остолбенела.

- «Инструкция прилагается» - проскрипел перевертыш, протягивая мне лист бумаги, судя по виду, выдранный из какого-то альбома. Поперек него, написанные изящным почерком, вились пять строчек из коротких, рубленных фраз – «Необходимо пронести корзинку в тронный зал и убедиться, что она

попала к принцессе Селестии. Вы понимаете? Она должна всего лишь в нее заглянуть».

Древние считали что месть – это блюдо которое подается холодным. И они же считали, что месть не приносит удовлетворения, оставляя в душе одну пустоту. Но я не представляла, что же должно было произойти, чтобы оно остыло настолько, чтобы душа не загорелась как тот уголек, что вспыхнул в моей груди при воспоминании об унижениях и суровых уроках, которые преподал мне один аликорн. Казалось бы прочно похороненные глубоко в памяти, они вспыхнули яростным пламенем, разбуженные скрипучим голосом существа. Все уроки, все наставления пошли прахом в этот момент, Твайлайт, превращаясь в обугленные головешки, яростью горевшие у меня в груди. Я сама не знала, откуда взялось это чувство, но именно оно, вырвавшись обжигающим пламенем из ноздрей, заставило дать четкий не допускавший разнотолков ответ.

Мне было это нужно, Твайлайт, и думаю, с годами, ты поняла почему – даже если мне этого и не простила.

- «О, даааааа!» - перехваченным горлом просипела я, еще раз перечитывая короткие строки. Неужели у меня появилась возможность отомстить? Отомстить по-королевски, с полным осознанием того, что я делаю, и почему? Глядя на содержимое корзинки, я начала понимать, почему аликорны с таким равнодушием относились к оружию и доспехам. Как там сказала тетушка – «Настоящий правитель»? Что ж, теперь она убедится в том, что настоящему правителю не нужно тварное[5] железо, ведь плоть гораздо сильнее всего, что может создать этот мир. И силой одного только своего разума он способен его изменять, как собиралась и я изменить кое-чью жизнь, привнеся в нее немножечко персонального, сделанного на заказ ада от шеф-повара Скраппи Раг.

Мне казалось, что это будет исключительно честно после всего, что она сделала со мной.

- «Вы согласны?» - вновь проскрипел посланник черной королевы, и дождавшись моего кивка, вновь набросил на корзинку белую ткань, скрывая ее содержимое от любопытных глаз, после чего та перекочевала ему на спину – «Тогда будьте готовы. Я буду хранить *это* для вас, и в нужный миг окажусь неподалеку. А потом…».

- «А потом *у нее* уже не будет никаких потом!» - злорадно прошипела я, хлопком крыла закрывая ставшие бесполезными книги. Пусть считает, что

[5] Здесь: приземленное, обыкновенное, лишенное духовности и символизма.

победила, пусть считает, что смогла промыть мне мозги! Но путешествие в подземной стране изменило меня больше, чем я думала, но поверь, подруга – в тот миг мне было плевать, и все, о чем я могла думать, это о дне возвращения, и тогда…

И тогда я намеревалась кому-то хорошенько припомнить все хорошее, что со мною произошло.

***

- «Удобно ли вам, фрау Раг?».

Остаток дня прошел для меня достаточно бурно. Вернувшись из библиотеки в посольство, я никак не могла успокоиться, и несмотря на показную сосредоточенность, до самого вечера пробегала по коридорам, словно играя в догонялки сама с собой. Не помог даже мятный отвар, который нашелся в баре каминной, но сам факт его нахождения в этом месте заставил меня надолго задуматься о сложности работы посла, сумев хотя бы немного отвлечь от переполнявших голову мыслей. Может, от несвежей настойки, а может, просто из-за сумятицы в голове, я проснулась достаточно поздно, всклокоченная, и лежа в постели еще долго недоумевала, почему солнце никак не пробьется из-за тяжелых гардин. Видимо, устав от моих выкрутасов, народ решил отдохнуть, и не придумал ничего лучше, чем дать мне продрыхнуть до самого полудня, если можно было верить настенным часам.

Мне вдруг стало интересно, их впервые придумали пони или грифоны?

- «Наверное…» - взглянув на себя в зеркало, я задумалась, и медленно, со знанием дела, крутанулась на месте, старательно разглядывая свой наряд. Удивлена, Твайлайт? Да, наверное, я бы тоже удивилась, расскажи мне кто-нибудь, что я, известная всем отсутствием какого-либо вкуса и знания модных тенденций, не говоря уже о самых простых вещах, с детства известных каждой кобылке, вот уже несколько часов буду крутиться у зеркала, решая, что же именно мне надеть на торжественный прием, организованный королем! На этот раз идея нацепить на себя очередную несчастную занавеску, вся вина которой заключалась лишь в том, что той не посчастливилось попасться мне на пути, была с ходу отвергнута мажордомом, с большим искусством и энтузиазмом взявшимся за мою подготовку к приему. Это было своего рода соревнованием, когда в пику ему, я лично послала мужа к одному из лучших мастеров своего дела, и пользуясь тем, что после войны с пони его искусство оказалось не слишком востребованным, да и казалось попросту

предосудительным в глазах общества, притащила его в посольство, где вот уже который час, глубокомысленно, не торопясь, подбирала себе наряд, достойный этого высокого события. Впрочем, одноглазый вояка не оплошал, и с самой серьезной рожей принял участие в эмоциональном обсуждении последних веяний моды, благодаря чему, очень скоро, посольство стало напоминать разворошенный муравейник. Ко входу, один за другим, подлетали портшезы, из которых вываливались запыхавшиеся подмастерья, несущие в лапах немалых размеров мешки; посольские горничные, словно мыши, с писком и топотом бегали по коридорам, в то время как охреневающие Кавити и Грасс то и дело выбегали в соседние комнаты, унося и принося новые элементы торжественных одеяний, в которых я собиралась заявиться на прием к королю.

- «Думаю, так будет неплохо» - обернувшись вокруг своей оси, я потянулась, расправила крылья и глубоко наклонилась вперед, словно пытаясь потренироваться в почтительном придворном поклоне – «Хотя нет. На спине немного жмет, возле хвоста».

- «Возможно, шнуровка на два стежка шире решит этот вопрос» - со знанием дела каркнул мажордом, сверкнув в сторону мастера бельмом на глазу. Заносчивый и неуступчивый, мастер Хегшмудт одно время даже успел побыть главой местной гильдии мастеров, но даже тот обращался с одноглазым грифоном с профессиональной вежливостью, которую совершенно не стремился демонстрировать толпившимся в его приемной дворянчикам, решившим, что на безрыбье - и рыбу раком, и раз все остальные мастера были заняты спешными заказами, то полуопальный профессионал будет рад видеть у себя даже их. Впрочем, убедившись, что я не собираюсь покупать у него всякий ширпотреб, который он с важной миной впаривал перьеголовым дворянкам, мастер несколько отмяк от той беспардонности, с которой его приволок ко мне Графит, с которым я еще собиралась поговорить по поводу недопустимости выдергивания жертв его спешки прямо из постели, с последующей доставкой в одних подштанниках пред ясные очи клиента, и угостившись неплохим вином, которое мне только понюхать и дали, всерьез принялся за дело, гоняя через весь город своих подмастерьев.

- «Это не потребует много времени» - тонкие, длинные пальцы когтистых лап принялись за дело, ловко орудуя красивыми алыми шнурами у меня на спине. Имевшиеся у меня элементы посольского облачения если не привели мастера в восторг, то, по крайней мере, заставили относиться к заказу серьезнее – «Что изволите делать с *аксел?* Оставить плечи открытыми, или добавим *айлетте?*».

- «Я привыкла обходиться без них» - по укоренившейся привычке, мастер Хегшмудт использовал множество слов на ново и старогрифоньем, пуская

клиентам пыль в глаза, но я все же улавливала, о чем идет речь – наверное, во многом благодаря присущему кобылам чутью на наряды – «Ронделей тоже не нужно – я же не пугать там всех прилечу».

- «Возможно, понадобится *плакарт?*».

- «Фи. Предпочитаю *фолды*».

Появившиеся в дверях подручные мастера ухватили отвергнутые части наряда, и тихонько покряхтывая, потащили получившуюся кучу обратно в портшез, едва не столкнувшись в дверях с появившимся графом. Со своей привычной загадочной полуулыбкой оглядев устроенный мной кавардак, он присоединился к Рэйну и мужу, отиравших стенки у выхода, и на протяжении последнего часа страдальчески закатывавших глаза.

- «Вот эти короткие полосы? Ну, возможно…» - слегка поморщился мастер, тыкая когтем в мой круп – «А что с этим платьем?».

- «Это туника» - буркнула я, глядя на тряпочки, в которые превратило путешествие мою последнюю одежку. Латаная-перелатанная, она наконец не выдержала, и сдалась под напором моей бестолковой и бурной жизни, превратившись в грязные тряпки, отличающиеся лишь остатками алого цвета от половых – «А вот это уже мое изобретение – юбка со шлейфом. Видите? Передняя часть ног абсолютно открыта благодаря длинному вырезу с широко отстоящими друг от друга краями, поэтому ходить или бегать становится очень удобно. А когда мы стоим или летим, ткань прижимается к паху и задним ногам, обеспечивая защиту от холода, дождя, и прочего града и снега».

- «Вот только выглядит она так, словно ее глоп пожевал» - нахмурившись, мастер Хегшмудт с отвращением потыкал коготком в тряпки, которые я грустно прижимала к груди, после чего хрипло каркнул что-то своему подмастерью – «Но, к счастью, у меня есть кое-что, что сможет ее заменить».

Очередной час пролетел почти незаметно. После примерки обновок меня отправили в ванную, где горничные, под присмотром королевского мажордома, вновь превратили меня в горку пены, в которую не замедлили нырнуть и детишки, пусть даже Берри очутилась в наполненной пеной ванне не совсем по своей воле, засунутая туда любящим отцом. Его появление в ванной комнате горничные встретили дружным визгом, а одноглазый грифон только глаза закатил, буркнув что-то про «фрайкопекультур» - культуру свободного тела. Кажется, он считал всех пони эдакими хиппи-нудистами – существами придурковатыми, но в целом, достаточно безобидными, в чем, впрочем, легко было усомниться, увидев истерику, которую закатила дочурка, оказавшись в пенной воде. Впрочем, писклявый бунт был, как обычно, подавлен, и

надувшейся Берри только и оставалось что тихо скулить, наматывая сопли на копыто, пока я тщательно намыливала ее гриву, в то время как горничные активно возились с моей. Наконец, намывшись, мы отправились обсыхать, и пока закутанные в полотенца детишки ухомякивали орехи в меду, которые им притащила заботливая, мать ее, Грасс, решившая спасти детей от ужасной гибели в копытах безалаберной матери-тирана, я отправилась примерять обновки, подготовленные и подогнанные под мою фигурку устало сопевшими мастерами.

- «Ну как?» - поинтересовалась я, выйдя из комнаты на всеобщее обозрение. Остановившись на лестнице, я хитро прищурилась на собравшихся внизу пони, и неожиданно взмыла в воздух, бросая себя вперед и вверх коротким рывком. Удар крыльями, остановка в воздухе, затем еще один взмах – и я камнем упала на собравшуюся в прихожей толпу, с гулким стуком приземлившись на все четыре копыта. Шарахнувшиеся в сторону легионеры одобрительно присвистнули, разглядывая мой обновившийся гардероб, в то время как Грасс закатила глаза, воздевая к потолку трясущиеся от негодования ноги – «Крррррасота!».

- «Рар! Ты…» - справившись с возмущением, зеленая земнопони с негодованием ткнула в меня копытом, явно не находя слов от возмущения, причин которого я понять до конца не смогла – «Ты… Есть в этом мире хоть какая-нибудь вещь, которую ты не смогла бы опошлить?!».

- «А что тебе не нравится?».

- «Вот это!» - копыто земнопони ткнуло меня в грудь, но вместо мягкого шуршания платья раздался глухой, солидный стук тяжелого, хорошо подогнанного доспеха. Мастер Хегшмудт по праву мог называться профессионалом, и сотворил небольшое чудо, с помощью новой упряжи всего за несколько часов соединив обратно все части моего доспеха. Кольчуга была отмыта, просушена и выкупана в смазке, уже отпечатавшейся на плотной ткани обновленного гамбезона, но ни я, ни мастер на это и ухом не повели, прекрасно понимая, что в этом деле красота должна потесниться, уступив место чистому функционалу. Впрочем, темно-красная ткань подкладки, приятно скользившая по шерсти, выглядела достаточно презентабельно, хорошо сочетаясь цветом с наброшенной поверх него и кольчуги алой туникой, выполнявшей роль эдакого сюрко, для чего-то надетого под доспех. Помнится, старый ворчун долго подтрунивал по этому поводу надо мной, каждый раз вспоминая анекдот про рясу, заправленную в трусы, однако первый же бой в этих доспехах наглядно показал нам, что вышивать по полю боя в чем-то красиво болтающемся на боках и между ног может только тот, у кого есть целая свита, способная не только отстирать неудобный, хотя и красивый элемент униформы, но еще и

поднять упавшего неудачника, наступившего на длинную полотняную простыню. Грифонам они мешались в гораздо меньшей степени, ведь крылатые кошкоорлы предпочитали сражаться в полете, пусть даже и не высоко над землей, но и они заправляли их за широкие риттерские пояса, ставшие отличительным знаком привилегированного военного сословия.

- «Ага! Тебе тоже понравилось?» - умилилась я, ласково поглаживая копытом стальные сабатоны. Увидев это, Грасс снова передернулась, словно я медленно и не торопясь, размазывала по копыту какашку – «Тяжелый штурмовой доспех. Сильно долго в таком не побегаешь, но вот чтобы ворваться куда-нибудь, и причинить много боли – лучше и не придумать. Видела, как я десантировалась со второго этажа? А если не на ноги, а плечом, да кому-нибудь на голову, или спину?».

В доказательство своих слов, я простодушно скакнула вперед, и в коротком прыжке, легонько, приложилась плечом о массивный столбик перил. Он показался мне достаточно крепким для того, чтобы понять, как будет ощущаться удар при столкновении в полете или прыжке, поэтому не слишком экономила силы, почти с умилением ощутив, как удобно ощущает себя плечо в массивном наплечнике, ребро жесткости которого ненавязчиво соприкоснулось с дубовым столбом.

- «Берегись!» - рявкнула где-то сзади Кавити, когда послышался грохот и треск. Совершенно внезапно для себя самой, ударившись о несчастный, крошечный столбик, я не остановилась, а полетела себе дальше в облаке щепок и пыли, в довесок, получив по макушке тяжелым деревянным шаром, который какой-то придурок прилепил на верхушку столба. Оказавшись на поверку хлипкой и ненадежной, конструкция разлетелась на части, обдав бросившихся врассыпную грифонов и пони обломками дерева и трухлявыми внутренностями столба, в то время как я понеслась себе дальше, пока не врезалась в стеновую панель, с хрустом принявшую меня в свои покосившиеся объятья, прогнувшись до самой стены.

- «Все живы?!» - что ж, выучка и впрямь пошла нам на пользу, и сидя среди обломков и древесной трухи, я поняла, что уже думаю, как и остальные легионеры, о локализации возникшей угрозы, перекличке, и понесенном ущербе. Первая явно отсутствовала, вторую уже производили, а вот что было с третьей… - «Командир, вы в порядке?!».

- «Лучше не бывает» - буркнула я, потирая шишку на многострадальной голове. На этот раз мне повезло, и меня приложило по темечку, а не носом, хотя в глазах появившихся наверху лестницы фестралов я прочитала вердикт: «Были бы мозги – было бы сотрясение». При виде побежавших к нам горничных,

нахмуренных рож мужа и графа, и главное, королевского мажордома, мои глаза сами метнулись к началу лестницы, где остался лишь вывороченный из гнезда короткий обломок резного столбика, при виде которого моя бежевая задница рефлекторно сжалась в кулачок. В голове появились цифры счета за обновленные доспех и тунику, приплюсовалась работа мастера, поверх наложился счет за разрушенное посольство, после чего мне стало крайне неуютно. Оставался один вариант – закатить кобылью истерику, но похоже, я оказалась не слишком убедительной и в этом вопросе.

- «Нет, вы видели? Видели, а?» - поднимаясь на ноги, возмущенно заголосила я, потрясая крыльями и передними ногами – «Что это вообще такое?! Какие, к черту, ГОСТы, СНиПы и техника безопасности?!! Столб нападает на эквестрийского посла! Позор! Я возмущена, и буду жаловаться… Жаловаться… В Гаагский трибунал!».

- «Дя!» - поддакнула Берри, вскакивая на спину испуганно поглядывавшей на меня Грасс, в чьей гриве запутались мелкие щепки. В отличие от них, в минуту опасности мой сынишка не растерялся, и как будущий глава семьи, смело и грамотно прокомментировал все произошедшее, с поистине жеребцовой непосредственностью, громко выдав со спины тетки свое весткое слово – «Piztets!».

Должна заметить, что даже в неполных четыре года это слово было произнесено четко, ясно, и без малейшего акцента. Вот что значит хороший учитель, Твайлайт!

Впрочем, взгляды Графита и Грасс явно дали мне понять, что хроника моих преподавательских усилий будет написана ремнем, на моем же бежевом крупе.

- «Что-то случилось, Раг?» - поинтересовался граф, элегантно спускаясь по лестнице, словно какой-то грифоний повеса, ранним утром возвращающийся из будуара любовницы.

- «А у нас всегда что-то случается. Ты не заметил?» - пробормотала я, вытряхивая щепки из гривы.

- «О, я понял это довольно быстро, еще в самом начале нашего путешествия» - иронично улыбнулся фестрал. Он был облачен в вечерний костюм самого модного и элегантного покроя, и у меня сам собою возник вопрос, где же он прятал его все это время – «Но надеюсь, за все это время ты выработала какой-нибудь план».

- «Конечно же. Мы зайдем к ним с флангов, подкрадемся с тыла, и внезапным наскоком ударим им прямо в лоб!» - обрадовавшись смене опасной денежной

темы, уверенно провозгласила я, вызвав дружный, стоический вздох подчиненных, символизирующий о покорности неизбежной судьбе - «Вооружаемся, леди и джентельмены! Сегодня мы представляем Эквестрию, поэтому должны показать себя во всей, мать ее, страшной красе!».

- «А разве мы идем не на королевский прием?» - хмыкнул граф. Он даже отступил от меня на пару шагов, словно хотел получше разглядеть, кто это тут так воинственно пищал, бряцая оружием и броней.

- «Именно, что на королевский прием» - покивала я, устраивая на плече Фрегорах, для которого мастер Хегшмудт не забыл отдельное крепление из нескольких петель – «А я что, кому-нибудь говорила, что там будет совсем не опасно?».

- «А я-то думал, что мы тебе нравимся…» - иронично буркнул он, непринужденно прошелся по холлу, и словно так задумывалось, отправился на лестницу, в сторону выделенных нам покоев. И кажется, я догадывалась, зачем, отчего не смогла не ухмыльнуться.

- «Пони, которые нравятся Скраппи, часто попадают под удар превосходящих сил, в чистом небе, без подготовленных позиций» - фыркнул ему в спину Рэйн. Кажется, его совсем не удивил мой приказ, и я поняла, что в дружелюбие местных грифонов он, как и я, не верил ни на бит – «Можете спросить остальных, откуда мы это знаем».

- «Эй, я была уверена в вашей стойкости и воле к жизни!».

- «Вот, слышали?».

- «Слышали? Я думала, вы это уже давным-давно осознали!» - хохотнула я, после чего грозно поглядела на чересчур развеселившихся подчиненных. Пока еще моих подчиненных, но до тех пор, пока я не вернусь в Кантерлот, они еще успеют у меня понюхать портянку – «Так, обезьяны плоскожаберные, подтянулись! Приготовили оружие, берем все оставшиеся болты! У нас еще полно работы!».

- «Вот теперь я понимаю, что мы идем с настоящим эквестрийским послом на настоящие мирные переговоры» - схохмил Рэйн. Впрочем, даже в посольстве он следил, чтобы его подопечные не расслаблялись, и оказывались без брони и оружия только в сортире и койке, поэтому долгих сборов нам не потребовалось. Получив от меня уверения в определенной самостоятельности, и по сути, выбив себе привилегии принцепс-кентуриона, он бдительно следил за подчиненными, видимо, помня и мой рассказ о преторианцах, и тот маленький бунт, возникший в наших рядах прямо во время войны, поэтому буйная

компашка пегасов, отобранная мною на это задание, быстро почувствовала на своей холке его каменное копыто. При этом он умудрялся проделывать все так, что я почти не видела его «воспитательную работу», проводимую среди вооруженного и склонного к нервическим порывам персонала нашей небольшой, но уже достаточно известной компании «Легион Инкорпорейтед». И это навело меня на мысль о том, что совсем без контроля его лучше не оставлять.

- «Именно. Поэтому сейчас мы отправимся в тронный зал, где будем приняты королем» - сложив крылья на спине, я с важным видом прошла вдоль построившихся и подтянувшихся легионеров, зная, что неподалеку греет уши этот королевский камердинер, словно грозная статуя воплощенной гордости, замерший у дверей – «Или не будем приняты королем – это не важно. Важно то, что вся Эквестрия и принцессы ждут, что мы до конца выполним свой долг. А долг этот заключается в том, что если что-то пойдет не так, мы обязаны как можно более героически сдохнуть, забрав с собой побольше этих клювастых господ! Я жду, что каждый из вас, прежде чем пополнить собой списки героически павших в неравном бою, настрогает не менее сотни этих перьеголовых и кошкожопых ублюдков, наполненных воплями и птичьим говном!».

Облаченные в разноцветные туники пони нервно переглянулись.

- «А ну, смир-рна!» - негромко, но выразительно выдохнул стоявший чуть позади Рэйн.

- «У меня не бывает веселых прогулок, мои милые пегасята» - ехидно ощетинилась я, ощущая, как внутри, неторопливо, вновь начала затягиваться тугая пружина – «И если я сама готова принести себя в жертву необходимости, то я жду того же и от каждого из вас! Мы с вами вкусно жрали, сладко пили, и иногда даже пытались сделать что-то полезное, пусть и не всегда нам это удавалось. Но теперь мы заплатим наш долг своему народу до конца, до последней капли. Это понятно?!».

- «Мэм, да, мэм!» - немного нестройно рявкнула полукентурия, собравшаяся в холле посольства.

- «За что мы боремся?!».

- «За Эквестрию, мэм!».

- «За что мы сдохнем?!».

- «За Эквестрию, мэм!».

- «За Эквестрию, и наш народ!» - кивнула я, с грохотом прикладывая облаченное в сталь копыто к тораксу, и дождавшись ответного грохота, от которого задрожали оконные стекла, очень спокойно и веско произнесла – «А того, кто забудет это сделать – убью лично, и дом его разорю, дабы неповадно было братьев по оружию предавать».

Судя по прижавшимся к шее, многочисленным ушам, сомневающихся в моем обещании было немного.

- «Скраппи, можно тебя отвлечь на секунду?» - поинтересовался муж, плавно заворачивая меня в какой-то закуток между бюстами, установленными на деревянных постаментах, подозрительно напоминающими столбы. После происшествия с лестницей я очень недоверчиво поглядывала на эти ненадежные штуковины, способные уронить мне на макушку что-нибудь потяжелее, чем деревянный полированный шар – «Послушай, ты тут что, кукурузных лилий[6] объелась? Какая еще героическая гибель? Вот, гляди - мы все предусмотрели, и в случае нечестной игры…».

- «Даже в этом случае мы действуем по заранее обговоренному плану!» - отрезала я. Никаких уговоров, убеждений или нытья – в этот миг я все больше и больше ощущала внутри себя родство даже не с Древним или Найтинглейл, а с кем-то третьим. С кем-то холодным, выточенным из гранита и черного льда. Символом, родство с которым изо всех сил отрицала, но постепенно превращалась в него – в Легата Легиона. Того, кто посылает на смерть, но и сам не бегает от смерти. В того или ту – возраст и пол был не важен, уступая первенство символизму самой фигуры. Штандарту, водруженному на древко. Глядя на мужа снизу вверх, я прижалась закованной в сталь грудью к его груди, наверное, в первый раз на своей памяти заставляя ошеломленно податься назад – «Я ожидаю любого развития событий, в том числе и разлучения с нашим почетным караулом. Это не меняет ничего – ты хватаешь детей, и линяешь, а я…».

- «А ты остаешься одна?! Вот уж нет! Граф нам поможет!».

- «А я – делаю то, что нужно» - выдохнув, я подняла голову, пристально глядя Графиту в глаза – «Милый, я не доверяю этому жеребцу. Я не настолько глупа, чтобы изображать из себя блондинистую пегаску, и пытаться как-то вас разлучить, или повлиять на твой выбор друзей. Но я ему не доверяю – называй это как хочешь, хоть материнским чутьем. Но только ты будешь способен его проконтролировать, если что-то пойдет не так. Правда же?».

---

[6] Чемерица. Выражение аналогично "белены объесться".

Супруг медленно и неохотно отвел глаза.

- «Не думаю» - неохотно и хмуро процедил он, понижая голос до едва слышного шепота, в его исполнении звучавшего как бурчание дизеля на маленьких оборотах – «Ты многого не знаешь, но я уже абсолютно не уверен, что смогу его остановить, если он задумал недоброе».

- «Ох…».

- «Но я уверен, что он на нашей стороне» - оглядываясь, закончил муж. Слух ликтора его не подвел, и спустя миг, из-за постамента появилась донельзя ехидная морда Грасс, удовлетворенно оглядевшая наши импровизированные обнимашки – «Что-то случилось, мисс Беррислоп?».

- «Жду, когда вы наконец согласуете свои коварные планы» - вздохнула она, движением плеч оправляя на себе легкое белое платье, к которому прилагалась широкополая шляпка-аэродром. Семенившие рядом с ней близнецы уже были упакованы в разноцветные попонки, которые мы выбрали им когда-то на вырост, увидев симпатичные жеребячьи наряды на одной из осенних понивилльских распродаж – их вид разбудил во мне чувство вины, ненадолго сжавшей тревожно стучавшее сердце - «И начнете меня убеждать в том, что мне придется остаться в посольстве вместе с детьми».

- «Ты так стремишься на Небесные Луга?» - холодно удивилась я. Это прозвучало резче и отстраненнее, чем я хотела, но увы, слово было сказано, хотя и не слишком повлияло на Грасс – «А дети?».

- «Я уверена, что под защитой графа Оактаунского и твоего мужа мы будем в полном порядке» - фыркнула зеленая язва, иронично оглядывая нас словно подростков, заблудившихся в густом саду. За ее спиной я увидела приоткрывшуюся входную дверь, через которую в холл проникла фигура грифона, подскочившая к мажордому, и что-то зашептавшая, склонившись к его плечу. Знаешь, как шепчут грифоны, Твайлайт? Приоткрывшийся клюв, в узкой щели которого быстро-быстро мечется птичий язык, вторя журчанию приглушенного клекота, доносящегося из быстро двигавшегося под перьями горла – зрелище, производящее неизгладимое впечатление на тех, кто видел его в первый раз – «Скраппи, я не вмешиваюсь в твое посольство, и поверь, нервничать перед таким ответственным делом – это нормально. Но наш долг состоит в том, чтобы представить королю юных принца с принцессой, и то, что они твои дети, и ты волнуешься за них, ничего не меняет. Уверяю тебя, мне будет гораздо спокойнее вместе с тобой, чем в этом посольстве – это место кажется очень негостеприимным. Ты так не считаешь?».

- «Ты помнишь, что я говорила о своих снах?» - начала я, но в это время к нам подошел королевский посланник, и я скомкала фразу, не желая выносить на публику разногласия в наших рядах – «В общем… Поговорим по дороге».

В конце концов, я могла и собиралась попросту приказать парочке своих подчиненных завернуть ее обратно с приказом никуда отсюда не выпускать.

- «Время, посол» - холодно каркнул старик, пристально оглядывая меня единственным зрячим глазом. При виде белого бельма на другом, дети испуганно шмыгнули ко мне, спрятавшись за материнские ноги – «Время вышло. Ваше присутствие в тронном зале необходимо королю».

- «Мы готовы» - бросив короткий взгляд на Кайлэна Оактаунского, появившегося на лестнице в полном боевом облачении, кивнула я, при этом отметив очень интересное построение той фразы, что высокомерно выдал грифон. Она подтверждала мои худшие опасения. Проходя мимо невольно расступавшихся перед ним легионеров, он кивнул, поглядев на нас уж слишком понимающим взглядом, заставившим меня поежится под доспехом. Не знаю, кто же скрывался под маской богатенького выходца из знатной семьи, баловня и скандально знаменитого путешественника, успевшего прославиться в свете своими громкими приключениями и не менее громкими дуэлями при дворах двух государств, но я ощущала, что это была всего-навсего маска, под которую мне удалось заглянуть.

Жаль только, что ясности это не принесло.

- «Тогда отправляемся» - величественно заявил он, удостоив королевского посланника лишь мимолетным взглядом пресыщенного жизнью вельможи, который мастерски умел изобразить – «Вперед, эквестрийский посол!».

Что ж, делай что должно – и пусть случится то, чему суждено.

***

«Король нуждается в твоей поддержке, и немедленно!» - мысль, неприкрыто звучавшая за заявлением грифона, настроила меня с одной стороны на боевой лад, а с другой – вновь заставила дергаться за детей и родственников. Однако, казалось, почти никто не разделял моих тревог, и видя спокойных, как танки, командиров, успокоились и легионеры, принявшись глазеть по сторонам. Нас, словно важных господ, усадили в летающие повозки, нижняя часть которых была скрыта плотным туманом, скручивавшимся в элегантные завихрения, при виде которых мне на ум пришло сравнение с судном на воздушной подушке. Но в отличие от тех узкоспецифичных и очень шумных изделий предков грифонов и пони, эти открытые ландо парили над землей абсолютно бесшумно, одним

своим видом продемонстрировав частичку экспортной статьи доходов Эквестрии. Конечно, такие были и у пони, но в силу склонности своей к консерватизму и большому количеству земнопони среди всего населения (а может, именно благодаря последнему), выглядели они куда архаичнее, и обязательно снабжались колесами, чего не избежали экипажи даже таких могучих существ, как принцессы. В любом случае, двигались мы быстро, и впряженные в постромки, грифоны доставили нас достаточно быстро к дворцовому комплексу, вырубленному в стене огромного зала, над входом в который я заметила прятавшуюся в тени надпись, выведенную серебром.

«Воззрись же, о путник, на чудеса, подарок Матери Ночи».

Надпись была выполнена на старогрифонском, да еще и скрывалась в тени, но она быстро выпала у меня из головы при виде большого парка, разбитого в подгорном зале. Я мгновенно узнала эти низкорослые деревья, которые видела в кабинете у матери несколько лет назад – тогда еще голые, состоявшие из одних только студенистых щупальцев с обсевшими их светлячками, теперь они обзавелись аккуратными листьями, которые кропотливый садовник не подстригал, но закручивал, придавая деревьям понравившийся ему вид. Проложенные между ними дорожки с обычной грифоньей педантичностью делили сад на симметричные треугольники и квадраты, но я заметила влияние и другой, еще незнакомой мне культуры, влияние которой увидела в невысоких многоярусных террасах из белоснежного камня, так же усаженных этими странными деревцами. Их кроны подрагивали, словно под невидимым ветерком, когда мы проходили мимо – коляски высадили нас у входа в парк, и подобно прочим грифонам, мы отправились к дворцу на своих четырех, ведь даже гордые и заносчивые жители города, передвигающиеся исключительно над землей, отчего-то не рисковали подниматься выше нескольких метров над камнем, словно боясь стать добычей этих странных, древоподобных существ. Я уже не могла думать о них как о просто деревьях, когда первая же «актиния» медленно потянула ко мне свои разворачивавшиеся щупальца, усеянные перемигивающимися светлячками.

Но я ошибалась, и лишь повернув голову, поняла, что они потянулись к детям, громко чирикавшим у меня на спине.

- «Традиции и кодекс требуют от каждого проявлять уважение, и не подниматься над кронами, чтобы не заслонить своими крыльями для других вид этих висячих садов» - произнес мажордом, двигавшийся рядом со мной. Мне показалось, что в его обычно скрипучем голосе появились романтические нотки, когда круглые птичьи глаза обозрели полосы лунного света, падавшие откуда-то с потолка. Направленные под углом, они создавали рассеянный жемчужный свет, в котором безумно красиво перемигивались светящиеся ветви

волшебных растений, растущих даже на толстых колоннах, поддерживавших свод, откуда они свободно свешивались с традиционных грифоньих балкончиков, похожих на завитки пены, или стилизованные формы облаков – «Раньше пфердактинии хватали слишком гордых или глупых грифонов, устраивая ослушникам самую настоящую порку, но вскоре запрет стал традицией, нарушать которую попросту неприлично. Тысячу лет здесь был лабиринт из колючих растений с острыми шипами, а в дворце рисковали селиться только злодеи и сумасшедшие, одним из которых был знаменитый Кономор дер Блаубарт. Но теперь, как может видеть ваша милость, все изменилось».

- «Красиво…» - пробормотала я, глядя на символы полной луны и вписанной в нее полумесяца. Толпы грифонов бродили по парку, с некоторой остраткой притрагиваясь когтистыми лапами к веткам-щупальцам, и за расфранченными толпами знати, фланирующими по дорожкам, я увидела целые семьи, любовавшиеся загадочными древоподобными существами во время прогулки по темной сине-зеленой траве.

Но если предположить, что это были те самые растения, которые я видела в кабинете принцессы еще несколько лет назад, вырисовывалась довольно интересная картина.

«Пожалуй, можно сказать, что «Интрига приобретает интерес», как любит говорить одна из принцесс».

- «Его Величество выбрал этот замок для приема посла в честь ежегодного праздника, во время которого забываются распри, и все грифоны могут невозбранно посетить этот сад. Малые ходят и летают среди великих, и отказывать в просьбах в такой день уже считается моветоном. Чем часто многие и пользуются».

- «Что ж, поскольку это будет лишь презентация верительных грамот, то принц и принцесса могут остаться в парке и погулять, пока мать занимается скучной посольской работой» - сделала я свой ход, краем уха отметив неприятную для меня параллель, проведенную надутым стариком. Можно подумать, что это я напросилась на этот прием во дворце, лягать его тройным взбрыком!

- «Думаю, ваша милость захочет показать их Его Величеству» - не согласился со мною старик, слегка притормаживая перед небольшой толпой разодетых господ. Выйдя на дорожку, переговаривавшиеся грифоны и грифонки словно невзначай, заступили нам дорогу, посмеиваясь и поглядывая на своего представителя, вожака, с крайне надменым видом разглядывавшего нашу кавалькаду.

- «Ну, господа, и где же этот посол?» - протянул крепкий на вид грифон, поля шляпы которого были лихо заломлены с одной стороны, придавая ему беззаботный, и в то же время угрожающий вид, ассоциировавшийся у меня с каким-нибудь флибустьером – «Право же, я вижу перед собою только кучку перепуганных пейзан, ощетинившихся граблями и мотыгами».

- «Че орешь?! Я посол!!» - иногда сознание брало надо мною верх[7], как любили выражаться пони. Сдавив железным копытом волнения и переживания за семью, я была слишком занята контролем за этими чувствами, и не подумала о том, чтобы контролировать и самое себя. В итоге, я даже не задумалась прежде, чем скакнуть вперед, и бронированной грудью врезаться в грудь отшатнувшегося дворянина, вынужденного замахать крыльями, чтобы не опуститься бесславно на свой зад – «У кого ко мне какие просьбы, или вопросы?!».

«Да, милочка, ты просто прирожденный дипломат» - тяжело вздохнула внутри Найтингейл.

- «Кажется, этот гарсон желает что-то нам сказать?» - становясь передо мною, поинтересовался граф, буквально оттеснив от вскочившего бретера мою рычавшую тушку, скребущую копытами по камням. Лишившись глухой брони, он нацепил на себя еще более пышную сбрую, выделявшуюся богато инкрустированной кирасой и легким поддоспешником-пурпуэном, украшенным кольчужными вставками-рукавами, попоной, и множеством кружевов, скрывавших нарядные шелковые шнуры, которыми крепились элементы доспеха. Странная шапочка с длинной, спускавшейся по шее до самых лопаток пелериной, выделялась широкими, напоминавшими пейсы лентами, свисавшими до груди, на которую я не могла не обратить внимания – уж слишком выделялась она из привычного вида одежд, напоминая какой-то сугубо церемониальный, или этнический элемент одежды, но я не обратила внимания на взволнованный вздох Найтингейл, сердито пыхтя на посмевших заступить нам дорогу. Понял это и граф, почему-то именно в этот момент решивший разобраться с нашим обидчиком, хотя я не раз и не два говорила ему, что главная помощь от него потребуется именно в зале – «Хотя что может умного произнести такой вот невежа, не уступающий дамам дорогу, и подметающий подхвостьем чистые до того дорожки дворцового парка?».

«Ха-ха. Ну-ка, скажи еще раз, что это я не умею в дипломатию!» - подумала я.

---

[7] Англоязычная поговорка, обозначающая импульсивные, часто неосознанные действия под влиянием момента или сильных чувств.

- «Что вы сказали, сударь? Вы назвали меня невежей?» - вскочив, громко воскликнул желающий драки молодчик. Такие вот бретеры, или *браво*, уже много веков выполняли роль подсылаемых к неугодным громил, всеми силами нарываясь на драку, и калеча своего оппонента, при известной доле ловкости, обставляя дело как самую обыкновенную дуэль между не поделившими что-нибудь господами – «Пожалуй, вам придется взять свои слова назад, пока я…».

- «Вы не просто невежа, сударь, но и позер» – кажется, фестрал решил сделать все, чтобы его поняли предельно точно, и не в последнюю очередь собирающаяся вокруг нас толпа, привлеченная зрелищем назревающего скандала – «И я с удовольствием обрубил бы за это ваши жалкие уши, если бы ваш Хрурт был настолько добр, и смилостивился над вами лично, чтобы хотя бы задуматься об их необходимости. Но даже если бы это чудо случилось, из-за их непомерной длины окружающие вас грифоны непременно бы стали интересоваться, не затесалось ли среди ваших достойных, но слишком торопливых в постели предков, самых обыкновенных ослов».

- «Довольно!» - пока окружающие, включая меня, с открытыми ртами слушали этот «трехэтажный дворянский загиб», задира начал наливаться дурной кровью, окрасившей желтую восковицу его клюва в яркий помидорный цвет, и схватившись за длинную рапиру, выхватил ее из жалобно щелкнувших ножен – «Вы ответите за это кровью!».

- «Господа! Эдиктами королей дуэли запрещены!» - вклинился между ними королевский камердинер, для острастки, сверкнув на зачинщиков ссоры слепым своим глазом, что несколько поумерило пыл друзей обиженного хама, собравшихся у него за спиной – «Все ослушавшиеся столкнутся с самыми серьезными последствиями нарушения этих законов!».

- «Безусловно. Ведь государство стоит на законах, без которых жизнь была бы попросту невозможна» - не глядя на мажордома, величественно согласился фестрал. Его взгляд не отрывался от глаз собеседника, сурово скрипевшего внушительным клювом, не выпуская шпаги из когтистых лап, одна из которых была одета в показавшуюся мне крайне подозрительной перчатку. Уж больно жесткими были ее формы для обыкновенной бархатной безделушки столичного модника – «Но помимо законов тварного мира, есть и законы божественные, и это божественное право, дарованное нам теми, кто стоял и стоит превыше нас, всегда проявляет себя, если вдруг дворянин – случайно, конечно же! - встречает на пути другого дворянина. Тогда это была бы просто встреча, которая никоим образом не подпадает под королевский эдикт. Такое могло бы произойти в одном из коридоров, ведущих в соседний зал, например… Мне

кажется, там находится один примечательный кабачок, в котором подают свежие подгорные устрицы, и молодое шабли?».

- «Вы прекрасно осведомлены, сеньор» - помолчав, все так же грубо ответил ему грифон. Помолчав, он наконец убрал свое оружие в ножны, и бросил на меня долгий, полный ненависти взгляд, никак не вязавшийся в моем представлении с моею скромной особой, вроде бы, еще не успевшей никому и никак насолить – «Да, возможно, это была бы попросту встреча между дворянами, по случайности, оказавшимися там вместе с друзьями. К примеру…».

- «К примеру, через десять минут» - неприятно и очень высокомерно ухмыльнулся Кайлэн, взглядом выхватывая кого-то из толпы – «Я собираюсь отправиться туда, чтобы попробовать вино урожая девяносто третьего года и свежие мидии в приятной компании. Например, в компании известного Шарля де Мури де Батц де Кастельмора. Месье, могу я просить вас составить мне компанию в этом угодном Хрурту деле?».

- «О, тре бьен! Мое почтение, господа. Мое почтение, госпожа посол!» - не узнать и не улыбнуться при виде этого здоровяка, пьяницы и балагура я не смогла, и вежливо раскланялась с маэстро живописи, как и говорил нам Равикс, выжившего при той безнадежной защите Люгенсбродена. Приодетый как с картинки, он вновь оттанцевал положенные па, размахивая новенькой шляпой, после чего так же чопорно раскланялся с остальными, особенно обращая внимание на столпившихся за спиною задиры господ. Отдав должное этикету, он остановился рядом с Кайлэном, заносчиво поглядев на задиристо распушивших перья бретеров – «Какие могут быть сомнения, господа? Располагайте мною полностью, ваша светлость!».

- «Если дела ваших милостей улажены, я прошу вас освободить нам дорогу» - возмущенно каркнул старый мажордом, с помощью жезла распорядителя прогоняя с пути недостаточно быстро двигавшихся господ, хвостом потянувшихся вслед за удалявшимися дуэлянтами, направившимися к другому выходу из зала. Граф шествовал впереди, не оборачиваясь, и довольно любезно переговаривался как с де Кастельмором, так и с решившим спровоцировать нас забиякой, удостоившись нескольких недоуменных взглядов Графита, провожавшего своего друга глазами до тех пор, пока все они не скрылись за светящимися ветвями.

- «Сопровождающий вашу милость господин очень смел, делая вызов сеньору де Бутвилю. Этот сканадальный бретер известен почти по всем королевствам,

а по ряду известных причин я не могу послать королевских гвардейцев для обеспечения выполнения эдиктов нашего короля».

- «Хуже то, что теперь наше положение стало совсем безнадежным» - тоскливо произнесла я, глядя на приближающийся дворец. Мимо нас проплывали многочисленные группы знати и простых ваза, шумевшие о чем-то своем, или слушавшие народных трибунов, витийствовавших на спинах соратников из толпы – «Дорогой, знаешь, какое правило было у создателей при таких вот встречах вооруженных господ? «Если что-то выбивается из общей картины, или просто идет не так – мгновенно сворачивайся, и уходи». Предлагаю поступить точно так же».

- «Думаю, ты права» - неожиданно ответил супруг, тревожно вглядываясь в толпы, запрудившие парк и любимые грифонами лестницы, идущие от парковых дорожек до входа во дворец – «Мне казалось, что ты реагируешь на все чересчур бурно, но я вижу, что ты не ошибалась. Все это не похоже на мирную встречу очередного посла. И если это она и есть, я задаюсь вопросом о том, где же находится старый».

- «А вот это мы сейчас и узнаем» - прошептала я при виде здоровенного грифона, преградившего нам путь на последнюю лестницу перед входом. Грудь его была упакована в блестящую кирасу, на шляпе я могла бы без проблем танцевать, а кинжалом и рапирой пользоваться как длинными мечами – «Если, конечно, это по нашу душу, а не за Кастельмором. Уверена, этот выпивоха отметился даже тут».

Долго ждать не пришлось ведь впереди мажордом короля уже сцепился с вышедшим нам навстречу здоровяком – каждый из двух грифонов размахивал увитым разноцветными лентами жезлом, но за спиной встречавшего нас толклась толпа суровых вояк в кирасах, со здоровенными протазанами, в то время как у старика в тылу было лишь пять десятков пони, которых тот должен был сопроводить в тронный зал.

И кажется, он быстро проигрывал этот бой.

- «Дорогу коннетаблю Грифуса!» - горячился наш проводник, однако его противнику было начхать на горячечную речь старика, ведь в его лапах был почти такой же жезл, разве что ленты, плотно обтягивающие золотую основу, были алыми, а не бирюзовыми – «Это дело не касается Ландтаага! В замах короля властвует коннетабль!».

- «Но он подчиняется коронному сенешалю!» - рявкнул тот, для убедительности огрев спорщика по загривку своим замечательным жезлом. Мне пришло в голову, что тот, кто придумал и раздал чиновникам эти штуки, явно был тем еще

шутником, втайне наслаждавшимся петушиными боями административного аппарата. Но тело уже действовало независимо от меня, за много лет привыкнув думать уже после того, как совершить что-то глупое, вроде прыжка на здоровенную пернатую тушу для того, чтобы выхватить из ее лап нелепую разноцветную палку, с радующим слух звоном соприкоснувшуюся с клювом вельможи.

- «А сам по хлебалу не хочешь?!» - рыкнула я, отбрасывая в сторону бесполезный кусок золота и разноцветных тканей, которым от души отоварила по морде грифона – «Тебя что, мама старших уважать не учила?!».

«Я готова смеяться до колик, если тебя сейчас не прибьют. Как тебя вообще родители выносили?».

- «Пооосооол…» - прошипел схватившийся за клюв здоровяк, чей взгляд не предвещал мне ничего хорошего. Хотя в его голосе звучало удивившее меня неприкрытое злорадство – «Посол напала на коронного сенешаля?!».

- «Коронный сенешаль, посягнувший на свиту посла?!» - возмущенно зарычала я, не давая грифону развить эту тему, обвинив меня в нарушении дипломатической неприкосновенности. Их было больше, на их стороне были вооруженные защитники короля, но в этот миг я наконец поняла, что же именно происходило в Грифусе, и отчего так торопился король. Понимание этого пришло ко мне резко, и было оглушающе величественным, словно восход полной луны, или закат солнца, погружающегося в океан – когда-то такие *прозрения* сравнивали с громом во время проливного дождя, с глотком ледяной воды в безводной пустыне, или ударом по голове пыльным и старым мешком. Ко мне же оно пришло вместе с пониманием, во что же именно вляпалось это посольство.

Это был рокош, и мы оказались вовлечены в намечавшийся бунт против самого короля.

- «Не смешите меня! Все видели…».

- «Все видели, как вы ударили одного из моей свиты!» - решив не отступать, решив, что только напор не даст этому вельможе задержать меня, а в идеале, попросту выкинуть из дворца, для чего он, скорее всего, и был послан, я вновь, как и раньше, принялась наводить пылевую завесу, обрушивая на противника мешок многочисленных бессвязных обвинений, заставляя распылять внимание и утрачивать стройность мысли. Подленький кобылий приемчик, которому стоит научиться и тебе, мой дорогой ментор с высшим образованием – «Все видели,

что вы искали ссоры со мной! Все видели, что вы ненавидите пони, поэтому презираете и объедаете лично меня! Что, скажете, что это не так?!».

- «Все это не имеет ни малейшего смысла!» - кажется, мне все-таки удалось заставить заколебаться эту тушу, с недоумением сделавшую шаг назад. Алая лента поперек груди, говорившая окружающим, что носившему ее дарован титул барона, казалось, скукожилась вместе с говорившим, недоуменно поглядевшим на менее примечательных личностей, словно случайно шнырявших у него по бокам – «Я не знаю вас! А моим долгом является не допустить проникновения всяких ненадежных личностей на торжественный и очень важный прием!»

- «Ах, вот как? Несколько дней назад меня посетила целая делегация Ландтаага в составе владетельной герцогини, графини и целой маркизы, и предлагала мне всякое за то, чтобы я предстала перед Ландтаагом» - вспомнив о недавней встрече, и прозвучавших во время нее не слишком-то завуалированных намеках, решила пойти ва-банк я. Если Гриндофт был прав, и эти умники действительно решили поиграть в рокош, стянув в город своих сторонников, то оставаться в посольстве было бы не слишком умной затеей, и мое присутствие лишь навлекло бы гнев толпы на остававшийся там персонал. Поэтому я решила прорваться к Гриндофту – и будь, что будет. Графит уведет Грасс и детей, но даже если не сможет забрать всех, я была уверена в том, что у короля-то должен быть заранее приготовлен путь к отступлению – в конце концов, не зря же его хранители тела клевали свой паштетец – «Ну вот, я и пришла. Где обещанное?».

Пауза длилась долго.

- «Так вы… согласны?» - после длительных раздумий, удовлетворенно протянул здоровяк. Перья двигались на его челе, выдавая лихорадочную работу мысли, но сколько бы тот ни оборачивался к подпевалам, сколько бы ни глядел на окна дворца, подсказок он не дождался, и был вынужден действовать сам. Хотя эти серые личности казались мне куда как опаснее вооруженных до кончика клюва дворян – «Тогда заходите… Но только одна!».

«Что ж, действительно – тупой и исполнительный. Таких лучше всего ставить на те посты, где нужно лишь стращать и не пущать. Никого не напоминает?».

«Когда-нибудь я окончательно протрезвею, вычищу из печени остатки лекарств – и ты пропадешь».

«Даже не мечтай, мышка моя. Даже и не мечтай».

- «Мы отправимся все вместе!».

- «Одна! И только одна!» - рявкнул барон, подкрепив свои слова взмахом лапы, по которому перед дверями скрестились церемониальные протазаны. Вот только заточка у них была далекой от любого церемониала – «Слово Ландтаага!».

- «Знаете, уважаемый, в сталлионградском языке есть слово «нет». Обычное, казалось бы слово…» - я сделала шаг назад, быстрыми движениями ушей призывая легионеров сосредоточиться, и приготовиться к драке – «Тоже состоящее из трех букв и трех звуков. Вот только пишется и произносится оно совсем по-другому. Так что *khuy* вам, уважаемый! Мы войдем туда все – или никто!».

- «Вы одна! Вы пришли за наградой – так идите, и получите ее!» - эта фраза понравилась мне еще меньше. Нет, не такой уж это был и дурак, каким он пытался себя показать, и я сделала очередной шаг назад под клекот и издевательский свист из толпы, собиравшейся на лестнице и прилегающих к ней террасах.

- «Так, дорогой, все идет совсем не так, как надо» - уже не скрываясь, произнесла я, широко распахнутыми крыльями скрыв от ухмыляющихся грифонов свое семейство – «Хватай Грасс и детей. Сможешь выбраться?».

- «Должен!» - глухо проговорил муж, вставая за спиной Грасс, в копыта которой я сунула возмущенно завопивших детей. В его голосе я услышала тщательно скрываемый страх, резанувший меня холодным ножом – «Милая, продержись, хотя бы немного!».

- «Должнаааааа…» - поняв, что за родственников можно не волноваться, удовлетворенно протянула я. Отодвинув тревогу за них на задний план, я постаралась сосредоточиться на текущей задаче, гадая, как можно отвлечь и стянуть на себя всех возможных преследователей, не сильно уменьшая количество своих бойцов. При взгляде на набившуюся в сады толпу, простого решения просто не находилось – по крайней мере, пока я не взглянула на самое большое скопление древовидных полипов, встревоженно шевеливших светящимися щупальцами с высокой ротонды[8]. Она казалась ожившей новогодней елкой или сюрреалистичной декорацией к рассказу о подводных чудесах, и я сразу же вспомнила о той мастерской, в которую приводил меня Гриндофт – «Графит! Видишь вон ту огромную клумбу? Ну, которая гуще всего

[8] Цилиндрическая постройка с куполом, окруженная колоннами.

увита этими ветками или щупальцами? Дуйте туда, и прячьтесь среди ветвей! Ищите потайной вход – я уверена, что она оставлена тут не просто так!».

- «Кажется, ты права» - гулким шепотом откликнулся муж, пристально вглядываясь в переплетение ветвей. Если я была права, то эта архитектурная форма была не каким-нибудь украшением, а самым настоящим убежищем – уж слишком заманчиво шевелились ее щупальца, принимаясь усиленно перемигиваться, когда на нее падал мой взгляд. Неужели и Луна, в свойственной аликорнам манере, тихо и незаметно строила далеко идущие планы, в отличие от планов сестры, рассчитанные на конкретную ситуацию? – «Отправимся туда вместе!».

- «Нет. Действуем как договорились» - я положила копыто на Фрегорах, и сделала первый шаг вперед, раскрытым крыльями закрывая Графита и Кавити, по моему прямому приказу, ухватившую вскрикнувшую от испуга Грасс – «Я иду, барон! И со мною идет мой почетный караул и члены посольства! Вы по-прежнему настаиваете, чтобы я шла одна?».

«Три…».

- «Да!».

«Два…».

- «Вы желаете лишить меня достоинства посланника Эквестрии?» – еще один шаг. Еще один слитный шаг обутых в железо копыт, от которых, казалось, вздрогнула лестница – «Вы считаете, что вы можете заставить меня сложить полномочия представительницы принцессы Эквестрии, Селестии Эквестрийской?!».

Нахмурившись, грифон положил копыто на рукоять своего оружия. Когда он начнет его вытаскивать – я сделаю свой ход, ударив в открывшуюся подмышечную впадину, прямо в средостение, постаравшись добраться до сердца.

«Один…».

Я остановилась, и приготовилась. Две секунды казались липкими, словно клей, но я ощутила каждую из них. Это было странное состояние готовности, во время которого я точно знала, что мой удар будет мгновенным, и произойдет в нужный момент; что тело готово, от носа до последнего волоса на хвосте. Что меч не подведет, и пробьет обнажившееся на миг тело словно восковой манекен. Это был миг предельной четкости, предельной ясности, предельного сосредоточения и расслабленности; понимания, что все уже предрешено. Не

так ли чувствовала себя пуля за секунду до выстрела, или клинок, падавший на обнаженную плоть? Это состояние длилось всего пару мгновений, но мне казалось, что я могла бы вечно купаться в этом ощущении, подарившем мне понимание чего-то очень важного, немыслимо ценный опыт – состояние озарения. Понимание, что я готова, и что готовилась к этому почти всю свою жизнь.

Кажется, древние называли это *сатори* – внезапным пониманием окружающего тебя мира, и твоего места в нем, в один-единственный, конкретный момент.

- «Я не испугаюсь каких-то там пони!» - воинственно щелкнул клювом здоровяк. Однако его лапа так и осталась на рукояти не успевшего покинуть ножны оружия, когда к нему подлетел один из неброско одетых подсвинков, что-то зашептав по-грифоньему на ухо патрона – «Но я преклоню слух к вашим униженным мольбам, и позволю вам зайти. Одной».

- «Всем вместе» - твердо ответила я. Не имело значения то, что скажет этот молодчик, не так давно возведенный в баронское достоинство, судя по не обмятой пока еще ленте. Не имело значения то, что отвечу ему я. И кажется, он все-таки понял что-то по моим глазам, не отрывавшимся от круглых грифоньих гляделок, что самое важное будет сделано позже, всего лишь через один краткий миг – «Барон, вы же понимаете, что нет никакой разницы, тридцать ли пони со мной, или сто. Вы все прекрасно знаете – так для чего нам продолжать этот фарс?».

«Разговоры закончены» - удивляясь своему спокойствию, я поглядела в глаза каждому из пяти оппонентов, стоявших напротив меня. Тридцать у меня за спиной – и весь зал, все сотни вооруженных дворян и мелкопоместных ваза против нас. Но сейчас, в этот самый момент, были только я – и они. Смутившиеся, оглядывающиеся по сторонам в поисках поддержки и указаний – *«Плохо работаете, господа заговорщики. Но я пройду – мы всегда проходим вперед».*

- «Ладно. Можете заходить!» - наконец, махнул лапой барон. Брезгливым жестом крылом он велел посторониться своим советникам и клевретам, пропуская нас к открытым дверям, куда мы и направились под удивленный гомон тех, кто еще недавно освистывал нас из толпы - «Ваша награда ждет вас, посол!».

- «Я знаю» - негромко, сама себе, ответила я, не обращая внимания ни на язвительный тон барона, ни на порскнувших в разные стороны заговорщиков. Я была уверена в том, что Графит добрался в безопасное место, откуда мог перенести наших близких, по одному или всех сразу, пока Кавити охраняла это

неприметное здание, похожее на странную клумбу - не зря, ох не зря оставили ее здесь слуги Всетемнейшей. Однако теперь их судьба была в копытах принцесс, пославших своих названных родственников прямиком в это опасное место, и мне оставалось лишь молиться о том, чтобы планы этих бессмертных существ учитывали и такой вот исход затеянных «переговоров». А мне – мне оставалось лишь идти вперед, получая и возвращая удары в надежде на то, что все случившееся и то, что случится, будет не напрасным, и послужит торжеству дела богинь, уже не раз и не два дававших мне возможность убедиться в своей правоте.

Ведь надежда – это то, что мы не имели права терять, пока за нами приглядывают эти дивные, неописуемо древние существа.

***

- «Вот и конец нашего пути. Вы готовы?» - подойдя к высоким дверям, осведомился мажордом короля. Этот дворец гораздо меньше напоминал тот древний, монументальный зал с коллонадой, где я впервые увидела Каменный Трон – место, символ и само седалище бесчисленных королей, возглавлявших грифонов со времен самого Хрурта, и до наших дней. Но и он внушал чувство почтения всем, кто оказывался в его стенах и коридорах, высота которых явно преобладала над шириной. Произнеся эту довольно двусмысленную фразу, он заглянул в щель, образовавшуюся между приоткрытыми дверьми, после чего широко распахнул их, обрушивая на нас потоки блеска и яркого света – «Посол Эквестрийского королевства явилась на аудиенцию к королю, риттерам, магнатам, и всему благородному сословию ваза!».

- «Возможно, я никогда не говорила этого вслух, но… Джентельпони, для меня было честью служить с каждым из вас» - помедлив, я повернула голову, чтобы обозреть оставшееся со мною воинство, проходя глазами по жестким, хмурым мордам, тревожно сжатым губам и напряженным телам. Каждый из нас провел эти полгода вдали от дома, и я надеялась, что в последний момент мы друг друга не подведем – «Двинулись. И помните, что мы представляем Эквестрию!».

Зал был полон. Земнопони сказали бы «яблоку негде упасть», пегасы – «в этом небе не протолкнуться», а единороги… Кто знает, что они говорили – уж больно загадочного образа мыслей были эти рогатые господа. В любом случае, я сразу же увидела возвышение в конце зала, на котором стоял небольшой трон, смотревшийся до неприличия маленьким на фоне огромных полотнищ, занимавших всю стену дворца. Складки их нависали над троном, и именно они, а не громада самого зала с выступающими из стен полуколоннами, привели меня в легкий трепет – каждая из них могла вместить в себя целый дом! Я не

имела понятия, сколько же весила вся эта толстая, ворсистая ткань, похожая на титанических размеров ковер, но вдруг ощутила непонятное желание вскарабкаться на него, и остаться там жить, словно белка, прыгая с одной складки на другую.

«Не отвлекайся, прошу!» - с усмешкой мурлыкнул мне на ухо голос древней фестралки – *«Успеешь еще наиграться, если останешься в живых».*

«Обещаешь?».

«Если не потеряешь ни одной части тела, я тебе орешки каба куплю».

Наше прибытие породило взрыв шума. Забитый под завязку, зал напоминал огромный птичий вольер, в котором грифоны о чем-то спорили, крича друг на друга, облюбовав для этого не только пол, но и несколько ярусов балконов, с которых было куда как сподручнее орать, а иногда и плеваться на собеседника, особенно если он располагался внизу. Блестящий и скользкий паркетный пол служил настоящей ареной для множества тесно сбившихся групп, каждая из которых приволокла с собой какое-нибудь знамя, воткнув его возле стены. Пока их количество делилось примерно поровну с обеих сторон, хотя важные господа возле левой стены явно добирали размерами флагов и количеством гербов, в то время как их противники справа могли похвастаться разве что разношерстностью, да наличием древних доспехов, выглядевших весьма архаично на фоне полукирас, камзолов и кружевных воротников. Часть благородных грифонов окружала своих лидеров, часть из тех, что стояли поближе друг к другу, громко выясняли отношения, вовсю понося своих оппонентов, и поведя носом по сторонам, натренированным долгим стоянием в почетных караулах у трона взглядом я заметила довольно подозрительных личностей, сразу бросившихся мне в глаза. Хорошо вооруженные, облаченные в бригантинный доспех, различавшийся разве что цветом суконного материала, скрывавшего под собою пластины от лат, они с показным бездельем фланировали по залу, явно высматривая всяких там приближающихся Скраппи Раг.

Гриндофт сидел на троне в окружении десятка придворных – вот только вид был не слишком довольный у нового короля. Выход из тени, кажущийся триумф, короткое торжество – и вот, спустя несколько месяцев, все рушится на глазах. Соратники предают один за другим, марки, бургграфства и кантоны все громче вопят о сепаратизме, среди подданных назревает узаконенный бунт - королевства рушатся на части и без чудовищ, все дальше и дальше проникающих в подвластные земли. Одно из них пришлось останавливать лично, и где – под самой столицей! Достаточно будет лишь поинтересоваться, кто же именно это был, и уже через несколько дней о воссозданных, спаянных

воедино волей фельдмаршала королевствах можно будет забыть. И это заставило меня вновь задуматься о мести – изощренной, коварной, готовившейся много-много лет, ведь кто, как не я, пытавшаяся создать что-то из ничего, пусть даже это и был выделенный из Гвардии и Стражи отряд сорвиголов, решивших, что воевать можно и по-другому, могла понимать, как это трудно, а подчас, и попросту невозможно. И от всех кажущихся совпадений, обрушившихся на тех, кто решил, что может обыграть аликорнов, просто захватывало дух. И вместе с этим чувством приходило постепенное понимание, что все это не случайно, что все это было запланировано именно на тот случай, если все предыдущие планы вдруг реализуются, и сбудутся все мечты. Смешно это слышать, Твайлайт? Мне тоже было бы смешно, не услышь я однажды одну забавную фразу на каком-то модном собрании, где оказалась случайно, по долгу службы в те времена, когда, обидевшись на справедливые, в целом, упреки соратников, пряталась в зимнем дворце. «Победить – не проблема. Но нужно понимать, что потом делать с этой победой» - эта фраза накрепко засела у меня в голове. Вначале – как афоризм, приписываемый прекрасному белому аликорну, находившему время, чтобы почтить своим присутствием своих подданных, выбравшихся в кантерлотский дворец. Потом как источник возмущения, когда я взглянула на нее с точки зрения тех, кто проливал ради этой победы кровь, свою и чужую. А затем заставила крепко задуматься, когда эта самая победа, добытая кровью, огнем и железом, оказалась попросту выдернута из моих копыт. Нет, я не сердилась на Гриндофта – в лечебнице Стикки Виллоу у меня было много времени на то, чтобы подумать, и я призналась сама себе, что не смогла бы удержать ситуацию под контролем. Приводя к покорности грифонов, я бы вскоре стала тираном, и закончила свои дни вот так же, на троне, в чине какого-нибудь гауляйтера, окруженная ненавистью, получив в конце концов несколько заслуженных ударов клинком. И если бы я была поумнее, то непременно нашла бы кого-нибудь вместо себя, на кого обратился бы взор «завоеванных» птицекошек, и кто разгребал бы эти авгиевы конюшни, чтобы потом появиться во всем белом, и примирить грызущиеся стороны, с аппетитом скушав и тех, и других.

И это возвращало нас к мысли о том, кто же именно стоял за всеми бедами, обрушившимися на грифонов.

- «Подойдите ближе, посол!» - проорал надутый герольд, все это время важно семенивший перед нами до ступеней возвышения. Сопровождавший нас служака так и остался в полумраке коридора, и я поняла, что мне сильно не нравятся личности, окружавшие короля, как и то, что я оказалась слишком близко от них, и одна. Мой почетный эскорт остался позади, образовав жиденький коридор, по которому я прошла, как на параде, до самого тронного

возвышения – «Поклон Его Величеству, правителю Короны, Пизы и прочих, и прочих земель, Килтусу фон Гриндофту Третьему!».

«Заметила?».

«Охренеть! Он вроде как еще король – но лишь пары земель, совсем разоренных войной, а также спорных территорий».

«Кажется мне, что мы опоздали».

- «Ваше Величество…» - склонившись в глубоком, до самого пола, поклоне, я куртуазно расправила крылья, вызвав за спиной легкий шорох завистливых шепотков. Не сомневаюсь, что именно после этих моих показательных представлений и пошла мода на «широкий пегасий» поклон, так что думаю, я имела законное право на чувство гордости, войдя в число законодателей дворцовой моды обеих королевств – «Я, Скраппи Раг-Беррислоп, приветствую вас от имени принцесс Селестии и Луны Эквестрийских!».

Разогнувшись, я с едва заметной улыбкой поглядела на Гриндофта. Да, сдал король после всех этих приключений, явно сдал, но я заметила, что его лапа все так же крепко лежит на навершии Дайнслейфа, стоящего возле трона в обычных, ничем не примечательных ножнах.

- «Мы хады этой встхече, и пхиветствуем тебя, посол!» - громко заявил король, поводя глазами по сторонам, словно отыскивая кого-то. Не найдя за моей ни души, он пошевелил густыми перьями, словно брови, лежащими над глазами, и вновь обратился ко мне – «Я помню, ты ханьше никому так не кланялась. Что же вдхуг изменилось?».

- «Не хотелось, чтобы герольду попало. Хороший же мужик, если особенно пристально не присматриваться» - схохмила я, краем глаза заметив, как стал надуваться, словно лягушка, громогласный толстячок с жезлом распорядителя. Вообще, я имела в виду совсем не его, а оставшегося за дверями одноглазого служаку, но кажется, удар попал точно в цель, пусть и не в ту, что я метила – «В конце концов, у всех свои обычаи, и этот, как мне известно, не самый плохой».

- «Приветствуя короля, послы пони обязаны склониться до пола!» - я удивленно оглянулась на герольда, выразительно указав глазами на пол, которого только что едва только носом и не коснулась – «Кроме того, новые законы церемониала требуют от послов опуститься при этом на колени!»

«Новые законы церемониала?».

«Так-так-так. Кажется, происходящее становится более понятным…».

«Это переворот. И король теперь будет ширмой, за которой будут скрываться истинные правители этих земель».

«Сама догадалась, или кто подсказал?».

«Ну, это же не бином Ньютона описывать. Это политика. Если из всех возможных решений найдешь самый противоречивый и грязный – считай, ты нашла единственно возможный, которым воспользовались политиканы. Думаешь, я не поняла, зачем его окружение так настойчиво замазывает его грязью, стараясь перессорить со всеми вокруг?».

«О, Мать Ночи! Какой ты загубила талант!».

- «На колени!» - снова рявкнул герольд.

- «Серьезно?» - я посмотрела на Гриндофта, все больше и больше выгибая поползшую вверх бровь. Тот сидел неподвижно на своем каменном троне, лишь повернул голову немного на бок, словно ему и самому было интересно, как я выйду из этой пикантной ситуации – «Странные у вас тут обряды…».

Толпа за нашими спинами дружно охнула, когда я бодро поцокала к трону, и медвежонком полезла на колени к обалдело уставившемуся на меня королю.

- «Новому королю я готова поклониться – особенно такому, что не стал им по рождению, как породистая собачка, а сделал себя королем» - откровенно произнесла я, глядя в глаза старому другу. По крайней мере, я все еще считала его таковым, и хотела, чтобы и Гриндофт видел его во мне. Ведь он позвал на помощь не верных риттеров, если такие еще оставались в его королевствах, а именно меня – «А вот дядюшку Килтуса, с которым мы через столько прошли, я бы с удовольствием обняла».

Время капало неспешно, словно застывающий мед. Наконец, когтистые лапы, увенчанные положенными монарху кольцами - родовыми, гербовыми, государственными и личными печатками – неспешно сомкнулись вокруг меня, и под удивленные вздохи и гомон молвы, король наконец-то обнялся с послом, к вящему одобрению занимавших правую сторону грифонов, и визгливому недовольству стоявших с крайней левой стороны зала.

- «Я тоже хад встхече с тобой, неугомонная поскакушка. Но я не вижу с тобою своего сына, Акланга» - милостиво произнес монарх. Поведя глазами по сторонам, он склонился к моему уху, и едва слышно прошептал – «Скхаппи, слезай. Это пыла хохошая шутка, но ты мне сейчас фсе задние лапы отдавишь!».

- «Ох, прости!» - признаться, я и не подумала, что влезла на старика в полном штурмовом доспехе, поэтому резво спрыгнула на пол, понадеявшись, что вдоволь попозировала перед художниками, сгрудившимися со своими мольбертами на одном из балконов – «А что до Акланга – я оставила его в Кантерлоте. Юный принц крови даже в столь юные годы пользуется несомненным успехом у дам. Да и в высшем обществе стал известной фигурой, обласканной вниманием и доверием наших принцесс».

- «Условием вашего прибытия было возвращение принца Акланга фон Гриндофта!» - вновь заорал за моей спиной пухлый герольд. Вначале я даже вздрогнула от такого немелодичного вопля, с перепугу пообещав себе поступить с ним так же, как с той злополучной рындой «Ле Авантюр», но потом даже пожалела беднягу. Это ж какую луженую глотку и легкие нужно иметь, чтобы по должности орать не переставая. Бедная его семья, если такая вообще у него есть… - «Это нарушение дипломатических соглашений Эквестрийской стороной!».

- «В любую другую страну я с удовольствием привезла бы ребенка. Я даже захватила своих – юным правителям нужно с детства правильно развиваться, и расширять кругозор» - развернувшись на месте, я изобразила горящий праведным негодованием взгляд, уткнув его в поперхнувшегося в самом начале фразы грифона – «Но только не в такую дикую, а точнее будет сказать, одичавшую страну».

«Кажется, ты развеселилась. Что-то задумала?».

«Это месть, Найти! МЕЕЕЕЕЕСТЬ! Смотри, и учись!».

- «Пони, проигравшие в этой войне, считают Грифоньи Королевства дикими?! Это оскорбление высшего порядка!».

- «Да, Грифоньи Королевства считались светочем культуры и моды!» - с пафосом воскликнула я, оборачиваясь к собравшимся в зале грифонам, и с нескрываемым наслаждением бросая им в рожи все те фразы, что звучали в таком же большом и светлом зале чуть больше года назад – «Но я убедилась, что обычаи в ней еще более дикие, чем те, в которых один королевский посол упрекал нашу страну! Даже в самых безумных своих приключениях я не видела, чтобы кто-нибудь посягал на жизнь юного пони или грифона! И вы хотели, чтобы я притащила юного принца сюда, где даже дети не могут чувствовать себя в безопасности? Фи! В какой дыре вас воспитывали вообще?!».

«Вот так, ссучечки! Жрите свое говно!».

«О, я чувствую, что за этим стоит безумно интересная история…» - проворковал в моей голове голосок Найтингейл, в то время как зал вновь взорвался криками, когда собравшиеся на прием господа принялись обсуждать брошенные им слова. И судя по отдельным, доносившимся до меня словам, такой жирный и толстый намек на состоявшееся прошлым летом посольство не остался незамеченным – *«А ты бываешь очень мстительной и коварной. Очень нужные качества для правителя!».*

«Погляди на Гриндофта. Я нагляделась, к чему приводят мечты о власти. Поэтому на какой-нибудь трон или в кабинет президента смогут затащить разве что мой бездыханный труп, если смогут выкопать его из самой глубокой могилы».

- «О чем это вы говорите, посол?!» - вновь строго вопросил меня толстяк, возмущенно тряся объемным брюхом, украшенным множеством лент. Интересно, если они настоящие, то может ли вельможа быть бароном, герцогом и графом одновременно? – «Вы имеете наглость утверждать, что в наших спасаемых Хруртом королевствах вам был нанесен какой-то ущерб?».

- «Не знаю, кто и когда их спасал, но прямо здесь, перед дворцом, на нас напали какие-то хулиганы. Представляете? Поэтому мне пришлось отправить обратно в посольство своих детей. Юные принц и принцесса из Эквестрийского Королевского Дома должны были быть представлены своему дядюшке Килтусу – но увы, безумие, коснувшееся этой страны, заставило меня озаботиться их безопасностью, как я озаботилась безопасностью сына короля. Я бы не простила себе, если бы что-то случилось с Аклангом».

- «Это пхавда?» - помолчав, осведомился Гриндофт. Поднявшийся в зале ор позволил нам разговаривать свободнее, не шепчась, и не нарушая нормы церемонилала – «Или очередная интхига?».

- «Честное слово. Мне не понравилась шваль, которая набилась в этот дворец, поэтому семья отступила с десятком моих бойцов, и попыталась спрятаться в парке. Кажется, тут назревают проблемы, а?».

- «Боюсь, что ты даже не пхедставляешь, какие» - вздохнул король. Я заметила, что его чело разгладилась, когда я опровергла не прозвучавшую, но явно стоявшую за всем мысль о том, что это очередной смертоносный выпад белоснежного Макиавелли, один из последних в череде финальной серии финтов, подготавливающих главный удар.

- «Тогда, быть может, подарок немного развеет печаль короля?» - заметив, что шум в зале стал понемногу стихать, осведомилась я, принимаясь отстегивать

богато украшенные ножны, в которых удобно устроился Фрегорах – «Этим подарком Вашему Величеству кланяется маркиз Жако де Клюни де ла Пиза-Друнгхар, и заверяет Ваше Высочество в своей безоговорочной преданности Грифоньим Королевствам».

- «Какой чудесный подарок, Ваше Величество…» - прозвучал позади знакомый голос, заставивший меня подпрыгнуть, и еще в полете развернуться, приготовившись к бою. Баронет Хуго ле Крайм, собственной противной персоной, подходил к возвышению вместе с несколькими клювастыми господами самого надменного вида. Надменного и хорошо вооруженного вида, должна была бы сказать при виде их коротких, широких рапир – «Да еще и один из известных… Вот только как быть с самой фигурой посла? Преступница, повинная в гибели множества наших соотечественников, да еще и находящаяся под приговорами заочно проведенных судов, которыми она могла бы подбить свой кафтан наподобие древнего разбойника, благородного пана Лаща[9] – это ли не оскорбление высшего порядка со стороны наших милых соседей?».

- «Не знаю о местных порядках, любезнейший. Но ведь вы уже два раза побывали королевским послом при нашем дворе, и ничего – такому козлу даже морду по-нормальному не набили! А чем я, спрашивается, хуже?».

- «Как всегда нагла, груба и невоспитана» - с видимым сожалением покачал головой ле Крайм под дружный хохот сторонников партии короля – «Но боюсь, что ваши покровители забыли, что при должном нарушении дипломатическиого этикета или нарушении достигнутых ранее договоренностей, посол признается персоной нон-грата, и высылается из страны в течение нескольких часов. Думаю, это как раз тот самый случай».

- «Об этом надо было думать раньше, перед тем, как меня приглашать! Причем не только как посла, но и как приватную особу!».

- «О, неужели?» - ехидно осведомился барон. Да, теперь и он стал полным бароном, судя по алой муаровой ленте с золотым тиснением по краям. Его слова были встречены одобрительным гулом слева – «И кто же, позвольте узнать, вас сюда звал?».

- «Ты!».

- «П-простите?!».

---

[9] Исторический персонаж польской истории. Благородный разбойник, грабивший бедных, чтобы стать богатым. Прославился наплевательством на приговоры судов, которыми обшил изнанку верхней одежды.

- «Ты звал меня в Грифус!» - возмущенно завопила я, отступая к краю тронного возвышения, и оборачиваясь к собравшимся в зале грифонам – «Ты! Ты требовал, чтобы я явилась в Грифус! Король, которому ты служил, через тебя потребовал, чтобы я прилетела сюда, и поклонилась ему, умягчив его сердце подарком! Поэтому я и прибыла сюда, и поклонилась королю, и даже нашла достойный монарха, любезный его сердцу подарок – все, как у меня требовали грифоны через своих достойнейших представителей, которых выбрали сами!».

- «Кхем… Я свидетельствую, что все было совсем не так! Это приглашение было…».

- «А я призываю в свидетели риттера Корка де Финта – того, что охотился на меня, стремясь доставить своему королю!» - увидев, как смешался мой недруг, я решила бить наверняка. Не зря, ох как не зря называла правду самым сильным оружием наша принцесса. И я била этой правдой наотмашь, наверняка, выкрикивая намертво впаянные в память титулы и имена – «Канцлера Пуиссона Гранд Бека, в присутствии командора Эквестрийской Гвардии, благородного Вайт Шилда из рода Шилдов, клана Шайнинг, потребовавшего меня прибыть к королю! Призываю в свидетели риттеров и всех благородных ваза, что я прибыла по первому же их зову! И нет в том моей вины, что прямая дорога в Королевства оказалась мне недоступной – отбросив отвергнувший меня воздух, я опустилась под землю, и все же достигла поставленной мне цели, представ перед теми, кто ко мне взывал!».

«Ох, милочка! Да тебе просто стихи писать нужно» - вздохнула в моей голове древняя фестралка, когда закончив вдохновенно врать, я отвесила собравшимся вежливый поклон, прижимая к груди согнутое крыло – *«Те, что бескрылые обычно пишут у себя на заборах - две буквы древнего алфавита, и знаки высшей математики. Скоро ты и до собственнокопытно написанного без ошибок резюме дорастешь».*

«Ну ты и язва!».

«Ну-ну, милочка, не переживай. Только посмотри, на что ты способна, если тебя расшевелить, или лично заинтересовать в происходящем».

- «Так вы согласны даже на суд?».

- «Посол – фигура неприкосновенная во всех цивилизованных государствах! А по всем юридическим вопросам обращайтесь к моему адвокату - Эквестрия, Мэйнхеттен, адвокатская контора «Мэйн и партнеры». Там вас с радостью

выслушают, и примут принесенные бит… Ну, разберутся с финансовыми вопросами, я имею в виду».

И вновь шум, без которого, наверное, не обходилось ни одно собрание грифонов. Раньше я думала, что это пегасы самые шумные и буйные существа, но по сравнению с этим сеймом, как обозвала я про себя торжественный королевский прием, самые разнузданные пегасьи банкеты казались скромной вечеринкой для престарелых паралитиков, перенесших третий инсульт. Отступив назад, я предоставила возможность клювастым господам выплеснуть друг на друга всю радость и негодование, скопившиеся у них в зобу, и всласть поорать на оппонентов, хватаясь за рукояти кинжалов, сабель, мечей и рапир. Обернувшись, я заметила старшего сына Гриндофта, когда Хаго фон Гриндофт, облаченный в парадную мантию, появился из-за скрытой за драпировкой двери. На груди у профессора красовалась тяжелая серебряная цепь с подвесками, а под крылом находился тяжелый и длинный футляр, несомненно приготовленный для Фрегораха. При взгляде на меч мне почудился обвиняющий блеск белого шара навершия, которое я когда-то обозвала «противовесом». Кажется, Гриндофт сказал, что его выточили из кости древнего дракона – быть может, отсюда росла обуревающая меня жажда вонзать его в чью-то плоть? В любом случае, теперь это был подарок, и я должна была возвратить его законному владельцу, который бы в полной мере оценил все достоинства этого меча – не то что я, пользующаяся великолепным оружием словно простым инструментом.

Но судя по холодку, пробежавшему у меня под еще недавно державшим его копытом, меч думал иначе.

- «Ваше Высочество!» - я вежливо поклонилась профессору, бросая взгляд на короля, с задумчивым взглядом изучавшего ножны с наполовину извлеченным из них мечом. Я постаралась отбросить весь этот бред, что напридумывала себе под влиянием сказок о волшебном оружии, и задавила странное ощущение недовольства, возникшее при виде чужих лап, касавшихся Фрегораха – «А вы быстро вернулись в столицу. Надеюсь что там, откуда вы прибыли, все хорошо?».

«Надеюсь, охотники на чудовищ больше не испытывают проблем со зверьем?».

- «Вполне, госпожа посол» - столь же вежливо кивнул мне грифон, явно поддерживая мое решение вести себя сугубо официально – «Верный своему долгу естествоиспытателя, я часто путешествую, но теперь дела призвали меня в Грифус. Там, где мне довелось провести с огромной пользой немало часов, все хорошо, причем настолько, что я с радостью ухватился за необходимость

вернуться к отцу, пока меня не заставили шить новые мантии для мастеров и их учеников».

«Все в порядке. Но эти оглашенные все же ободрали червя, и на полном серьезе собираются шить себе кожаную броню из шкуры с его задницы, к чему собирались припахать и меня. Поэтому я умыл лапы, и с радостью променял один бардак на другой».

- «Рада слышать, что все закончилось удачно» - ухмыльнулась я, кивком указывая на Фрегорах. Вложив меч в ножны, король положил его на ручку трона, и теперь глядел на меня, словно прикидывая, отрубить голову сразу, или же настрогать тонкими ломтиками, проверяя, не затупила ли я ценный артефакт – «Как и обещала, я донесла его адресату. Возвращаю законным владельцам. Я взяла его из лап разбойников, но теперь, пройдя через банки ростовщиков, он возвращается к вам чистым и незапятнанным прегрешениями прежних владельцев. Это подарок маркиза, но я хочу сказать от себя – берегите его. Это доброе оружие, и оно заслуживает достойного владельца».

- «Она говорила это и мне, отец» - пожал плечами младший из двух Гриндофтов в ответ на недоумевающий взгляд короля – «С вашего разрешения, фрау, вы повторяете эту мысль каждый раз, словно пытаетесь убедить в ней больше себя, нежели нас».

- «Помнишь, что я говохил тебе о таких мечах, Скхаппи?» - усмехнулся король в ответ на мой полный искреннего непонимания взгляд – «Как ты тумаешь, почему этот новоявленный пхавитель Пизы вдхуг хешил его отдать?».

- «Ну, он сказал, что меч не подошел никому из его окружения, да и выглядел слишком невзрачно, несмотря на заверения банкиров в том, что он был напитан грифонской алхимией…» - запнувшись, я подумала, что это не совсем те слова, которые ждут от дарителя, или его посланника – «Но я уверена, что это отличный клинок!».

- «Он пришелся тепе по ноге?».

- «Удобнее, чем что-либо. Правда, мне кажется, он предназначен скорее для колющих ударов».

- «Неудивительно…» - удовлетворенно кивнул тот, внимательно разглядывая бурлившую в зале толпу. Грифоны орали, грифоны стучали лапами, грифоны хватали друг дружку за грудки – в общем, шли нормальные, истинно демократические выборы, а не то вялое представление для обывательских глаз, которое устраивали правительства в прошлом, и наверное, в настоящем. Мне вспомнилось, с какой усмешкой вспоминал Древний прочитанные некогда

материалы о первых законодательных собраниях его страны. Решив собезьянничать, и ввести у себя истинно демократический институт в том виде, как он описывался наукой, правители столкнулись с тем, что депутатов приходилось рассаживать так, чтобы те не смогли не только дотянуться, но и доплюнуть друг до друга. А когда демократия была с приставкой «псевдо», все было гораздо спокойнее и представительнее - зачем плеваться и переживать, когда все уже известно заранее, и решено в кулуарах дворцов? Так что передо мной разворачивалась настоящая, незамутненная демократия во всей ее страшной красе, поэтому мне не пришлось далеко ходить, устраивать приемы или конференции, о чем я немного переживала, страшась оказаться один на один с какими-нибудь акулами политики и торговли. Вместо этого мне пришлось перекрикивать клювастых говорунов, почему-то решивших, что с особой эквестрийского посланника нужно общаться исключительно ором. Впрочем, винить в этом я их не могла – такой шум стоял вокруг нас. Появлялись и распадались фракции, собирались и разругавшись, разбегались союзы – это был самый обычный базар, на котором царил самый настоящий торг, направляемый двумя группировками, и я заметила, что мало-помалу, правые начали уступать, все чаще взрываясь нестройными воплями вместо своего растерявшегося представителя, в то время как фракция, собравшаяся возле левой стены, казалась более спаянной, монолитной, направляемая лапами опытных политиков и магнатов, чьи гордые профили невозмутимо взирали на происходившее в зале. Участок вокруг тронного возвышения неумолимо сужался, когда сдавшиеся присоединялись к бывшим соперникам, или уходили на балконы, сокрушенно качая головами. Я плохо понимала, о чем идет торг, мгновенно потонув в потоке дат, названий городов и поветов, а также заключенных когда-то договорах. На моем месте должен был быть настоящий дипломат, и не один, а вместо этого мне приходилось лишь пожимать плечами всякий раз, когда кто-нибудь пытался воззвать ко мне, апеллируя к каким-нибудь датам или древним договорам.

- «Видите, Ваше Высочество? Все происходит именно так, как я и предсказывал» - поклонившись, доверительно проговорил ле Крайм. Новоиспеченный барон не зазнался, не надувал торжественно щеки, и не выпячивал грудь, служа памятником самому себе, как многие магнаты у левой стены, а внимательно приглядывал за этим птичьим базаром, но почему-то он казался мне гораздо опаснее, чем его распушившиеся соотечественники – «Конечно, факт просроченной платы за Кантерлот теперь является всего лишь историческим анекдотом, но как говорится, зернышко к зернышку, верно?».

- «Эй, вы там что, Кантерлот делите, что ли?» - обернувшись, охренело поинтересовалась я – «А не рано ли начали, господа? Я, между прочим, все слышу и знаю, где вы живете!».

- «Нет. Это просто политическое недоразумение» - вальяжно ответил мне бывший баронет. Меня позабавило, что он снизошел до ответа, но следующая фраза расставила все по местам – «Боюсь, что речь идет совсем не о нем. А о короле, который допустил это недоразумение, на которое последовал очень тонкий и остроумный ответ, в результате которого Грифоньи Королевства лишились последнего выхода к морю, а Гриффонстоун превратился в помойку, которой пугают непослушных грифонят».

- «А при чем тут…».

- «А посмотрите на эту генеалогию, дорогая» - ле Крайм ткнул когтистым пальцем на стену, где был вывешен огромный плакат, на котором множество линий соединяло миниатюрные портреты, сливаясь в одну, ведущую прямиком к имени нового короля – «И вам станет ясно, что воцарившийся в наших королевствах род уже принес немало бед Грифусу и грифонам».

- «Как-то ты слишком смело это говоришь» - покосившись на нахохлившегося короля, буркнула я, вызвав саркастическую ухмылку у стоявшего рядом грифона.

- «Я просто предупреждал, что именно к этому все и придет. Несмотря на все мои заслуги и попытку предотвратить этот плебисцит[10], заседание Ландтаага все же произошло, и речь короля не удовлетворила лордов. Поэтому стойте и наблюдайте, как рушится все, что было создано за эти годы».

- «Вы забываетесь, ле Крайм! Я все еще король!» - сердито каркнул со своего места Гриндофт. Понизив голос, он с негодованием поглядел на издевательски поклонившегося ему грифона – «Ле Крайм… Ты вознесся благодаря мне, и так отблагодарил за предобрейшее?».

- «А он сейчас скажет, что это было «прогрессивное решение, объективно соответствующее текущему моменту». Не так ли?» - зло фыркнула я, зыркая по сторонам. Пожалуй, я ошибалась, и это был не прием, и не заседание местного совета правителей входящих в государство земель – это был вотум недоверия королю, и поскольку окружающие вели себя так, словно этого самого короля и не существовало, я решила, что пора бы напомнить и о себе, раз уж этого не собирались делать эквестрийские дипломаты. Собравшись на самом дальнем балконе, облаченные в строгие официальные пиджаки, эти пони настолько старательно делали вид, что не имеют никакого отношения к происходящему, что я решила, что их непременно нужно будет вознаградить, и лично выдать каждому орден, с размаху пришпилив его толстенной булавкой к груди. Или

[10] Решение, выраженное всеобщим голосованием.

даже гвоздиком, да потолще – «Ваше Величество, разрешите произнести короткую речь перед собравшимися господами?».

- «Боюсь, здесь у вас слова нет» - вновь гадко ухмыльнулся ле Крайм – «И я бы советовал приберечь свой голос для суда. Поверьте, там он вам понадобится».

- «Разрешаю» - королю пришлось строго поглядеть на герольда, прежде чем тот разинул свою огромную пасть, огласив раскатами голоса громаду шумевшего зала.

- «Спасибо. Господа, товарищи, братья и сестры…» - едва отгремели под сводами раскаты громового вопля, призывавшего к тишине, я спустилась с тронного возвышения, и двинулась вперед, в подающуюся и расступавшуся передо мной толпу. Сумасшествие? Быть может, если бы я была голышом. А вот в полной выкладке для штурма, как уже неофициально называли подобного рода броню, я чувствовала себя естественно, словно и не было этих тяжелых, сковывающих движение доспехов и плотного поддоспешника. Что ж, в чем-то маэстро фехтования был прав, и мало кто сразу мог понять, как меняет нас наша одежда – «… Друзья мои, птицеголовые. Многие в этом зале знают, кто я. Если кто-то еще не знает – пусть ему объяснят, я подожду».

По залу вновь прокатились крики и гвалт. Я терпеливо подождала, пока орущие не утихнут, и пару раз хлопнула крылом по голове особо буйных, решивших поорать какую-то кричалку на новогрифоньем прямо мне в морду, после чего продолжила говорить – «Так вот: я понемногу начала понимать происходящее, и знаете, что? Я с вами согласна, и поддерживаю все, о чем вы говорите» - дождавшись, когда бурлившее в толпе возмущение понемногу сменится удивленным гулом, я развернулась, и удобно уложив крылья на спину, пошла вдоль рядов короля – «Вы считаете, что с приходом Его Величества Килтуса фон Гриндофта Третьего ваша жизнь изменится к лучшему, и вы сможете подняться, с его приходом получив заслуженную награду, за которую вы проливали кровь, и стирали лапы неподъемной работой. Что он будет лучшим королем, чем те, что были до него. И я считаю, что вы правы».

- «Эквестрийский посол высказался в поддержку монарха! Еще яснее заявить о предательстве, вызревшем под сенью Короны, было бы просто невозможно!» - напрягая связки, заорал один из вельмож. Оглянувшись, я заметила взгляд ле Крайма, которым тот обменялся с важными левоцентрийскими господами. Похоже, Гриндофт был прав, и этот грифон служил сразу двум господам, как и он, вынашивая свои, далеко идущие планы – «Ле трейзон, братья! Измена!».

- «С другой стороны, есть те, кто думает, что королю нужно уйти» - дождавшись, когда в зале установилось какое-то подобие тишины, я направилась к толпе, кучковавшейся слева. Часть грифонов при моем приближении даже подалась назад, словно увидев приближающуюся акулу – «Те, кто желает смены династии, думая, что королевская власть пошатнулась, и предлагая свои кандидатуры – вон, как мнутся в углу достойные ваза со свитками генеалогий в лапах. Что ж, я считаю, что это достойная цель – и слабый, не способный править монарх должен уйти. Поэтому я поддерживаю ваши стремления».

Даже не поворачиваясь, я ощущала, как взгляд короля и его немногочисленных сторонников буравил мой затылок. Не самое приятное ощущение, поверь мне, Твайлайт.

«Ты же понимаешь, что дело идет к мордобою?».

«Пффф! А почему бы и нет?» - подумала я, медленно двигаясь в сторону помоста, по дороге подарив угрожающий взгляд барону ле Крайму в ответ на его презрительную мину – *«Знала бы ты, как проходили выборы понтифика в Риме… А тут что? Ни одного отравленного, ни одного замурованного заживо, не говоря уже о заколотых, задушенных, и просто пропавших. Не выборы, а детский сад[11]».*

- «Так как же нам преодолеть это противоречие?» - поднявшись по низким и широким, под лапу грифона, ступенькам, я вновь обернулась, уткнув свой лучший примипильский «Я знаю, где вы живете, если что!» взгляд в шумевшую толпу благородных птицельвов – «Конечно же, я просто глупая кобылка, и не могу соревноваться умом и сообразительностью с магнатами, благородными риттерами, владельцами рудников или титанами лесозаготовок… Вот только эти умные и сообразительные довели Королевства до точки, за которой лежит пропасть! Что мешало требовать не свержения короля, например, а расширения должности какого-нибудь канцлера, а? Обозвать его попышнее – королевским, или «коронным» канцлером, например, после чего делегировать ему часть власти, наделив правом управлять исполнительной или судебной ее ветвью. И чтобы выбирали его простые ваза, всеми королевствами, сообразуясь с умом и совестью. Тогда у королевской власти появится сильная оппозиция, выражающая точку зрения и простого народа, и торгового сословия – в противовес сословию высшему, обычно, толпящемуся возле трона. Король умен, силен, и пользуется поддержкой в народе – и канцлеру остается непыльная работенка главного министра. А если династия ослабела – канцлер

[11] Детали веками любимой католиками социальной олимпиады по выбору наместника бога на земле, о чем Римская католическая церковь старается лишний раз не вспоминать.

становится номинальным главой государства, выражая интересы всего народа, тогда как королю остается выполнять представительские функции, и быть тем знаменем, вокруг которого сплотится народ, если придет беда. Подумайте об этом, господа дворяне и благородное сословие ваза! Подумайте, но учтите, что беда уже пришла, и мы должны сплотиться вокруг знамени, каким бы потрепанным и старым не выглядело оно. Чудовища рвут на части ваши земли! Тьма надвигается с востока, и уже захватила Талос! Подниметесь ли вы, дадите ли ей отпор – или продолжите грызться в склоках, пока враг не протрубит у ворот?!».

«Толпу метафорами не завлечь. Говори проще, громче, на чувства дави!».

- «Грифоны вы, или жалкие тряпки?!» - раскинув крылья, уже во всю глотку завопила я, вняв предостережениям Найтингейл, покрывая своим голосом поднявшуюся бурю из голосов. Соглашающиеся, протестующие, отвергающие и поддерживающие, они слились в грохот прибоя, на фоне которого я выкрикивала злые, провокационные, будоражащие сердца и головы слова – «Я, простая кобылка, обремененная родственниками и детьми, столкнулась с монстрами и тем, кто их ведет! Дважды мы видели Великого Пожирателя – Орзуммата, и пока вы здесь орали, убили двух его сильнейших слуг, распластав на части, и выдрав из глоток сердца! Неужели грифоны окажутся слабее, чем пять десятков самых обычных легионеров?!».

«Не «мы», а ты, моя дорогая. Не забывай, что упускать случай создать себе репутацию нельзя. Мелкие подвиги забываются, словно вспышки сгорающих звезд».

- «Жалкие вы тряпки, или грифоны, в конце-то концов?!».

И снова шум. Снова крики. Но на этот раз собравшиеся в зале кричали и спорили друг с другом, не делая различия между тем, кто и к какой партии принадлежит. Вброшенные мною слова поселили смущение в умах и душах грифонов, а обещание возможности биться, а не убегать, заставляло все больше и больше горластых выборщиков подступать к своим вождям, требуя защиты для их городов, поветов и даже отдельных местечек. Сама того не желая, я посеяла настоящий хаос в доселе стройно, хотя и бурно идущем заседании Ландтаага, и на секунду задумалась, что какие же линии прошлого, какие аллели[12] сошлись воедино во мне. Не была ли я попросту генетической помойкой, образовавшейся за сотни лет этого странного и жуткого эксперимента принцессы? Тогда это объяснило бы тот испуг, который на секунду промелькнул на их мордах, когда повелительницы четвероногого

[12] Гены, определяющие развитие определенного признака организма. Бывают доминантными – доминирующими, и рецессивными – редко встречающимися, или скрытыми.

народа узнали о моем намерении размножаться – пожалуй, еще одну Скраппи Раг Эквестрия бы не перенесла.

- «Ловко, клянусь Хруртом!» - презрительно выдохнул ле Крайм, когда я вновь обернулась к королю – «Похвалили. Сделали вид, что разделяете устремления и противников, и сторонников короля. А потом ткнули клювом в насущное – в самый помет. Умно, даже остроумно. Ну, да кто хозяйка…».

- «Советую всегда помнить об этом» - огрызнувшись на выпад бывшего посла Грифоньих Королевств, в этот самый миг, на радость одной царственнокрупой интриганке бодро трещавших по швам, я оглянулась, и посмотрела на зал. Занятые спорами, грифоны мелькали перед глазами всполохами модных одежд, взмахами лап и разинутых клювов, но где-то на периферии зрения все еще маячил какой-то предмет, серебрящийся в памяти и в глазах какой-то мыслью, воспоминанием, которое я хотела бы забыть навсегда – но не смогла. Вместо этого я выкопала котлован, в котором устроила железобетонный бункер, где похоронила их, насыпав сверху холм, на котором построила дом и поселилась в нем, словно недреманный страж. Но теперь, когда дом разрушился, холм превратился в кратер, на дне которого курились ядовитым дымом обломки казалось бы нерушимых конструкций, мое прошлое вновь подняло голову, и преследовало меня с яростью оголодавшего маньяка, показывая свою уродливую морду из-за каждого угла. На этот раз это были сотни блестящих густым, серебряным блеском нитей, свивавшиеся в десятки забавных цепочек, из которых состояло нелепое украшение, ошейником сидевшее на шее серого пони. Не думая в тот миг ни о чем, я ударила крыльями, и двумя гулкими ударами отправила себя на балкон, приземлением заставив отхлынуть от ограждения собравшихся там клювастых парламентариев, устроивших великолепную груду возле захлопнувшейся двери. Но словно этого было мало, брошенный мною взгляд на короля, вокруг которого уже толпились подозрительно немногочисленные хранители тела, вдруг зацепился за толстую, укутанную в бархат фигуру, скрывавшуюся за спинами важных магнатов, и не видимую с тронного возвышения, но открытую всему остальному залу.

- «Бек! Ssuka, Гранд Бек, паскуда уродливая!» - заорала я, едва ли способная перекричать поднявшийся гвалт. Да, это был экс-канцлер Короны, Пуиссонт Гранд Бек, сидевший в не слишком удобном, но выглядевшим важным кресле с высокой резной спинкой. От короля его прикрывали спины прочих магнатов, важно глядевших на собравшихся в зале сторонников и противников короля, но сам он был преотлично виден остальным грифонам, за которыми следил блестящими, на выкате, глазами, топорща выкрашенные в белое и красное перья на тщедушной груди, размеры которой компенсировались разве что

объемом затянутого в желтый атлас живота – «Башку этого ублюдка! На блюде!».

Разрывалась между двумя стогами сена, как один античный осел, я заколебалась, но все же смогла выбрать тот, что казался мне важнее и ближе. Решив, что с экс-канцлером можно будет разобраться и позже, независимо от того, кто кого победит, я перепрыгнула через кучу, барахтавшуюся у дверей, и ударом плеча выбила жалобно хрустнувшие створки, за которыми оказался какой-то длинный коридор. В конце него закрывалась еще одна дверь, за которой я увидела мелькнувшие синие пряди хвоста, и разъярилась еще больше, с грохотом ударившись о новую преграду. Эти двери были сделаны на совесть, и сколько бы я ни ломилась в трещащие створки, никак не хотели мне уступать. Отступив на несколько шагов назад, я оглянулась, и ощерившись, ударом крыльев послала себя прямо в окно, прикрывая голову передними ногами, сложенными у груди. Даже не знаю, как я вообще додумалась до такого, с моей патологической боязнью высоты, но вспоминая произошедшее, я вполне отдаю себе отчет в том, что в тот момент не думала абсолютно ни о чем, превратившись в кусочек бушующей ярости, плотно упакованной в штурмовые доспехи. Сделав в воздухе полукруг, я точно таким же образом попала за запертые двери – попросту влетев в расположенный за ними коридор. Тот был пуст, и я начала распахивать одну за другой все встречавшиеся мне двери, действуя то копытами, то плечом, в поисках старого недруга заглядывая в расположенные за ними покои. К счастью, закрытых дверей на моем пути не наблюдалось (или я просто их не заметила), а к несчастью – во всех комнатах не было никого, кто отдаленно напоминал бы одного из троих содержимых, похитивших когда-то из кантерлотского театра одну глупую пятнистую кобылку. Конечно, я не заглядывала под каждую кровать, в каждый ящик и шкаф, но понадеялась на то, что у мерзавца не было достаточно времени, чтобы спрятаться достаточно хорошо, не потревожив при этом обстановку покоев – и не распугав находившихся в них гостей.

«Где же ты, тварь?!» - тяжело дыша, подумала я. Коридор заканчивался стеной со статуей какого-то важного грифона, и мне оставалось лишь метаться от одной двери до другой, заглядывая в комнаты, и пытаясь отогнать предательскую мысль о том, что я крупно облажалась, и вновь позволила призракам прошлого вылезти из своей головы.

«Не думаю. Для призраков этот пони слишком быстро убегал, достаточно материально хлопая дверьми на ходу».

«А говорят, что призраки умеют хлопать дверями, выть, и цепями звенеть…».

«Пока я слышу только звон своих безжалостно истязаемых нервов!».

«Ну, вот! А говоришь, что звенеть не умеют».

«О, как я тебя порой ненавижу!» - мысленно препираясь в уме сама с собой, я двинулась по коридору. Первый запал погони прошел, и я начала понимать, что обыскивать каждую комнату я могла бы до следующего дня. Но и в то, что отсюда не было другого выхода, я не верила, познакомившись с системой проходов для персонала в кантерлотском дворце, поэтому бодро порысила вперед, прислушиваясь, не донесется ли откуда-нибудь звук открывающейся двери, или, к примеру…

«Ты слышишь?».

- «Да» - выдохнула я, ощутив, как тревожно забилось сердце. Где-то впереди, из-за одной из последних дверей, доносились голоса, то громче, то тише разносившиеся по коридору. Визгливый говорок жеребца я не узнала, в то время как два другие принадлежали кобылам, и если первый показался мне смутно знакомым, то второй я не узнала, но поневоле замедлила шаг, вслушиваясь в приятный голос, что-то дерзко выговаривавший гундосящему собеседнику. Его тембр, интригующая хрипотца и легкое грассирование заставило мое сердце сжаться от зависти, когда я вспомнила, что сделали с моим собственным голосом лютые морозы и проливные дожди, поэтому ноги понесли меня не прямо к двери, а к статуе в конце коридора, из лап которой я выдернула здоровенный грифоний цвайхендер. Как говорили мне многие пони, включая и наших принцесс, грифонов считали заядлыми милитаристами, но только сейчас я поняла, насколько они были правы, ведь даже бутафорский, казалось бы, меч, со скрежетом выдравшийся из каменных лап, был остер, как и перед первым своим боем, а на едва заметные обрывки зацепившихся кое-где нитей явно давали понять, что блестевшее лезвие протирали регулярно, со знанием дела, и от души. Что ж, это давало мне лишний повод порадоваться за этих крылатых птицекошек, признающих лишь яркие чувства, настоящее вино, и самые настоящие мечи и доспехи, ведь кое-чем из этого собиралась воспользоваться и я.

- «Алло, Галочка? Потрясающая новость!» - весело проорала я, с грохотом вламываясь в двери покоев, жалобно хрустнувшие под ударом моего плеча – «Сейчас ты умрешь!».

Как обычно, в такие моменты время сжималось, разбиваясь на короткие, рубленные фрагменты, похожие на взмахи меча. Охватив взглядом неплохо обставленную комнату, в которой обнаружилась часть моего семейства в виде Грасс и детей, я остолбенела. Переведя взгляд на серого земнопони, на морде

которого появилось злобно-испуганное выражение, делавшее его похожим на затравленную крысу, я снова взъярилась, одним непрерывным движением выхватывая стальную оглоблю из-под крыла. И наконец, ошарашенно замерла, увидев скрывающуюся за портьерой фигуру – облаченная в зеленый плащ с изумрудной фибулой на груди, она на мгновение остановилась, пропуская рванувшегося в скрытый проход жеребца, и задорно улыбнувшись, скрылась за опустившейся занавесью, махнув на прощание черно-белым хвостом, оставив меня недоуменно пялиться вслед убегающим негодяям, одного из которых я готовилась лично разрубить на куски. Не буду клясться или уверять тебя в этом, Твайлайт – я просто знала, что сделала бы это даже в присутствии принцесс или короля… Но внезапно обнаружила, что не имела никакого желания нападать на странную незнакомку, так ловко подделавшую мой образ, что даже король не сразу раскусил эту дрянь, если верить слухам и недомолвкам грифонов. Ощущение, похожее на то, что посетило меня в наполненном туманом сне, вновь сжало голову и навалилось на плечи, заставляя опустить занесенную ногу, готовую швырнуть тяжелый меч, словно копье, пусть даже не раня, а просто сбивая с ног беглецов. Что-то странное творилось вокруг, события шли мимо меня, и я никак не успевала ухватить их за хвост. Вот и теперь - казалось бы, догони серую гниду, с оттягом, хекая, рубани мечом по ногам, и вглядываясь в черные глаза, вонзи меч в такое же черное сердце. Сколько зла он успел причинить? Сколько мерзостей сделать? Задержавшийся в этом теле лишь благодаря ошейнику, надетому на него незабвенным профессором Брайтом, он уже несколько лет назад должен был отправиться в Колодец Душ, прекратив терзать своим присутствием это несчастное тело – и вот, когда он почти оказался у меня в копытах, вновь что-то помогло ему уйти!

«Не что-то, а ты сама, дорогуша. Но сама история обещает быть невероятно захватывающей, если кто-то соблагоизволит перестать темнить, и расскажет ее от начала и до конца».

«Позже» - нахмурившись, я уставилась на Грасс, с недоумением глядевшую то на меня, то на занавесь, за которой скрылась незнакомка. Из-за ее спины выглядывали любопытные головки детей, как мне показалось, с опаской таращившиеся на вернувшуюся мамашку, явно собиравшуюся вновь тиранить своих домашних – «Грасс, что вы тут делаете, вообще?!».

- «Мы? Это же ты сказала, что мы теперь в безопасности!» - возмутилась зеленая земнопони, явно не спеша бросаться в объятья своей спасительнице – «Не подходи! Что вообще происходит? Кто из вас двоих Скраппи Раг?».

- «А это не заметно?» - фыркнула я, отбрасывая в сторону меч, с грохотом приземлившийся возле камина. Кажется, наличие оружие у меня в копытах

нервировало сводную сестру, хотя почему – я не совсем понимала, ведь после повторной стажировки в Обители совершенно справедливо считала, что голыми копытами можно сделать не менее больно, чем любым из клинков – «Ладно, рассказывай».

- «Вы пошли на этого важного и злого грифона, а мы побежали обратно в сад» - если Грасс и хотела продолжить со мной препираться, выясняя, кому тут что чудится, или у кого двоится в глазах, то быстро передумала, наткнувшись на мой кипящий возмущением взгляд – «Сначала деревья нас не пускали, но потом твой муж посадил себе на спину детей, и ветки перестали нас отталкивать. Мы оказались в какой-то беседке – там было очень красиво, все светилось и переливалось из-за ветвей, которые окутывали беседку…».

- «Ясно. Дальше» - отбросив в сторону плотную ткань, я несколько раз ударила плечом в дверь. Бесполезно – кто-то предусмотрительно оборудовал ее могучим засовом и механизмом, найти который я не могла, но все же принялась шарить копытами по обе стороны от двери в поисках скрытого переключателя. И почему во всяких тайных местах никогда не делают большую красную кнопку?

- «Потом мы долго шли по коридору под землей, и поднимались по лестнице. Было темно, но твой муж сказал не пытаться что-то нащупать, а идти вперед. И что опасности не было».

- «Ладно. Ну, а тут-то вы как оказались?».

- «Вот я и рассказываю – по этому тоннелю мы пришли в королевскую опочивальню…».

- «Тоннель, ведущий туда, где король наиболее уязвим? В целом, логично» - бросив шарить копытами по стене, прищурилась я на кобылку – «А почему ты подумала, что пришла в королевский блудуар?».

- «Может быть, потому, что я служу во дворце?» - понемногу успокаиваясь, иронично отозвалась Грасс. Увидев, что пропахшая потом, железом и злобой кобыла вроде бы не собирается набрасываться на них и есть, жеребята выкатились из-за ее спины, с недоверием и опаской осматривая, обнюхивая, и даже пробуя на зуб мою новую красивую тунику – «Или потому, что в этом зале обнаружилась большая королевская кровать?».

- «А может, там еще и королевская любовница обнаружилась? Ну, чтобы точно с дороги не сбиться?».

- «Как хорошо, что ты первая об этом упомянула!» - съехидничала зеленая земнопони – «Не знаю, кем королю приходилась эта дама, но она там тоже была, и даже любезно подсказала, где мы находимся».

- «Ну, а потом?» - пинками гоня из головы образ Греты ле Гранд, счастливо посвистывающей в королевской опочивальне под сжимающим ее в объятьях королем, поинтересовалась я, даже не удивившись раздавшемуся в голове перезвону веселого смеха.

- «Потом мы встретили тебя. Точнее, ту, другую тебя. Ты, то есть, она, сначала удивилась, потом обрадовалась, и потащила нас в эти комнаты».

- «Чаем напоила…».

- «Ревнуешь?» - прищурилась на меня Грасс, не спеша покидать диванчик, словно пытаясь укрыться на нем ото всех свалившихся на нас бед. На столике рядом с нею я заметила несколько чашек, и опустевшую вазу с крошками печенья, молчаливо свидетельствующую о набеге моих троглодитов – «Она сначала удивилась нашему приходу, но мы ничего не успели сообразить, как твой муж погнался за каким-то большим синим земнопони, а она привела нас сюда, и…».

- «Графит погнался за Стивом?!» - я бросила шарить глазами по стенам, и взволнованно метнулась к дверям – «А Кавити? Я оставляла с вами десяток бойцов!».

- «Когда Графит убежал, ты – то есть, она – заявила, что от твоей подчиненной дурно пахнет, и отправила ее мыться, приказав не возвращаться, пока та не станет пахнуть вкусно, как весенний луг. Кажется, эта пегаска была несогласна, но все равно отправилась в покои дальше по коридору, чтобы нам не мешать».

- «Охренеть! А остальные дебилы куда провалились?» - выглянув в коридор, я оценила количество выходящих в него дверей, прикинула шумоизоляционные свойства старого камня… Да, тут можно было устраивать учения кавалерии без риска кого-нибудь разбудить – «Неужели вместе с нею отправились?».

- «Когда ушла эта Кавити, ты – то есть, конечно же, *она* – заявила, что не собираешься приветствовать короля с такими грязными и оборванными пони, и послала их…».

- «Мыться? Или nakhuy?!».

- «Стричь бабки» - с чопорным видом ответила Грасс.

Несмотря на всю серьезность происходящего, на всю грозившую нам опасность, я вначале вытаращилась на зеленую земнопони, не сразу поверив своим ушам, а потом захихикала, в конце концов зайдясь в коротком, злом смехе, оглашавшем длинный, изгибавшийся коридор на всем протяжении нашего пути обратно в главный зал замка. Да, у ссучки явно был стиль и хорошо подвешен язык, если та смогла уболтать не только рядовых легионеров, но и тех пони, что я считала приближенными к себе. Впрочем, после той стычки, я совершенно не удивилась тому, что Кавити не стала раздумывать над приказом, и ее появление на нашем пути, обернутой в розовые полотенца и пушистые накопытники, заставило меня зайтись поистине сатанинским хохотом, услышав который, подчиненная Рэйна мигом исчезла в ближайшей двери – только тапочки и мелькнули. Не слушая глупых вопросов, я погнала своих недогадливых родственничков в зал – я не собиралась оставлять их на милость особо опасных маньяков, как оказалось, стадами разгуливавших по дворцу, поэтому притащила прямо к тронному возвышению, воспользовавшись незамеченной в спешке лестницей, ведущей к расположенным за троном дверям. Охранявшие их грифоны отсутствовали – они все были там, в зале, стоя в жиденьком почетном строю неподалеку от короля, а на деле, готовясь выйти вперед, навстречу представительной делегации, собравшейся в центре зала.

Что ж, теперь я видела, что мое отсутствие не осталось незамеченным. А может, они его и ожидали. Увы, я не училась на своих ошибках, и даже получив урок от Гриндофта-младшего, так его и не усвоила. Я не осталась в зале, убежав искать серого земнопони, и даже зная, что там находился старый недруг пони, выдача которого была одним из первых моих условий, все же бросилась за Моу. Или его звали Мо? В целом, это было не важно – я завалила элементарные, казалось бы, переговоры, позволив противникам выступить, и в свой черед, приготовленными аргументами разнеся все, что я попыталась изобразить своим писком. Надавив посулами, богатством и авторитетом, они легко сломили сопротивление, и теперь готовились приступить к основному действию этого спектакля – свержению короля.

- «Ваше Величество!» - патетически воскликнул баронет, неведомо какими путями ставший бароном. Отойдя немного в сторону, он встал чуть в стороне, так, чтобы не оказаться в одной шеренге с приближающимися герцогами и графьями, но в то же время повернулся к трону, отвесив глубокий поклон королю, став похожим на отколовшегося от стаи хищника, поджидающего вспугнутую остальными добычу – «Позвольте мне высказаться. Мне кажется, что все происходящее лишь дурной сон! Слова короля о том, что он не стремится к абсолютной монархии, упали на мое исстрадавшееся сердце подобно целительному бальзаму. Сама природа, сами горы и долы склоняли

слух к избраннику грифоньего народа, и только самое высохшее, зачерствелое сердце не трепетало от умиления, и лишь самые бесстыдные глаза не проливали над ними потоков слез! И потому я абсолютно не верю в то, что безо всякой причины король нарушил заповеди, изложенные в основополагающих документах наших Королевств! Должна же быть для этого причина, не так ли?».

- «Король не подписывал хартий!» - нахмурившись, каркнул Гриндофт. Его лапа легла на рукоять Дайнслейфа, все так же мирно стоявшего возле трона в резных, деревянных, потемневших от времени ножнах – «Я пхишел к власти «Де дроу дивайн» - по высшему пхаву, взяв в лапы Дайнслейф! Ни один из вас не хискнул возхазить мне! Ни один из вас не бхосил мне вызов до кохонации! А теперь же, воспользовавшись отсутствием вехных мне риттеров, сдехживающих вхага на востоке, вы, словно стая гохных шакалов, хаздихаете отчизну на части?».

- «Мы протестуем против нарушения природных прав ваза!» - одышливо завопил экс-канцлер. Наткнувшись на мой пристальный взгляд, которым я провела от кончика его клюва до кисточки на хвосте, словно могильщик, снимающий мерку для гроба, он выпятил украшенную лентами грудь, давая понять, что ничего не боится. Но все же слегка задержался, словно случайно сбившись с шага, которым к помосту подходили разрешенные законом бунтовщики – «Из лучших представителей Ландтаага должны быть избраны сенаторы, и король должен править, опираясь на их мудрый совет! Четвертая часть доходов короля должна быть потрачена на войско, и без согласия Ландтаага и советов ваза король не имеет права ни начинать войну, ни заканчивать ее каким-то там «миром»! Поглядите все, сколько же статей Артикулов было нарушено! Сколько природных прав ваза было попрано! И теперь, словно плевок нам на грудь, сюда пробралась эта коварная интриганка, принеся с собой «волю принцесс»! Разве это не конец всего мира?!».

- «Беда! Погибаем! Измена!» - вновь взорвался воплями зал, и я с разочарованием увидела, как отступают, с недоумением разводя крыльями, те, кто еще не так давно драл глотку за короля. С выражением удивления, они начинали переговариваться, и я буквально слышала этот гул, складывавшийся в слова «Абсолютная власть?! Так вот в чем тут дело…».

- «Враг на востоке! Сен Дро пал!».

- «Нет! Еще не пал! Они не бегут!».

- «Еще как побегут! Пойдут по примеру Талоса!».

- «Вспомните о Албре Первом!».

- «При короле Албре погибли все ваза!» - надрывались зазывали за спинами главарей. Зазывал, которых не было у нас. Распространителей слухов, наушников, шептунов, и прочая, и прочая, и прочая. Тех, кто так нужен вот на таких вот съездах – «Измена, братья! Измена!!».

- «Изменивший отчизне тиран обязан уйти!» - напрягая голос, взвизгнул Гранд Бек, уже в открытую ухватившийся за длинную рапиру. Свое оружие он носил параллельно земле, поэтому при попытке подняться на задние лапы, чтобы удобнее выхватить его, разорвав пышный бант, перевязывающий рукоять, он едва не напоролся на собственное оружие – «Да здравствуют природные привилегии ваза! Да здравствует Ландтааг!».

- «Vsya vlast sovetam!» - заорала я в ответ. Оружия у меня не было, и я медленно отступала на возвышение перед троном, пока не уперлась спиной в реденький почетный караул. Разодетые в церемониальные доспехи и вооруженные церемониальными, раззолоченными протазанами, они скрыли от меня Гриндофтов, детишек и Грасс, готовясь до последнего защищать короля. В принципе, я бы не удивилась, узнав, что почетный эскорт короля тоже сменился, причем прямо перед заседанием Ландтаага – «По какому праву вообще опальный преступник находится здесь?!».

- «*Ун дер Кёнинг абсолют, вэр эн узарт Виллен тут*! Король правит, пока выполняет нашу волю!» - громко вскричал что-то на старогрифоньем еще один жилистый, настолько худой и мослатый грифон, что его дорогое платье висело на нем, словно на вешалке – «По праву, закрепленному в избирательной капитуляции! По праву, закрепленную в священных Артикулах!».

- «Видите, Ваше Величество?» - с настолько скорбным видом пробормотал ле Крайм, что его пантомимой не обманулся бы даже жеребенок, а не то, что неприятно ухмыляющаяся грифонка, шедшая в рядах заговорщиков с двумя изящными и длинными кинжалами, проволочные ножны которых казались замысловатыми украшениями на платье – «Это было неизбежно. Теперь власть возьмут сильные – по естественному, присущему каждому грифону праву. Ну и по праву сильного, в конце концов».

- «Что ж, это работает в обе стороны, верно?» - ощерилась я, нехорошо глядя на новоявленного барона. Пусть все пошло наперекосяк, и мало соответствовало образам в моем сне, но я верила, что Графит и его скользкий дружок успеют прийти к нам на помощь. Нужно было просто продержаться – и я намеревалась сделать это, даже ценой своей жизни - «Юс Талионис, как говорили древние. «Право на равное возмездие». И сегодня мы все испробуем его до конца!».

- «Ваше Величество, эти господа настроены очень решительно» - быстро проговорил ле Крайм, глядя на уверено выступавших вперед дворян, за спинами которых, словно хвост, потянулись не самые приметные личности в не самых дорогих и броских камзолах. Вот только оружие и повадки у них были гораздо опаснее, чем важно шествующие впереди главари – «Быть может, стоит преклонить слух к их требованиям, и соответствующими эдиктами признать их природную власть, умягчив, таким образом, сердца несогласных? Я верю, что все это происходит из-за простого недопонимания, и готов лично произнести на примиряющем пиру такую прочувствованную речь, что от нее расплачется даже камень!».

- «На своих похоронах ее каркнешь» - прошипела сквозь сомкнутые зубы я, резким движением головы отбрасывая в сторону опустившийся на глаза локон. Скосив глаза, я уже приметила торчавший сбоку протазан, похожий на помесь копья с трезубцем, и мне оставалось его только схватить, посылая в грудь ближайшему умнику, рискнувшему первым подняться на помост. История шла по спирали, и как наяву я увидела зал с огромной лестницей и ворочавшейся в нем толпой, бившейся во славу и ради благосклонности короля, защищая свои исконные права против внешних врагов, и друг друга.

Вот только теперь уже я стояла на ее вершине, и уже было готово оружие, которое отыщет дорожку в броне, отправляя меня на свидание с теми, кто ждал меня там – в прохладном, смолистом лесу, полном белых свечей асфоделей.

- «Раг! Раааааг!» - перекрикивая гвалт, настойчиво лез в уши голос профессора. Оторвавшись от созерцания приближающихся врагов, я недоуменно взглянула на взволнованного грифона, тщетно пытавшегося протиснуться между стоящих бок к боку хранителей тела, не дававшим принцу покинуть это ненадежное убежище возле королевского трона. В его лапах был зажат тот самый футляр из красного дерева, украшенного гравировкой и позолотой, однако теперь он был открыт, и мои глаза прикипели к лежащему в нем грузу, который тщетно пытался протянуть мне закутанный в мантию Гриндофт-младший. Резко дернув лапами, он подбросил его содержимое, и ударом закрывшейся крышки отправил его прямо ко мне – «Держи!».

Звуки зала затихли, скрывшись за опустившейся на меня пеленой. Что-то длинное, тяжелое, обладающее солидным, радующим душу весом упало на подставленную ногу, и само легло мне под бабку массивной, рассчитанной на ногу пони рукоятью длиною почти в четверть передней ноги. Навершие, черенок и гарда его, казалось, были выкованы из полупрозрачного, темно-красного металла, чем-то похожего на стекло, покрытое безыскусным рисунком, похожим на сколы, оставшиеся от молота или долота, а серый, с

узором бесконечных разводов, клинок казался лишенным какой-либо заточки, поразив меня переливами красного света, вплетающимися в саму сталь. Кажется, это была та самая заготовка, которая раз за разом попадалась мне под копыто во время осмотра замка ордена Охотников на чудовищ, но теперь мастер удалил все лишнее, выковав или даже вырезав из переплетения кристаллических структур большой полуторный меч, как влитой, прикипевший к моему телу.

«Твои друзья предадут тебя» - не голос, но образы пронеслись в моей голове. Тихий шорох черного песка в бесконечной пустыне, кипящей под ударами хлещущих ее молний, падающих с ночного неба.

- «Почуяла…» - ошеломленно прошептал Гриндофт-младший, когда мои ноздри расширились, словно у зверя, почуявшего близость добычи. Этот меч… Он пугал меня до усрачки, но внезапно я поняла, что не могу, не готова, не желаю отдавать его кому-то еще. Словно кусок мозаики вдруг занял свое место, почти не ощущаемой теперь тяжестью лежа у меня под копытом – «Имя, Раг! Быстрее! Ты должна дать ему имя!».

«Твоя семья отвернется от тебя» - шорох стал ближе, вместе с приближающимися врагами, уже поставившими лапы на первую ступеньку тронного возвышения, но я смотрела не на них. Не на толкущихся позади хранителей тела. Не на шипевшего что-то ле Крайма. Я глядела на камень, уютно сидевший в гнезде на гарде – огромный даже по меркам нынешних ювелиров, он был окаменевшей каплей свернувшейся крови, отозвавшись на мое прикосновение глухим, хорошо знакомым мне стуком - словно громадное сердце тяжело трепыхалось во тьме в такт мерцанию кровавой звезды в его таинственной глубине. Я знала этот камень, а он – он знал меня, ведь именно я выдрала его из глотки чудовища, что встретило нас под горой.

«Здесь нет света. Ты одна. И ты утонешь во тьме».

- «Шопот… Червя…» - выдохнула я, проводя копытом по длинному, полуторному клинку, не отрывая взгляда от камня, внутри которого пульсировала алая звезда, мерцание которой вызывало к жизни глухой, тяжелый стук, раздававшийся где-то над миром, похожий на натужное, болезненное биение огромного сердца – «Таким будет твое имя. Шепот Червя!».

Меч вспыхнул. Глубокий, бардовый цвет рванулся из центра камня, и выпрыгнув из пасти крохотного нагльфара, голова которого украшала рикассо, сотней извилистых дорожек пробежался по карберриту, и наконец, с

неприятным, отдающимся в зубах звуком окутал загудевшее лезвие, прокрашивая алым темно-серую сталь.

- «Посол пронесла с собою оружие! Измена!» - завопила пышногрудая дама, взглядом опытной самки определив, что оружие у соперницы куда как длиннее, чем у нее, и гораздо, гораздо опаснее, а это совершенно не честно. Интересно, она и вправду решила, что я сунусь сюда, в наполненный вооруженными грифонами зал, с коротким, совсем не дуэльным, мечом, которым разве что зарезаться можно? Интересные у них понятия о честности и чести!

- «А ты думала, что будешь меня безнаказанно своими клювочистками тыкать?» - ехидно оскалилась я, для пробы взмахнув своим новым оружием. Почему своим? Даже не знаю, Твайлайт. Возможно, даже тебе когда-нибудь попадались в копыто перо или книга, или любой другой инструмент, при одном взгляде на который ты вдруг понимала, насколько он удобен, привычен, и словно бы создан лично для тебя? Именно это ощущение и было тем чувством, которое подсказало мне, что эта вещь создавалась для моих копыт. Лезвие меча мягко мерцало в такт тяжелому биению камня, и почти без звука резало воздух, когда я описала им правильную восьмерку-мулине, следя за порхавшей, словно бабочка, рукоятью – «Подходи, дорогуша, живо на башку укорочу!».

«Надо же – даже то, что я предпочитаю оружие хорошо уравновешенное, или даже с чуть более тяжелой, чем клинок, рукоятью, предусмотрел».

«Это опасная вещь. Очень опасная» - негромко и напряженно прошипел голос Найтингейл, показавшийся мне непривычно озабоченным – *«В наше время связываться с имеющим имя оружием рисковали только самые могучие воины, посвятившие всю свою жизнь этому ремеслу. Владеющий этим оружием да познает на себе всю его силу, и мало кому хотелось становиться зависимым от него одного. Еще есть время передумать».*

«Посмотрим. Но в целом, ощущения неплохие… Хотя, возможно, еще один камень в навершии не повредит».

«Похоже, уже нет» - вздохнула она.

«Не волнуйся. Я не верю во всю эту мистическую белиберду, и меч для меня остается всего лишь инструментом» - самонадеянно пожала плечами я, этим самым плечом оттирая в сторону решившего было сунуться вперед хранителя тела. Действительно, какая все-таки разница, что будет у меня в копытах, когда на нас обрушатся враги? Все больше и больше грифонов начинало присоединяться к тем, кто шел на нас или летел, попирая старые обычаи, запрещавшие подниматься в воздух, без особого на то дозволения, в

присутствии особы королевских кровей, а из дальнего конца зала, от распахнувшихся дверей, доносился шум и особый, знакомый уху лязг стали по стали, говорящий о том, что к нам пытается прорваться мой маленький, куцый отряд. Его остановят, конечно же, попросту завалив всей собравшейся массой, но может быть, им и удастся еще уцелеть, если успеют отступить прочь из зала…

Но зная Рэйна, надежды на это было мало.

- «Скраппи!» - донесся до меня голос Графита. Появившийся из дверей возле трона, муж был обмотан какими-то тряпками, в которых с трудом прослеживались шторы одного из дворцовых окон, но порадоваться за такой хороший вариант использования занавесей в качестве перевязочного материала, придуманный и введенный лично мной, мне помешали темные пятна, пятнавшие мягкую ткань – «Уходим! Живее!».

- «Графит, уходи!» - я знала, что это случится. Предугадывала. Предчувствие матери, что никогда не обманывает, говоря, что с детьми случиться беда – «Грасс и дети - уноси их отсюда!».

- «Нам не справиться! Уходи!».

- «Мы знали, что это случится» - проворчала я, пытаясь совладать с голосом. Превратившийся в хриплый, опаленный северным холодом и южным зноем, начальственный рык, он уже ничем не напоминал тот голосок, что выводил задорные или грустные песни под сводами старого кантерлотского кафе. Некстати вспомнился голос незнакомки – той, что разбудила во мне воспоминания о глупом, ничего не значащем сне. Сердце матери помнило - и не давало забыть.

- «Нет! Мы не можем уйти без тебя!».

- «Прошу тебя, унеси их отсюда! Я знаю, ты можешь!» - я вышла вперед, раскинутыми в стороны крыльями прикрывая семью от своры бретеров. Копыто неторопливо скользнуло по тяжелому наплечнику, каким-то привычным, знакомым уже жестом пытаясь достать из-за спины уже лежавший под копытом меч, пульсирующий алым камнем – «Уходите. И помните – я люблю вас. Люблю больше, чем жизнь!».

Яростно растопырив длинные, жесткие перья, похожие на большие ножи, я поудобнее перехватила негромко гудевший меч, и шагнула навстречу возмущенно заоравшим грифоном. Как по команде, они качнулись вперед, обходя остановившуюся шестерку, но в следующий миг замерли в нерешительности, когда поднявшийся с трона король хрипло заклекотал,

сбрасывая мантию из горностая, и одним широким прыжком оказываясь рядом со мной.

- «Ваше Величество!» - ахнул ле Крайм. Остальная шестерка заговорщиков нерешительно мялась на месте, увидев, как крючковатые пальцы старика крепко охватили рукоять Дайнслейфа, как по клинку пробежали первые золотистые искры, и как окутался знакомым, ненавистным мне золотистым пламенем меч, впервые признавая над собою власть нового короля. Короля без скидок и оговорок, союзов и политических соглашений. Того, кто интриговал, строил заговоры и козни против внутренних и внешних врагов, придя к власти словно бы неохотно, но с желанием спасти от распада свою родину, свой дом, свой народ. Чего не хватало этому древнему чудовищу? Крови? Или же ощущения конкурента, подрагивавшего неподалеку в такт биению огромного сердца, наполнявшего целый мир? На эти вопросы могли бы ответить лишь самые умные существа – но увы, как обычно, в самый нужный момент они были как никогда далеки, вновь и вновь оставляя право и обязанность творить историю тем, кто был лишь ее исполнителем, проводником, готовясь оценить сделанный нами выбор. Ошарашенно глядя на загоревшийся меч, признавший королевскую кровь через сжимавшую его лапу, бывший баронет обернулся, быстро размахивая лапами в попытках привлечь внимания важной шестерки – «Ваши светлости! Дамы и господа! Вы видите, видите это?! Оружие в ножны, господа! Оружие в ножны!».

- «Прочь, ле Крайм!» - заклекотал Гранд Бек, наконец-то справившийся со своей длинной рапирой. Странно заточенное, оно напоминало широкий и длинный меч, лезвие которого сужалось к концу, превращаясь в узкий и плоский кончик рапиры – «Ничего не изменилось! Или вы хотите предать еще раз? Так сказать, стать предателем дважды?».

- «О, пусть только попробует» - нехорошо ухмыльнулась грифонка, принимая из лап еще одной дамы в рядах заговорщиков большие серебряные ножницы, украшенные горстью переливающихся самоцветов – «Просто выстрижем знак отречения не на одной груди, а на двух. Вперед же, барон! Вы уже почти стали графом!».

- «Впехед, Скхаппи» - эквестрийский старого короля был неплох, но пожалуй, худшим из всех, что звучали в этом зале. Но я понимала его и без слов – они были попросту не нужны, и сделав шаг вперед, ударила по широкой дуге грозно зашуршавшим клинком, впившимся в чью-то плоть.

Прошлое, закованное в такие тесные, грубые, давящие, и абсолютно вышедшие из моды латы, столкнулось с будущим, облаченным в кирасы, колеты и кружева. Остался на месте Ле Крайм, за спиною которого на

мгновение мелькнула фигура с кинжалом – пожалуй, это был закономерный итог для того, кто работал на двух господ, и получал дивиденты с обеих сторон. Сделали шаг назад заговорщики, пропуская вперед профессионалов своего дела – настоящих бретеров, наемных фехтовальщиков и прочих сребролюбивых господ, действовавших не языком, а кинжалом. Ощетинился редким заслоном из протазанов отряд хранителей тела, ради почета положенных королю, закрывая собою замерших возле трона высоких гостей. Я отрешилась от всего, раскрываясь навстречу происходящему, ощущая, как бухает в груди сердце, приноравливаясь к тяжелой пульсации, приходящей из глубины этого мира. Взлетев, закружились вокруг белые и серые перья, падая на наши головы, словно снег. Кипящая кровь разбудила в груди хриплый, свистящий полукрик-полурев, закончившийся низким рычанием, клекотавшим в груди, предупреждая так не вовремя очутившихся рядом о том, что гнева уже не сдержать, и пусть оплачут себя неудачники, оказавшиеся на нашем пути. Что-то шипела в ушах Найтингейл, что-то пытался шептать подрагивавший в копытах меч, но я не слышала их просьб, советов, посулов, сосредоточившись – и распадаясь на части, концентрируясь на защите – и бросаясь в атаку, не щадя ни себя, ни врагов. Где-то рядом гудел золотистыми росчерками магического пламени меч короля, торжественным колоколом гудевший на стали кирас, обнаружившихся под одеждой убийц, кинжалы, рапиры и сабли которых должны были подправить историческое событие, приводя его к нужному заговорщикам итогу – но Шепот лишь тихо шуршал, оставляя за собою шлейф растворявшейся в воздухе черной пыли, впитывавшей алую кровь, обильно выплескивавшуюся из очередного разрубленного тела. Удар, защита, и рипост на противоходе – звенящий от зелени чар, меч очередного убийцы со скрежетом чертил очередную черную полосу по доспехам, увязнув в отлетавшем чешуйками карберрите, пока лапы наемного мечника еще сжимали его рукоять, а глаза неверяще глядели на пульсирующий алым камень, когда меч вдруг оказывался по самое рикассо в прикрытой сталью груди. Рывок, поворот на одной ноге – и тело улетает в сторону, словно выпущенное из катапульты, обрушиваясь на заходящих слева врагов. Маэстро де Куттон был бы доволен, я полагаю, и сохранила надежду на то, что он не попадется нам среди заговорщиков. Где-то сбоку мелькала новомодная узкая рапира, рассыпая зеленые искры – я еще могла удивляться, видя ле Крайма, без шляпы и с оборванными в лоскуты рукавами любимого им алого камзола, отбивающегося от наседавших на него убийц. Спасать его я не собиралась, но независимо от моего желания, отброшенный мною мертвец заставил врагов предателя смешаться и отступить, растягиваясь на заляпанном алым и белым полу.

Десять против двоих – это много. Двадцать против троих – это уже чересчур. А пять десятков, словно волны, бросающихся на отступивших на тронное

возвышение – это слишком даже для нас. Не героев из древних саг, не воителей и не посланников неведомых сил – просто тех, кто долго шел к намеченной цели, возвышая не только себя, но других, взяв ответственность за судьбу доверившихся им грифонов и пони. Достойно легенд, полагаю – погребальных, конечно, ведь пятеро против двоих – это закономерный итог. Принимая на броню удары сабель и рапир, я вдруг поняла, что не подвожу итог своей жизни, и не пытаюсь подвести баланс, словно бухгалтер, сводящий дебет с кредитом перед богом, а просто вспоминаю свои первые вздохи в этом новом, чудесном мире, свои первые знакомства, свои взлеты и падения, холод севера и тепло прижавшихся к боку детей. Их глаза, которые с испугом и возбуждением глядели на меня из-за спин прикрывавших их королевских хранителей тела. Испуганную мордочку Грасс, ее копыта, закрывавшие испуганно кривившийся рот. Рычащего мужа, с жутким оскалом орудовавшего перерубленным древком протазана. Чьи-то фигуры на верхнем балконе, глядящие на свалку внизу. Удар, полуповорот, шипящая «мельница», сотканная из восьмерок мулине, отбивавшая в стороны рвавшиеся ко мне кинжалы. Чей-то жалобный крик, и нарастающий шум в конце зала – похоже, отряд Рэйна стоял до конца, сдерживая рвущихся из парка грифонов. Рокош набирал обороты, превращаясь в обрушившуюся на нас бурю, мелькавшую круговертью растопыренных лап, простого и зачарованного оружия, взлетающих и падающих кинжалов, сабель, мечей – и снега. Алого, алого снега, миллиардами окрашенных в алое перьев падавших на наши головы под тяжелый, давящий на перепонки звук ударов огромного сердца. Не требовалось притирки и тренировки – меч сам лег под копыто, словно был рожден под него, и с шуршанием черного песка, оставляя за собой шлейф из исчезающей пыли, разваливал надвое сунувшихся под удар. Рядом тяжело взлетал и падал орел на гарде Фрегораха, гулом золотого пламени обрушиваясь на врагов – король устал, и его хриплое дыхание свистом отдавалось в ушах, заставляя меня все чаще уходить в оборону, отбивая мечом предназначавшиеся ему удары, принимая полагавшиеся мне на броню. Сил на то, чтобы наорать на все еще кучковавшихся возле трона родственников уже не было, и я все чаще трясла головой, смаргивая кровь, льющуюся из глубокого пореза, перечеркнувшего наискось лоб и разрывавшуюся от боли скулу. Мы отступали, но за спиной у нас оставалась лишь пара шагов, когда шум в зале усилился, и все больше и больше заговорщиков бросились прочь, стремясь убежать, или схватиться со слитной, черно-красной массой, выплестнувшейся из дверей, и ударившей в спину сторонникам рокоша, наседавших на короля.

- «Магистр…» - прохрипела я между бурными вздохами, вместе со свистом и скрежетом вырывавшимися из вздымающейся груди. От усталости хотелось упасть и не двигаться, но я все еще нашла в себе силы, чтобы опереться на отставленное крыло, на которое тотчас же навалился король, крючковатыми

лапами цепляясь за мою укрытую потрепанной кольчугой порхалку – «Эй… Величество… Ты там как? Жив, старичок?».

- «Староват я становлюсь… Для этого гуано…» - совершенно по-риттерски прохрипел в ответ Гриндофт. Я не заметила на нем ран, но увы, судя по посеревшей восковице надклювья, этот бой дался старику нелегко – «Все-таки… Они пришли…».

Да, они пришли, в блеске и славе, как истинные риттеры, коими они и являлись. Толпа облаченных в черненые кольчуги и полные латы грифонов выплеснулась из дверей, и сохраняя излюбленный свой строй всех времен и народов, клином – «свиньей» - ударила по заговорщикам, наседавшим на короля. Вооруженные молотками с укороченной рукоятью и узким шипом на древке, они быстро и неотвратимо двигались вперед, без остановки нанося удары всем, кто имел глупость кинуться на эту стену из черной стали, в центре которой реял стяг черной башни, вписанной в белый круг, на практике преподавая урок гражданским сабле- мече- и кинжаломахателям того, чем отличается армия от любого отряда самых лихих и безбашенных рубак. Никакого фехтования – просто каждого сунувшегося к строю ждал не один, а сразу несколько ударов с разных сторон, отправлявших на пол окровавленное тело, а масса из стали и плоти двигалась дальше, неотвратимо накатываясь на каждого, кто стоял у нее на пути. Мне показалось, что мои глаза подводят меня, когда в расплывающемся мареве перьев и крови, растекающейся по глазам, я увидела спешащие к нам фигуры, подозрительно похожие на пегасов в потрепанных легионерских доспехах – прорвавшись через остатки заговорщиков, они мгновенно окружили тронное возвышение, подставив спины под мою закачавшуюся фигурку.

- «Рэйн?» - прошипела я, словно умирающая гадюка. Мои глаза прикипели к перевязанному лбу пегаса, из-под повязки на котором стекала струйка крови из потревоженной раны, пятная алым розовую шерсть – «Уводи наших. Забирай короля. Помоги Графиту».

Кривясь и резким движением крыла стирая мешавшую кровь, жеребец что-то спрашивал у меня, но в тот миг мой разум разрывался от множества противоречивых мыслей, хлынувших через трещины в пыльном коконе, ставшим моею броней. Меч выпал из ослабевших копыт, и стоя рядом с оперевшимся на меня королем, я хрипло дышала, приходя в себя от удара по чувствам, рухнувшим на мятущийся разум словно звонкий мешок, наполненный стеклянными елочными игрушками. Все окружающее казалось нереальным, двигавшимся, покачивавшимся, но я нашла в себе силы стоять относительно прямо, не позоря звание Легата позорным падением перед врагами.

Впрочем, таковых становилось все меньше и меньше – не зная жалости и не слушая криков восставших, пытавшихся объяснить им свою политическую программу, включавшую в себя пострижение и обезглавливание короля, риттеры планомерно и не останавливаясь сокращали поголовье высокородных господ, и плевать хотели на тыкавшие в их строй клювочистки. Слабозащищенные соперники риттеров тоже понимали, что саблей или кинжалом даже одну здоровенную хрень в карстенбрусте или полном грифоньем доспехе хрен завалишь, поэтому начали отступать, пытаясь скрыться в глубинах дворца, или бросали оружие, сдаваясь на милость победителей. Таких сгоняли в угол, где уже выросла здоровенная куча ободранных и порядком помятых господ, среди которых я заметила и давешнюю шестерку местных предводителей дворянства, выглядевших особенно жалко на фоне нахохлившихся соратников, уже безо всякой приязни глядевших на бывших господ, кутавшихся в оставшиеся от одежды лохмотья. Мазнув взглядом по оголившейся заднице одной из грифонок, торчавшей между оборванными соратниками по борьбе, я вновь попыталась донести до упершегося отчего-то Рэйна всю важность дальнейшего отступления, пытаясь прорваться сквозь неприятный, усиливающийся звон в голове, но не преуспела, и занятая борьбой с попытавшимся заграбастать меня мужем, забыла даже вздрогнуть, когда открывшаяся балконная дверь, через которую скрылась часть заговорщиков, с треском распахнулась, исторгнув из себя убежавших, скомканной массой из перьев, крыльев и лап чебурахнувшуюся на истоптанный пол разнесенного зала.

«Могу поспорить, в этом почему-то снова обвинят именно меня» - успела подумать я, отмахиваясь от настойчиво втиравшего мне что-то Рэйна, зачем-то пытавшегося осторожненько так меня повалить, и глядя на фигуру Кайлэна, замершего на балконе в чрезвычайно гордой и представительной позе. Грудь навыкат, нос к потолку, шерсть на груди распушил – только ленты и ордена «спаситель отечества» не хватает, хоть сейчас портрет для дворцовой галереи пиши. И тот взгляд, которым он обвел погром в зале Ландтаага, обласкал тылы трясущейся в куче пленных грифонки, и с возмущением уткнулся в меня, был вполне ожидаем, поэтому я проигнорировала его, с самым независимым видом вздернув нос к потолку.

Ой.

Ну ладно, не уткнула, а просто попыталась вздернуть голову, отчего орбита планеты сместилась, вызвав разрывы тектонических плит и выход на поверхность магматических пород мантии и ядра, сотрясших до основания континент, на котором располагалась Эквестрия и Грифоньи Королевства. На фоне этого катаклизма прошло почти незамеченным легкое головокружение, которое испытала одна отдельно взятая пегаска, попытавшаяся несколько раз

перевернуться вслед за полетевшей куда-то головой. К счастью, с боков меня подпирала парочка дуболомов, хотя их попытки сдвинуть меня и уложить пресекалась мной на корню, ведь я не могла позволить себе демонстрировать слабость в присутствии тех, кто пришел к нам на выручку. Не в этот момент высочайшего триумфа эквестрийской дипломатии…

Ладно, кому я вру на страницах этого дневника? Я просто не могла сдвинуться с места, понимая, что если хотя бы прилягу – то уже не встану, и унесут меня оттуда только волоком, похоронив все то, ради чего мы шли, ползли и летели вперед, теряя спутников и друзей.

- «Графит… Подведи меня к пленным» - прошипела я, поправляя крылом сползающий из-под него меч. Как и каким образом он оказался у меня, я даже не представляла, но решила как можно быстрее избавиться от этой штуковины, отдав ее в коллекцию замка принцесс. Пусть порадуются пополнению, да и поговорить будет с кем, пока я буду тянуть лямку придворного раба, изображая из себя прилежную секретаршу.

- «Скраппи, тебе нужно прилечь!» - если бы не латная защита шеи, меня бы уже давно взяли за шкирку, и унесли куда-нибудь прочь. Но доспех был сработан на совесть, хотя наличие возникающих при движении сквознячков быстро дало мне понять, что идеальной защиты не существует, а хлюпающий в накопытниках пот, горячими струйками стекавший в них по телу, намекал на необходимость в дальнейших тренировках на выносливость, и изменении конструкции гамбезона. Всего десяток-другой минут интенсивного столкновения, а я уже похожа на выжатую половую тряпку!

- «Заткнись, и помоги мне дойти!» - прошипела я, наваливаясь на бок мужа. Он тоже заработал довольно порезов и гематом, но раз уж у него оставались силы морочить мне голову, то пускай и отдувается, дубина! – «Если мы сейчас не закрепим этот успех, то все было напрасно, понимаешь?».

- «Ты отправляешься домой первым же поездом. Ясно?» - прошипел благоверный, как можно более незаметнее придерживая меня крылом. Наверное, со стороны мы были похожи на прогуливающуюся влюбленную пару, но только его поддержка и не давала мне грохнуться на пол. Я не могла, не имела на это права, иначе, вместо рокоша Гриндофту досталась бы знать, ошалевшая от сознания собственной значимости, ведь тогда, в глазах всех грифонов, именно представители цвета риттерства и спасли бы попавшего в беду короля от незавидной судьбы быть посланным с почетной делегацией к Хрурту, чтобы лично доложить Пресвятейшему об обстановке в любезных ему королевствах. Поэтому требовалось быстро, стремительно закрепить нашу позицию, чтобы ни у кого не возникала и тень глупой мысли о том, что

вернувшийся с избранными риттерами гроссмейстер кого-то тут спас, а не подоспел к шапочному разбору, выбив дорогущие окна, и истоптав весь паркет. Поэтому я так гордо, как только смогла, кивнула здоровенному грифону, вновь упакованному в свой кастенбруст, и направилась к пленным, стараясь не поскользнуться внутри своего ставшего неподъемным доспеха. Позади фон Гриндофт-младший уводил столь же гордо уходившего отца, чей брошенный на меня взгляд я прекрасно поняла, и только прикрыла глаза, признавая его правоту. Он знал, для чего я это делала, как знал и то, что я знала, почему он должен сам покинуть зал, еще до меня подойдя к заголосившим при его виде пленным, и молча постояв возле них, тяжелой поступью покинул изуродованный зал, нацепив на чело маску озабоченного тяжелыми думами государя. Хотя я могла бы поспорить на гнилое яблоко против легатского жалованья, что он, как и я, попросту старался не упасть там же, где и стоял.

- «По праву сильного, говорите?» - просипела я, с трудом проталкивая слова в сорванное, пересохшее горло. Отыскав взглядом Гранд Бека, я посмотрела на него, пока сдувшийся пузан не отвел взгляд, после чего пару раз ткнула в него копытом, заставив отшатнуться от алых брызг, слетевших с металлического накопытника – «Что ж, король оказался сильнее. Поэтому «Ваэ Виктис», гнида - Горе Побежденным! Я не стану вмешиваться в ваше правосудие, Пуиссон, но знай – я лично потребую твоей выдачи, падаль, и тогда, в моем новом замке, на юге, ты вспомнишь о своих кулинарных пристрастиях во времена правления прошлого короля!».

Развернувшись, я гордо вскинула голову (не смей усмехаться, подруга!), и ощущая, что планета снова начала совершать поворот оверштаг, неторопливо, в несколько приемов, поворачивая мир под моими ногами, направилась к выходу, окруженная коробочкой из бронированных тел. Каждый шаг приближал ко мне двери за тронным возвышением, каждый вздох делал их ближе, и когда оглохшая от звона в ушах и ослепшая от мелькающих в глазах серых мух, я ввалилась в расположенный за ними неприметный, лишенный освещения коридор, то только тогда позволила себе опереться на Рэйна, наконец-то закрывая глаза, и с настоящим наслаждением окунулась в поджидавшую меня темноту, опускаясь на такой чистый и мягкий, с распростертыми объятиями принявший меня пол.

«Hello, darkness, my old friend…».

***

Утро? День или вечер? Сквозь частокол слипшихся ресниц я видела белые стены и кафельный пол. Толстая масляная краска на стенах, некогда белая, но со временем, превратившаяся в мягкий беж. Выкрашенный в белое потолок. Одинокий светильник с шарообразным плафоном. Старомодная стальная кровать на колесиках, и передвижная ширма из рамы, с натянутой на нее белой тканью. Все вокруг было настолько казенным, что я буквально почувствовала, как на моих зубах скрипит жесткая, накрахмаленная хлопчатобумажная ткань простыней, за которые цеплялась каждая шерстинка моего тела. Узкие окна-бойницы, за которыми плавала предрассветная хмарь. Что ж, понятно – тюремный госпиталь.

Я закрыла глаза.

Следующее пробуждение началось с ощущения поильника, осторожно коснувшегося моих губ. Почему я знала об этом? Да потому что лечебница Стикки Виллоу, Твайлайт. Именно поэтому я не делала резких движений, и не сломала подошедшему пару-другую костей, чтобы прикрываясь им, как заложником, попытаться выбраться из этой «палаты». Впрочем, тюремщиком оказалась миниатюрная пожилая грифонка, через полуоблезлые перья которой просвечивала розовая, в старческих складочках, кожа, видимая на неприкрытых риттерским наметом[13] участках головы. Как и у многих риттеров, это нашлемное украшение, смотревшееся странно на старой облезлой синице, было украшено каким-то гербом, рассмотреть который я не успела, выдув поильник за тройку глотков. Разговора тоже не получилось – удовлетворенно покивав головой, птицекошка резво засеменила прочь, на прощание ободряюще похлопав меня по груди скрюченной лапкой с обломанными коготками. Возможно, это было пожелание поправляться, но я бы поставила на то, что мне просто посоветовали не дергаться, и дожидаться появления палача.

В конце концов, будущему горелому мясу не требовались богатые покои и лейб-медик самого короля.

- «Дорогая, ты как?» - разбудил меня голос мужа. Сама не заметив того, как вырубилась, я заполошно вскочила с постели, ударившись носом о перетянутую бинтами грудь, и вновь отлетела в подушки. На этот раз их было гораздо больше, а тоненькая простыня сменилась настоящим шерстяным одеялом с грозным старогрифонским «хинтабайне», вышитым алой шерстяной ниткой на одном из краев.

[13] Ткань прикрывающая голову, оставляя открытым лицо и шею.

Забавно. Казалось бы, обычное слово, обозначающее задние лапы – а если произнести, то звучит так, словно у тебя потребовали развернуться, положить ноги за голову, и самому прислониться к стене.

- «Нормально» - проскрипела я, выкарабкиваясь из мягкого плена. Я не заметила на себе кандалов, но вполне возможно, что это было лишь следствием того, что убежать из этого места было попросту невозможно. Впрочем, это не объясняло присутствия мужа… Хотя для последнего прощания как раз было бы в самый раз.

- «Все плохо?».

- «Очень» - вздохнул супруг.

- «Ясно. Как дети?».

- «У короля. С ними Грасс в качестве гувернантки».

- «Хорошо» - я откинулась на подушки. В голове было тихо, и даже обычно шуршащие без умолку тараканы на этот раз сидели очень тихо, забившись по самым далеким щелям. Попытавшись понять, чем же именно меня опоили, я вдруг пришла к мысли о том, что мне попросту не о чем больше переживать – мой путь подходил к концу, и было обидно лишь то, что мне пришлось тащить с собой столько хороших ребят, попавших в эту дипломатическую заварушку. Впрочем, они были эквестрийскими легионерами, и я запретила себе думать о том, что чувствовали они в этот час, ожидая прихода нового утра. В отличие от остальных я точно представляла себе, где мы встретимся с ними, и знала, что кто-нибудь из тех, кто ушел раньше, будут поджидать нас среди белоснежных цветов. Осталось только убедить мужа отправиться с весточкой для принцесс – и я с легким сердцем осталась бы тут, ожидая последнего скрипа открывающейся двери.

- «Хорошо… Ты же знаешь, что должен лететь».

- «Куда? И зачем?».

- «Передать весточку принцессам».

- «Я вот не пойму, ты действительно не можешь остановиться, и хотя бы немного отрешиться от дел?».

- «Действительно. Чего это я» - хмыкнув, я поглядела в темное окно. Увы, в оконном стекле отражался лишь тусклый свет желтого светового кристалла – «Убежать не получится?».

- «А куда? И зачем?».

- «Действительно…» - мы говорили так, словно были последними выжившими на превращенном в хлам корабле, бесцельно трогая куски развороченного корпуса и обломки приборов, прекрасно зная, что пользы от этого нет, но по профессиональной привычке выдвигая идеи, и самостоятельно отбрасывая их прочь после нескольких слов – «Слушай, ты можешь скрыться, и добраться до Кантерлота? Хотя бы ради меня?».

- «А почему это ты вдруг захотела меня отослать?».

- «Ты прикидываешься тупым, или тебя действительно по голове сильно били?» - раздражение начало прорываться сквозь окутывавший меня кокон апатии, но не разжигая привычный огонь, а заставляя покрываться колючками, выраставшими из холодного, стального панциря – «Я не хочу тебя потерять!».

- «Об этом нужно было раньше подумать!» - тоже завелся мой благоверный, тряся надо мною отросшей, нечесаной бородой – «До того, как пытаться загнуться там, в этом зале! Скраппи, ответь мне – только честно! – почему ты с таким ненормальным, маниакальным упорством, раз за разом, пытаешься умереть?!».

- «Ничего я не хотела! Я просто пыталась закрепить наш успех, и не дать гроссмейстеру Башен захапать все лавры. И если бы не усталость, хрен бы они меня взяли живьем!».

- «Не знаю, кого ты там хотела вдохновить своей сереющей мордочкой, но грифоны и вправду были поражены, когда эквестрийский посол шаталась по залу, оставляя за собой красные дорожки из крови!».

- «Слушай, ну не гунди! Даже жеребенку было понятно, что это все накапало. С доспеха» - скривилась я.

- «У тебя из доспеха чуть ли не половина галлона крови выплеснулась, когда с тебя удалось его снять!» - рявкнул тот так, что ветром меня буквально вжало в подушку – «А эти твои замечательные латы теперь можно выкинуть только в помойку!».

- «Пиз… Преувеличиваешь!».

- «Это ты скажешь врачу, который после операции и перевязок выглядел так, словно в бочке крови поплавал!» - зарычал супруг, копытом вдавливая меня обратно в подушки - «Он до сих пор не верит, что ты еще жива, и постоянно присылает кого-нибудь проведать, не нужно ли уже палату освобождать! А

доспех я тебе потом обязательно покажу. В нем дырок больше, чем в филлидельфиском сырном торте! Ты что, вообще ничего не почувствовала?!».

- «Ну… Устала немного…».

- «Ты меня в могилу загонишь!» - закончив сверлить меня сердитым взглядом, простонал муж, поднимая голову в сторону открывшейся двери, из которой появилась уже знакомая мне дама, похожая на гибрид престарелой матушки риттера и бенедектинской монашки. Скормив мне целый лоток мерзко воняющих резиной облаток и порошков, с кроткой улыбкой она залила в меня целый чайник какого-то сладкого до рвоты настоя, после чего, вновь похлопав по темечку, быстро исчезла из камеры, плотно закрыв за собою толстенную деревянную дверь.

- «Надеюсь, что нет» - решив действовать, я вновь потянула себя из кровати, шлепком отбрасывая потянувшееся ко мне копыто – «Так, дорогой, начинай собираться. Я сейчас разобью этот светильник, и как только кто-нибудь зайдет разузнать, чем это мы таким предосудительным занимаемся, ты быстренько вырубишь его или ее, и мы рванем отсюда со всех ног! Задача ясна?».

- «Вырубим? Убегать? Скраппи, зачем?» - недоумевающе уставился на меня этот стероидный тормоз – «На всякий случай напоминаю, что мы в гостях, и эти добрые дамы ухаживают за тобой. Поэтому веди себя как посол, а не дикарь из северных лесов. И без этих твоих живодерских штучек!».

- «Ага. Настолько милые дамы, что бросили меня в камеру!».

- «Нас приютил орден милосердных сестер Ведруды Брудхальгской, и это не камера, а палата их госпиталя» - название ордена Графит произнес медленно, с трудом продираясь через дебри старогрифоньего языка, впитавшего в себя множество диалектов северных гор – «Ты потеряла много крови, поэтому тебя спешно доставили сюда. Операция была долгой – врач сказал, что тебя спасли латы, но ран было слишком много, поэтому он зашил только самые серьезные, а остальные закрылись под действием новых аптечек, поэтому тебе предписан покой, иначе он ни за что не отвечает».

- «Миленько. Значит, королевского лекаря я не достойна?» - сердито фыркнула я, не желая расставаться с иллюзией избранности, и вообще, общей важности для мироздания. Оказывается, для меня даже камеры пожалели! Наверное, решили, что даже если и захочу убежать, то после такой кровопотери лететь смогу недалеко, и недолго – как раз ровно столько, чтобы тянуло на побег из-под стражи, с соответствующими последствиями – «Что ж, ожидаемо. А в остальном, я слишком уродливо выгляжу?».

- «Ты выглядишь замечательно!» - тотчас же забегал глазами супруг, но я уже ощутила, как неприятно топорщится шкура на левой половине мордочки при любой попытке моргнуть, или пошире открыть рот – «Скраппи, послушай, все замечательно! Тебя восстановили! Тебе же почти половину морды снесли! А врачи все зашили, и теперь почти незаметно, ни капельки незаметно! Ну же, Скраппи! Все хорошо!».

Да, все было отлично.

- «Ох, Скраппи…» - пробормотал муж, и осторожно прижал к груди, которую я обхватила, и в которую зарылась, чтобы никто не видел и не слышал, как судорожно зарыдала считавшая себя холодной, несгибаемой, и много пережившей Легат, прощаясь с еще одной частичкой себя, оставшейся в этих северных землях.

***

- «Ваше Величество…» - распахнув крылья, я согнулась в положенном по этикету поклоне. На этот раз не было громкоголосого мажордома, место которого снова занял одноглазый старик, вернувший себе место королевского распорядителя, а стая важных и вооруженных господ осталась в королевской приемной, словно занавес расступаясь передо мной на пути в кабинет короля. На этот раз многие из них первыми отводили глаза, заставляя меня передергиваться от мысли о том, какое же уродство видят они перед собою. На этот раз и я не стала запрыгивать на колени королю, а разогнувшись, осталась стоять, пока не получила приглашающий жест присоединиться к нему возле пылающего камина. Тот же низкий потолок, тот же столик с напитками и картой, те же странные кресла-насесты, и даже та же кровать – все было по-прежнему, не изменившись с тех пор, как однажды я вошла сюда, представ перед правителями двух королевств.

Изменилась лишь я сама.

- «Пхизнаться, я ждал вашего пхибытия гохаздо ханьше, посол» - решил начать с претензий Гриндофт, то ли обозначая свою позицию с самого начала разговора, то ли просто желая задать ему нужный тон – «Чем ты вообще занималась так долго?».

- «Ну… Я бы назвала это «Три Пэ» - Побегала, Поорала и Подралась» - ровным голосом сообщила я. Если король решил показать мне свой характер, то его ждал поистине королевский облом – «В общем, неплохо провела время, можно даже сказать».

- «Я бы назвал это «привычным времяпровождением Скраппи Раг». Не находишь?».

Потянувшись к бокалам, уже наполненным чем-то ароматным и явно алкогольным, мы замолчали, поглядывая друг на друге. Первый раунд был пройден, но пока это были лишь единичные столкновения кончиками мечей, больше похожие на приветствия, чем обозначения ударов.

- «Надеюсь, тебе стало лучше, Скхаппи?».

- «Гораздо. Монахини были довольно добры, даже несмотря на очень камерную палату» - хмыкнула я. Шато Леовилль растеклось по языку, обволакивая его ароматами свежего, поджаренного хлеба с нотками теплого сливочного масла, словно напоминание и намек о том, что для сидевшего напротив грифона не было секретом то, чем я занималась в Друнгхаре – «Это был еще и важный урок смирения, который мне подкинула жизнь. Знай свое место, если можно так выразиться».

- «Скхаппи, Скхаппи…» - поморщился Гриндофт, оставляя бокал. Намек в моих словах был настолько прозрачен, что даже это великолепное произведение грифоньих винокуров вдруг показалось ему кислятиной из выжимок, годной лишь беднякам – «По моему особому хаспохяжению тебя пхиняли в этом охдене не потому, что я не хотел тебя видеть, или же, упаси Хрурт, «указать твое место», как ты изволила выхазиться. Если бы это было возможно, я бы пхедоставил тебе все, что может только дать двохец кохоля, в том числе лейб-медика и собственную кховать! Пхосто там было наиболее безопасно для ослабшей и потехявшей много кхови пегаски, успевшей восстановить пхотив себя множество могущественных и влиятельных господ».

- «Тогда почему со мной не отправили детей и мужа? Им что, защита не полагалась?».

- «Потому что, *а титре персонелль* - то есть, лично - ты успела наступить на хвост очень многим магнатам и могущественным пхавителям марок, кантовнов и комтурий, и они были бы хады избавиться от той, что сохвала такой обшихный и долго готовящийся план. И находиться даже во двохце было бы для тебя небезопасно. Не сейчас, когда Грифус заполнили беженцы с юго-востока» - старый грифон поднял кувшин, и вновь наполнил наши бокалы. За его креслом я заметила рукоять Дайнслейфа, опирающуюся на знакомую лакированную коробку – «Твои чехные спутники и сами кого хочешь испугают, а к малышам пхетензий ни у кого нет. Даже самым безумным гхифонам и в голову не пхишла бы мысль пхичинить вхед твоим детям, ведь связываться с Эквесхийским Кохолевским Домом духаков и самоубийц пока не находилось.

Поэтому тебя пхиютила конгрегация милосердных сестер Ведруды Брудхальгской, и как видишь, это оказалось пхавильным выбохом. Слух о том, что ты находилась в их госпитале, остудил гохячие головы, не хешившиеся угхошать милосехдным сестхам, связанных с охденом Чехной Башни. К тому же, каждая из них была когда-то благоходным риттером, и не забыла, с какой стохоны дехжать саблю или халберд».

- «Эти старые курицы были когда-то лихими рубаками?!» - не поверила я, тщетно ища у своего собеседника признаки того, что он попросту шутит – «Да ну, бред какой-то… Но даже если и так, и под старость черти и в самом деле всегда идут в монастырь, то почему тогда такие опасливые господа напали на нас во время приема?».

- «Напали на кохоля и посла, сложившую с себя высокое достоинство непхикосновенной фигухы» - наставительно поднял крючковатый палец грифон, пригубливая вино с помощью узкого выступа на краю бокала. Я заметила, что мой был его лишен, что говорило о том, что разговор был подготовлен заранее, и учтены все мелочи, вплоть до такой – «Имея на это полное пхаво, между пхочим. Что поделать, Скхаппи – мы таковы, какие мы есть».

- «Ужас».

Очередные бокалы отправили свое содержимое в наши желудки, знаменуя очередной раунд переговоров. Забавно, но почему-то я ощущала, что это были именно переговоры, и пока мы выстраивали позиции, на виду друг у друга строя стены из аргументов, обозначая территории, с которых не собирались сходить, и подготавливая возможные отступления и уступки.

- «Как тебе понхавился меч?».

- «Жуткая штука» - передернулась я, заметив, как дернулось пламя от сквознячка, с которым приоткрывшаяся дверь впустила в покои профессора Хаго. Ответив коротким поклоном на мое приветствие, он что-то прошептал королю, после чего отправился к каминной полке, с которой взял крошечный ключ. Признаться, я даже не представляла, что такой маленький замочек может запирать такую здоровенную коробку. Или это была шкатулка? Мне сложно было угадать, но меч я, конечно же, узнала, даже не прикасаясь к свертку из черной материи, обнаружившемуся внутри – «Думаю, ему самое место в музее. Или в замке ордена охотников на чудовищ».

- «Боюсь, тебе придется его забрать» - покачал головой младший из двух грифонов, откидывая бархатную ткань. Я не могла не признать, что на черной ворсистой материи меч выглядел потрясающе, и с трудом отвела от него глаза,

с удивлением глядя на переднюю ногу, каким-то образом уже протянувшуюся к рукояти – «Другие уже пытались это сделать. Кое-кто даже настаивал на том, что это национальное достояние, и оружие из карберрита не имеет право быть подаренной какой-то там пони, пусть даже и оказавшей важные услуги самому королю».

- «Ну и оставили бы его себе. Я не против» - буркнула я, убирая обратно копыто под ехидными взглядами двух старых умников.

- «О, они попытались!» - хмыкнул Хаго. Не прикасаясь к мечу, он наклонил коробку, с тяжелым стуком вытряхивая сверток на стол, после чего с интересом уставился на меня, словно на подопытную зверушку – «Болваны! Закутали в велюр, и понесли в сокровищницу самого смелого бургграфа, слывущего отчаянным смельчаком. Но вот незадача – через несколько шагов несущие его грифоны вдруг споткнулись – все, как один! - и уронили меч на пол. А вместе с ним - и несколько пальцев. В общем, никто обделенным не остался».

- «Значит, меня теперь еще и в колдовстве обвинят» - вздохнула я, с трудом убирая копыто от морды, которым я массировала жуткий шрам, пересекавший мой лоб, левую бровь и скулу. За последние дни это стало поистине навязчивой идеей, но я не могла себя в этом винить – удар был настолько силен, а оружие настолько остро, да еще и напитано грифоньей алхимией, что оно прошло сквозь плоть как сквозь масло, оставив не только огромный разрез, но и попутно разворотив мне скулу. Даже не представляю, что было бы с моей мордой, случись это где-то в Эквестрии, но к счастью, воинственной расе грифонов было не привыкать оперировать подобные травмы, и вместо почти не действующей на меня магии, в рану опустились умелые когти хирурга, буквально по осколкам собравшие разнесенную в куски скуловую кость. Рану оперативно ушили, да еще и долго мазали чем-то вонючим, щипучим и жутко невкусным, завернув мне с собой на дорожку целый брусок этого вещества. Как выяснилось, мазь Кольтского (угадай, кто ее придумал и наладил поточное производство, Твайлайт?) была постоянным спутником любого уважающего себя бойца, и только я, в своей глупой самонадеянности, пропускала это известное название мимо ушей, считая ее каким-то местным антисептиком, не стоящим внимания «просвященной» кобылки, яшкавшейся с выходцем из древних времен. И теперь расплачивалась за собственную глупость, ощущая, как при любом движении топорщится на выбритом месте растущая колючая шерсть.

– «После этого риттеры согласились, что оружие выбрало себе владельца» - развеял мои опасения профессор Хаго, выкладывая на стол еще один экспонат. Порядком пообтрепавшиеся за время моих приключений, ножны Фрегораха были заботливо восстановлены, и несмотря на то, что это было

боевое, а не парадное оружие, в них он смотрелся естественно и достойно, поблескивая в мою сторону шарообразным навершием из кости дракона – «Поэтому мы возвращаем его тебе. Как и этот».

- «Это же подарок. От маркиза» - нахмурилась я, заподозрив в его словах неприкрытую насмешку.

- «Кажется, информация усваивается в этой голове достаточно экзотично, разделяясь на составляющие, часть из которых выходит обратно в почти не обработанном виде» - я еще сильнее надулась, поняв, что такими умными и длинными словами надо мной рисковали издеваться разве что только принцессы – «Хорошо, давай еще раз: помнишь, что я говорил тебе про оружие, получившее свое имя?».

- «Да. Вы оба говорили, что оно может быть взято у предыдущего владельца только с боем, или если само решит его покинуть, если тот сделает что-то совсем нехорошее. Ну и что?» - разминая копыта и прикидывая, куда можно будет накидать этому умнику, пока меня не скрутит прибежавшая стража, буркнула я.

- «Если говорить упрощенно, то да» - судя по важному виду, привычка читать лекции была у Хаго уже в крови, и я подумала, что было бы довольно забавно, если бы королем стал он, а не Акланг, и попыталась представить, как новый король с важным видом расхаживает перед троном, читая долгую и нудную лекцию засыпающим подданным, из ослабевших от скуки лап которых сами выпадают мечи и кинжалы. Выглядело достаточно забавным, чтобы я нервно хрюкнула, пытаясь скрыть неподобающий смех – «Как ты рассказывала, последним его владельцем был атаман-барон разбойников, у которого, несколько лет назад, ты забрала этот меч. Верно?».

- «Да. Но потом я заложила его, выкупая жизнь одной хорошей пони…».

- «И что же?» - терпеливо, как взрослые смотрят на туго соображающего, придурковатого, но в целом, безобидного и в чем-то даже милого жеребенка, оба грифона уставились на меня, заставляя почувствовать себя полной дурой – «Теперь он снова у тебя. И где в этой картине ты усматриваешь хоть одно условие для перехода к новому владельцу?».

На этот раз молчание длилось дольше, пока я пыталась сообразить, где меня нае… обманули, и как собираются вые… чем мне это грозит.

- «Но ведь я не хорошая пони!» - наконец, нервно воскликнула я. Гораздо громче, чем позволяли правила для этой встречи, поэтому мне в копыта отправился новый бокал, который я осушила, почти не чувствуя вкуса вина из

королевских подвалов – «Я делала так много плохого, что если говорить об каких-то там «условиях», то он уже давно должен был *мне* отрезать копыта по самые уши, возвращаясь к тому, кто более достоин, или оставшись у… Blin!»

- «Вот-вот» - похлопал лапами профессор – «Начала, наконец, понимать?».

- «Гриндофт!» - зарычала я, наконец осознав все коварство своего старого, во всех смыслах этого слова, друга. Увидев почти всю цепочку, которая накрепко связала его и меня. Страховку, которую тот предусмотрительно приготовил – и когда! Сколько лет назад! От осознания того, что даже обычные смертные этого нового мира, такие как я, и король, могут строить такие долгие планы длиною в половину моей недолгой, но бурной и глупой жизни, начиналась кружиться голова, а в душе появлялось что-то такое… Словно широкая, светлая улица вставала перед глазами, залитая утренним светом летнего солнца, по которой ты можешь идти и идти через город, в поля, и никто не поставит на ней светофор, не закроет шлагбаумом, не перегородит бетонными блоками с надписью «Ищите объезд!». Понимание того, что даже в самые темные годы наши потомки могли строить планы, рассчитывая на собственные силы и не боялись, что их правители будут давить их запретами лишь из-за страха невозможности контролировать все и вся, ударило меня не хуже иного мешка. Они имели надежду на будущее – даже те, кто участвовал в этом восстании, и кажется, уже за это стоило рвать глотки всяким политиканам и черным тварям из Тьмы.

Но я снова не смогла. Не сумела. И снова осталась жива.

- «Ты пхинесла не только плохое, Скхаппи» - протянув лапу, грифон положил ее на мою ногу, расслабленно лежавшую на ручке удобного кресла, без особых проблем поняв, что я чувствовала в тот миг – «Ты вехнула стабильность и закон в кохолевства, вместе со мной обезглавив вехкушку заговохщиков, желающих хазодхать на части стхану. И я чувствую себя обязанным отблагодахить тебя. Не лично тебя, ведь я вижу, как ты мохщишься, хотя и пытаешься этого не показать. Ты делала это не хади денег или пхиказа пхинцесс, и это делает твой поступок попхосту бесценным для меня. Но как посол, ты не можешь вехнуться ни с чем, поэтому я хочу услышать, что бы ты хотела пхосить не для себя, но для пользы своего дела. Надеюсь, я пхавильно выхазился по-эквестхийски?».

- «Д-да… Кажется, я поняла…» - пробормотала я, даже забыв о том, что хотела похвалить старика за то, как изменился его эквестрийский в течение всего нескольких лет. «Для пользы своего дела» - кажется, у грифонов была такая поговорка, обозначавшая, грубо говоря, выгоду, которая принесет дивиденды не только тебе, но и тому делу, которое ты делаешь. Сложно? Да,

Твайли, я тоже не понимаю всех нюансов этого выражения, осознать которые может разве что только грифон, но в тот момент я сообразила, что он предлагал мне озвучить требования не Скраппи Раг-Беррислоп, но посла и Легата, получив какие-то выгоды от содеянного именно в этих своих ипостасях. Что ж, этот список уже давно был выстроен у меня в голове, поэтому долго думать над ним не пришлось. Увы, экс-канцлер Пуиссон Гранд Бек сумел бежать из-под стражи, и пользуясь творящейся неразберихой, ускользнуть от правосудия. Взамен, мне достался другой неожиданный трофей, с которым вот уже неделю плотно и качественно работал Графит – пятерка контрабандистов, еще год с чем-то назад ускользнувшая из-под моей мягкой и любвеобильной опеки, обнаружилась в покоях, куда вломились мои дуболомы, которых хитрая самозванка отправила на педикюр. Кавити полностью реабилитировала себя в моих глазах, продемонстрировав недюжинную смекалку, и быстренько завернув ноги за уши этим свободолюбивым господам – как я и подозревала, это они обеспечивали быструю переброску самозванки и ее группы по всей территории Грифуса и Лесной страны, поэтому жаждала пообщаться с ними лично. Увы, процесс шел достаточно медленно, а муж не допускал меня к заключенным, по какой-то причине решив, что я непременно разорву их на части прямо в камерах, где они коротали часы между допросами, в процессе которых ему удалось нащупать дорожку к их нанимателю, находящемуся за пределами Королевств.

- «Ты хочешь заключить их под стхажу?» - удивился моей просьбе Гриндофт. Выслушав мое объяснение, он долго раздумывал над ним, несколько раз переглядываясь с опасливо косившимся на меня сыном – «На катохгу? В каменоломни?».

- «Ага. В самые глубокие камеры. По одному. Чтобы ели такие помои, от которых отказываются оголодавшие псы; работали на убой, выкапывая руду или драгоценные камни в самом глубоком забое, и могли видеть небо где-то далеко-далеко, со дна глубочайшего колодца».

- «И как долго?».

- «Пока я не вспомню о них» - моей ухмылке позавидовал бы страдающий несварением крокодил. Скривившись, грифоны все же кивнули, поглядев на меня с известной долей опаски и осторожности, наверняка подумав, что лечение было закончено слишком рано после такого сильного удара по голове.

Само собой, рассказывать им о том, что я могла бы провернуть подобное и без их помощи, разве что место с грифоньих каменоломен на самом севере обитаемых земель изменилось бы на какой-нибудь бург за горами, я не стала – с меня было довольно тех криков, которыми разразились утаскиваемые пегасы,

узнав о своем приговоре. Я понадеялась, что осознание того, что их ждет в ближайшем будущем, позволит Графиту быстрее их расколоть, ведь несмотря на обещание помощи в поисках сбежавших негодяев, полученного от короля, меня все чаще и сильнее свербила одна нехорошая мысль, когда осколки разрозненных данных понемногу сползались в единую картину, существовавшую пока лишь в моей голове. На ней нашлось место Новерии, зачем-то занятой личной гвардией Гриндофта несколько лет назад, находящемуся там же бункеру Древних, и даже самозванке, как-то слишком уж легко и свободно расхаживающей по одному из дворцов короля, не говоря уже о банде пегасов и земнопони, без препонов летавших по всем Королевствам. Все это следовало хорошенько обдумать, поэтому я не стала заострять внимание на этом моменте, сославшись на мужа и его поручение, полученное от принцесс, и перевела разговор на текущую ситуацию, которая беспокоила всех нас.

- «Все плохо, Скхаппи» - без обиняков объяснил мне король. Забавно, но за эти месяцы думая о Гридофте как о какой-то абстрактной фигуре, я привыкла называть его этим титулом даже в уме – «Потехян не только Талос, но и Сен Дро – а это самый кхупный город на востоке от Короны. Мы отхезаны от востока кохолевств, и можем пехеговахиваться с оставшимися гоходами лишь с помощью гелиографа[14]. Тьма захватила уже половину наших многостхадальных кохолевств, и если бы не та помощь, котохую оказала ты и твоя повелительница, увы, она бы цахила уже здесь».

- «Этому не бывать!» - выныривая из моря самобичевания, в которое я вновь и с радостью погрузила себя, рыкнула я. Да, звучит глупо и как-то по-книжному, но поверь, подруга, в тот миг мне было на это плевать – «Мы уже били этих тварей! Посмотри, как много здесь собралось грифонов! Каждый из них орет, что не знает, «куда деть лапы и саблю» - так вот и дадим им цель, этим горлопанам! А если еще и связаться с другими городами, за пределами гор – с той же Пизой-Друнгхаром, к примеру…».

- «Тьма надвигается, Скхаппи. Конечно, можно послать весточку с рудным эхом…» - отстраненно и даже печально курлыкнул Гриндофт-старший, вновь наполняя бокалы. Упоминание о надвигающемся бедствии сбило веселье, с которым старшие весело подтрунивали надо мной – «Но кто ее примет? Кто еще остался вехен Каменному Тхону, и готов пхийти ему на помощь в годы беды? Даже самые вехные тянут к нему лапы, и тхебуют «Дай! Дай! Дай!», хаздихая родину на части. И кажется, что спасения уже нет».

---

[14] Оптический прибор. Зеркальце на штативе, с помощью которого можно передавать сигналы и целые сообщения. Один из первых видов телеграфа.

- «Всегда есть надежда!» - раскрасневшись от выпитого, я громко стукнула копытом по ручке кресла, недовольно зыркнув на мажордома, встревоженно сунувшего в дверь свой любопытный клюв – «Мы отправим весточку в Пизу, и маркиз, верный своему обещанию, откроет дорогу на север, в Эквестрию и Лесную страну».

- «Он отделился от Грифуса, Скхаппи» - напомнил мне король, глядя в огонь – «Тем более, что этот Друнгхар еще не подписывал никаких соглашений, союзных договохов, и не пхинимал вассалитет перед Короной».

- «Зато он обещал очень многое мне!».

- «И этого для тебя довольно? Простого обещания, или слова?» - удивленно посмотрели на меня оба грифона, принц и король.

- «Естественно» - настало время удивляться уже мне, глядя на эту парочку, пораженно крутившую головами – «Он же знает, что я, если что, вернусь, и лично узнаю, почему у кого-то вдруг случился внезапный приступ амнезии».

- «Да, отец… Это, признаться, аргумент» - закашлялся гриндофт-младший, со значением глядя на короля.

- «А с юго-востока нас подопрет ополчение из Заброшенного леса. Они называют свою страну Лесной, и наверное, в будущем нужно будет использовать это название, чтобы не путать себя и других. В новом городе, который возводят на месте Кладбища Забытого сидит Майзе – она, и еще один надежный грифон, передадут сообщение моему принцепс-кентуриону, и северяне выступят к бургам на границе обжитых земель, запирая чудовищ на перевале. Заодно и охотникам на чудовищ помогут».

- «А у тебя есть войско?» - поразился профессор Хаго, оглядываясь на повернувшегося ко мне отца, бросившего на меня по-стариковски острый, подозрительный взгляд.

- «Ну, наверное, есть» - ухмыльнулась я. Попыталась ухмыльнуться, хотя маска Легата, его облик, уже вмерзали в мою плоть – «Я велела разнести весть по всему краю, и когда улетала в сторону перевала, в Каладан уже начинали собираться первые добровольцы. Конечно, это всего лишь местные жители, но кажется, они знают, с какой стороны браться за копье. Да и Лонгхорн с Тэйлом не дадут им скучать».

Говорить о том, под чьи знамена собиралась эта северная вольница, я благоразумно не стала. Кто знает, не найдется ли у местных грифонов претензий еще и к Иллюстре?

- «Если бы все было так пхосто, Скхаппи» - печально покачал головой старый король. Кажется, он даже не заметил, что я подошла к нему, и в нарушение любых норм этикета, положила копыто на плечо, по-прежнему глядя в огонь – «Если все было так пхосто. Боюсь, что *она* была пхава, когда пхедостехегала меня, говохя, что власть может стать неподъемным бхеменем, котохое ломало спины и покхепче моей».

- «Так что, мы просто сдадимся? Бросим тех, кто еще держится в своих городах, окруженных чудовищами? Устроим огромное переселение, отдавая Тьме эти земли?».

- «Нет, но…».

- «Тогда о чем мы вообще говорим?» - искренне удивилась я, не понимая, о каких страданиях может идти речь, когда родина находилась в опасности. *«Еще одна «родина», еще одна «опасность». Ничего нового»* - проскочила в голове непрошенная мысль, которую я затоптала, разорвала, и развеяла в прах – «Есть зло, которое нужно истребить. Есть народ, который нужно спасти. Есть король – отец нации, и риттеры, живущие ради битвы, которые сложат свои головы за страну. Кажется, все просто».

- «Ты и вправду так думаешь?» - наконец, поднял голову Гриндофт, внимательно поглядев на меня. Наши головы находились так близко, что мы могли чувствовать дыхание друг друга, смешивающееся в жарком воздухе кабинета – «Ты и вправду считаешь, что у нас есть шанс?».

- «У нас есть все, чтобы выиграть этот бой!» - искренне и твердо ответила я, доставая из-за отворота заколебавшего меня платья рисунки, которые я заботливо собрала за эти долгие… Месяцы? Недели? Или дни? Чувство времени растворялось, вытесняемое чувством долга и стальной скорлупой, которой покрывалось надрывающееся, горящее пламенем сердце – «У нас есть то, ради чего мы должны его выиграть. Иначе для чего еще жить?».

- «Хади боя?».

- «Ради наших детей. Ради всех детей. Ради будущего всех подданных. Ради всего королевства, в конце концов. Не так ли?» - требовательно спросила я старика, и забывшись, даже потрясла его за плечо, не обращая внимания на неодобрительное покашливание профессора Хаго – «Иначе зачем вообще было становиться королем?!».

- «Ты пхава» - подумав, согласился Гриндофт. Быть может, не до конца искренне, но все же перестав таращиться в пламя камина, словно пытаясь, подобно мне, разглядеть в его лепестках свое будущее – «Пехедай пхинцессам,

что Кохолевства будут стоять до конца. Нам нужны только гарантии невмешательства в наши дела!».

- «Думаю, с этим справится и тот несчастный «посол», который так рвался сюда, и который так сильно «болеет», что даже не находит времени на то, чтобы позаботиться об интересах своей страны, в отличие от балов и приемов!» - фыркнула я, направляясь к двери. Я поняла, что хотел сказать мне Гриндофт, и потому не смогла отказать себе в удовольствии остановиться перед распахнувшимися створками чтобы полюбоваться удивленными рожами двух коронованных стариков – «Что, вы и в самом деле думали, что я улечу, и пропущу все веселье?».

***

Приемная встретила меня гулом голосов. Все так же погруженная в потусторонний синий свет, она полнилась множеством важных грифонов, среди которых первую скрипку играли военные, собравшиеся у большого стола, выставленного прямо на проходе. На фоне старомодных, но доказавших свою актуальность доспехов, облаченные в колеты, дублеты и кружева придворные и чиновники всех видов и мастей смотрелись хоть и богаче, но в чем-то даже комично, словно модники, по ошибке попавшие в цех сталелитейной мануфактуры. Терзая в лапах какие-то свитки и документы, они бросали вокруг столь же самоуверенные, вызывающие взгляды, но я заметила, как нервно опускались их лапы на рукояти клинков, когда те встречались глазами с настоящими риттерами, важно курсировавшими по залу.

- «Мэм…» - при выходе из зала, поприветствовал меня Рэйн. Порез на его лбу почти зажил, напоминая о себе лишь узким, прикрытым корочкой шрамом, да срезанной гривой с одной стороны головы. Как именно он разминулся с кинжалом, и куда подевался его шлем, я собиралась выяснить позже, но все время находились дела поважнее – «Эти важные грифоны хотели вас видеть».

- «Еще не насмотрелись?» - разглядывая одоспешенную толпу, негромко поинтересовалась я. Услышав звук открывающихся дверей, та, в свою очередь, таращилась на меня, заставив нервно задергаться пришедший со мной десяток, поджидавший моего выхода у двери – «Рэйн, что там с выздоравливающими?».

- «Боюсь, много раненых, мэм» - тоже понизил голос кентурион моей отдельной сотни, будто бы ненароком заслоняя меня от нескромных взглядов клювастых господ – «Эти драться умели, поэтому слишком много наших нуждается в хорошем лечении. Из пяти десятков в строю осталось лишь две дюжины пони».

- «Организуй эвакуацию всех раненных обратно в Эквестрию, через Друнгхар. И созывай оставшихся».

- «Всех?».

- «Всех. Мне нужна вся эта сотня – по крайней мере все те, кто способен стоять на ногах».

- «Сделаем, мэм» - отступая с дороги, кивнул мой хранитель тела, пристраиваясь в моем кильватере, в то время как я двинулась к самому большому скоплению грифонов. Такому странному расположению места для совещания я, в целом, не удивилась – помнится, французские короли, бывало, в одном зале и спали, и ели, и справляли нужду, не говоря уже о заседаниях королевского совета, благо, размеры того же Лувра или Версаля вполне позволяли и не такое. Здесь же все было прилично – похоже, воинственные ваза решили быть поближе к месту событий, и личным примером показать королю свою преданность делу защиты от надвигавшейся Тьмы.

Или же не дать ему скрыться, если что-то пойдет не так.

- «Мое почтение, господа» - протиснувшись к столу, чему немало способствовало длинное и жесткое маховое перо, которым я, не стесняясь, тыкала самых неуступчивых личностей под длинные кошачьи хвосты, заставляя гордых придурков подпрыгивать едва ли не до потолка – «Настоящее совещание, прямо как в риттерских романах! Ах, я в волнении, я вся дрожу!».

- «И поэтому изволите издеваться» - не слишком дружелюбно каркнул один из грифонов. Молодой, не больше двадцати с чем-то лет, он был упакован в полный доспех глубокого черного цвета, лаковое покрытие которого лишь подчеркивало своим блеском символ башни на правом наплечнике. Этого молодчика я не знала, и задалась вопросом, где же шлялся гроссмейстер ордена в то время, когда решалась судьба дальнейшей борьбы – «Ваши посольские дела закончены, и вы можете удалиться».

- «Мисс. Или миссис» - подняв глаза на риттера, спокойно произнесла я. Слишком спокойно, заставив посмотреть на нас всех, кто собрался в приемной, и не опускала глаза, глядя в круглые гляделки бросавшего мне вызов вояки – «Не забывайте эти слова, когда обращаетесь к даме».

- «Вы оскорбляете меня?».

- «Оскорбляю?» - чувствуя, как в груди занимается новый пожар, я до хруста сжала зубы, стараясь держать себя под контролем, держать себя в копытах, держаться, и не ответить на провокацию. Или же просто на попытку с самого

начала поставить меня в положение «Чего изволите?», чтобы я не мешала этим умникам корчить из себя великих стратегов – «Дружок, если бы я хотела тебя оскорбить, то поинтересовалась бы здоровьем твоей матушки, и осведомилась знает ли она, что ты здесь, размахиваешь отцовским мечом. Поэтому я сделаю скидку на недостатки в твоем воспитании, и скажу просто – «Idi nakher». Безо всяких обид».

- «Господа! Дамы!» - послышались недовольные голоса, когда щелкнувший клювом риттер качнулся в мою сторону, нашаривая лапой рукоять шестопера, болтавшуюся на боку – «Право же, вы мешаете нашему совещанию!».

- «Хватит!» - поднимаясь, рявкнул пожилой грифон. Украшеный лентами панцирь его говорил о высоком звании, сомневаться в котором не позволял маршальский жезл, которым тот грохнул по столу, заставив утихнуть занимающийся шум – «Заткнулись! Вы не в салоне какой-нибудь вертихвостки, и не в казарме!».

- «Я выведу ее отсюда…» - начал кто-то, но быстро заткнулся, когда я услышала характерных скрип острого лезвия, проходящегося по металлу доспехов, и осторожно, но неотвратимо проникающего в узкую щель между частями брони. На этот раз мой розовогривый приятель не спал, и я решила оставить на будущее вопросы о том, почему он решил оставить свои излюбленные сабатоны, и откуда достал этот длинный трехгранный клинок, которым пощекотал тылы какого-то резвого ординарца, заставив того отступить, хватаясь за меч.

- «Я сказал, замолчали!» - вновь каркнул генерал, еще раз постучав для внушительности своим жезлом. Кстати, это не длинный посох или указка, Твайлайт – у грифонов такой знак отличия имеет вид богато украшенного и обшитого тканью цилиндра, ленты и материя на котором соответствуют геральдическим цветам его владельца – «Для чего вы решили вмешаться, посол? Ваша работа здесь закончена, поэтому извольте удалиться!».

- «Для чего? Наверное, для собственного удовольствия, для собственного любопытства, да и просто чтобы встряхнуть это сонное болото» - хмыкнула я. Судя по унылым рожам, местным полководцам была нужна небольшая встряска, заставившая бы их прекратить бесполезный бубнеж, прерывающийся взглядами в сторону дверей королевского кабинета.

Признаюсь, я так и не поняла, для чего предыдущий его владелец поставил в нем ту большую кровать.

- «А если говорить начистоту – мне просто не все равно, что происходит в этих землях. А вам?».

- «Все, кто собрался здесь, готов отдать свои жизни за победу!» - пафосно воскликнул кто-то из-за спины пожилого генерала. Но тот лишь дернул глазом, послав неприязненный взгляд в сторону кричавшего, чем заработал первые крохи моего уважения. Похоже, этот птыц был существом серьезным и битым, за долгие годы службы приобретя иммунитет к пафосным и бестолковым речам.

- «Дело не в том, что я просто захотела подраться» - вынимая из-под крыла длинный деревянный ящик, и водружая его прямо на карты, глухо произнесла я. Время попихушек и выяснения отношений закончилось не начавшись, и я решила сказать все, что думаю, не размениваясь на бесившие меня словесные кружева – «И не в том, что я пообещала вашему королю, которого считала своим старым другом. Я просто видела то, что творилось под покровом темноты и при свете дня, в странном и страшном тумане. Мы, всего пять десятков пони, бились с порождениями Тьмы, и смогли убить двух из трех ее самых страшных посланцев. Вырванное из глотки одного из них сердце теперь украшает вот этот меч. И я не собираюсь останавливаться на достигнутом».

Момент оказался выбран удачно. Отброшенное прочь темное полотно заставило окружающих негромко выдохнуть при виде замечательного, но страшного оружия, столь эффектно смотревшегося на черном бархате, подчеркивавшем серую, чуть красноватую сталь клинка. Темно-бардовый, камень мягко пульсировал заключенным в нем светом, но теперь я видела угрозу в этом неспешном биении чьего-то сердца, чьи удары отдавались у меня в голове. Мне требовалось сбить их настрой, поразить их, заставить очнуться, или хотя бы отбросить на время тяжелые мысли о скором поражении, ведь еще две или три недели назад мы стояли там, где теперь плескалось море из тьмы, в котором, словно айсберги, виднелись верхушки гор с расположенными в них городами. Сколько продержатся они, пока генералы не отойдут от потрясения, вызванного потерями и отступлениями, больше похожими на бегство? Сколько протянут те, кто оказался вне защиты крепких городских стен, пока политики делят власть? И что будут делать те, кто не осознал иллюзорность той власти, которую они так жаждут заполучить?

- «Мы слышали рассказы о ваших похождениях, больше похожих на сказки, посол» - с трудом оторвав взгляд от меча, хрипло прокаркал фельдмаршал, перекрывая стуком жезла поднявшийся шум, с которым риттеры и ваза пытались протиснуться, чтобы полюбоваться на новый клинок, чье эффектное появление, как я слышала, уже успело наделать шума в среде оружейников, риттерства, ваза и обычных бойцов – «И сколько же в этих рассказах правды?».

- «Думаю, в них много преувеличено» - эдак скромненько передернула крыльями я, ощущая всколыхнувшееся внутри одобрение. Похоже, моя воображаемая подруга нашла в этом что-то забавное? Что ж, тем лучше – «Я помню только скрытное прибытие в Пизу, бросок под горами до северных земель и убийство одного из трех чудовищных посланцев Тьмы во время битвы у Драгонрича. Вояж по Лесной стране. Битва со вторым чудовищем, как и первое, лишившимся своего черного сердца. Бросок во Внутренние земли королевств. Совместный поход с гроссмейстером ордена Черной Башни к границам Талоса. Ах, да – небольшое недопонимание с вооруженными господами во время рокоша Гранд Бека. Вот, вроде бы, и все. Остальное, конечно же, враки – я же не могучий риттер, а скромный эквестрийский посол».

- «Можно подумать, вам и этого было мало?» - изумленно дернул щекой еще один полководец. На нем, в отличие от многих других, были явно парадные, а не боевые доспехи, хотя рукоять длинного меча на боку выглядела потертой от долгого использования, и отнюдь не во время торжественных построений – «А теперь вы решили, что заставите нас биться друг с другом и чудовищами, пока вы уедете, и будете праздновать свою победу в то время, когда мы будем здесь погибать?».

– «Прежде чем открывать рот, подумайте, стоит ли вообще говорить!» - огрызнулась я, повторяя слова, которые не раз и не два говорила мне принцесса. Когда это было – сколько месяцев или лет назад? Сколько прошло времени после того, как я выехала из Кантерлота? Прошлое подергивалось пеленой тумана, и я ощутила в груди неприятную пустоту, когда поняла, что прошлое проходит перед глазами в виде плоских книжных картинок, оставляя то самое «здесь и сейчас». Как долго я молилась об этом, и вот, наконец-то получив искомое, ощущала всю неправильность этого украденного для себя рая – «Я не заставляю вас что-то делать. Вы можете сидеть тут, и делить свою власть, грызясь из-за крошек с барского стола. Или просто встать, и взяв себя в лапы так бить этих тварей, что любая сволочь, которой бы в голову пришла мысль полезть в королевства грифонов, просыпалась бы от этой самой мысли в холодном поту! Ну, а чтобы вам было не скучно раздумывать, я оставлю вот это» - на середину стола, поверх документов, карт и расчетов, легли помятые, но заботливо сохраненные мною рисунки, от которых тревожно сжималось сердце – «Это то, что в последний свой миг видят дети – наши дети! – пока дураки до последнего делят уже ничего не значащую власть».

И вновь шум. Снова выкрики – как они любили покричать, и решить дело глоткой и громкостью крика. Вся система власти в Королевствах грифонов была построена на праве сильного – наверняка когда-то это была неплохая задумка, призванная возводить на трон лишь самого сильного и умелого,

способного повести за собою весь грифоний народ. Но времена менялись, и теперь она выродилась в абсолютно неэффективную, громоздкую, опасную для всего нового или просто не вписывающегося в мировоззрение ваза банку с пираньями, готовыми сожрать все, что упадет в их обитель просто потому, что так было заведено. Я не мешала этим господам, пусть и не так люто и бешено, как депутаты этого их Ландтаага, но довольно эмоционально обсуждавшим мои слова. Те, кто пришли в Корону спасаясь от затопивших их земли Тьмы, преувеличивали силу врага в попытке оправдать свое бегство, вместе с теми, кто сталкивался с ним во время нашего короткого похода на восток или в то время, которое я провела в Грифусе, обоснованно сомневались, что им удастся сдержать этот потоп. Хотя для самой себя я решила, что это придется делать нам, всем вместе противостоя этой странной, и признаться, довольно подозрительной для меня силе. Уж больно странно выглядело все это странное действо, подозрительно вписывавшееся в мои же слова, сказанные когда-то принцессам про «проклятья, мрак, мы все умрем и все такое», которыми я не раз и не два обстебывала старые летописи о вторжениях паранормальных, с моей точки зрения, сил.

«Забавно, а ведь когда-то, одна старая библиотекарша, чуть не выгнала меня из Королевской библиотеки за то, что я спрашивала о разрушительных мировых войнах и катаклизмах. Возможно, она только Эквестрию имела в виду, где уже тысячу лет почти ничего интересного не происходит?».

- «Поход! Поход!» - наконец, разрозненные крики слились в один воинственный хор, раз за разом выкрикивавший одно и то же слово на разных языках. Плавное новогрифонье «Ле компанье!» сплеталось с рубленным старогрифоньим «Дер Фелдзунг!» под сверкание воздетых мечей. Все чаще взгляды обращались ко мне и Рэйну, скромно державшемуся у меня за спиной, словно оценивая, сойду ли я на роль искупительной жертвы, брошенной на алтарь новой войны – «Нужно выбрать вождя!».

- «Никаких выборов! Никаких ланд, рейсх, и прочих тагов!» - если кто-то и думал, что я решу потребовать для себя эту «честь», то я была лучшего мнения об умственных способностях этих господ. Нет уж, подобной радости я нахлебалась, поэтому не собиралась тешить свое эго, понимая, что не гожусь и в подковы всем тем, кто собрался за этим столом. Настоящие офицеры, генералы, фельдмаршалы – все они знали и умели гораздо больше меня, и я словно наяву слышала голос принцессы, с сожалением говорившей о том, что у меня нет даже задатков хорошего командира. Все, что я умела – это собрать свою собственную банду, свой отряд, которым и пыталась командовать, лишь волею всемогущей судьбы избегая серьезных провалов, и добиваясь похожих на поражения побед.

- «Командовать будет гроссмейстер ордена Черных Башен. Или Башни? Я до сих пор не могу запомнить правильное название этого ордена, честно вам скажу».

- «Это же попрание исконных прав ваза…» - хрипло каркнул фельдмаршал, пока стоявшая за его спиной грифонка разглядывала порядком помятые листы, часть из которых были заляпаны подсохшими алыми пятнами – «Это…».

- «Смиритесь. Вы и так проспали половину страны» - холодно отчеканила я, с удивлением глядя на то, как заткнулся на полуслове заслуженный генерал, ощутив опустившуюся на его плечо лапу в кольчужной перчатке. Серебристые, плоские кольца брони покрывали большую, совоокую воительницу с головы до хвоста, а топорик на длинной, почерневшей от времени рукояти, явно говорил о том, что без дела он не лежит – «Неужели мы снова начнем эти дрязги, когда враг уже стоит у наших ворот?».

На этот раз шум был тише, когда окружающие меня грифоны принялись обсуждать устрашающего воина и главу одного из самых знаменитых риттерских орденов, понемногу приходя к общему мнению, что бороться с таким претендентом на звание вождя в этом походе дураков не найдется. Кажется, великий магистр снова успел чем-то там отличиться, пока я восстанавливалась после той заварушки, случившейся во время сессии Ландтаага, поэтому надеялась, что против такой кандидатуры они не решатся пойти. Грифоны негромко шумели, а я… Я слышала песню Червя. Унылая, печальная, словно стоны китов, она звучала повсюду – и в моей голове. Чудовище знало, что я здесь, и звало меня к себе. Звало на бой, из которого, в лучших традициях единоборства, выйдет только один из нас. Я уже не могла, и не хотела противиться этому зову, наполнявшему мою душу печалью и ощущением необоримой предопределенности, зная, что я снова взорвусь необъяснимой злобой, как только увижу эту громадную пасть. Что ж, пусть будет так, и я вновь буду делать то, что умею - и пусть случится то, чему суждено.

– «Приятно видеть такое единодушие перед смертельной опасностью» - с нескрываемой иронией хмыкнула я, почувствовав усмешку, молнией промелькнувшую в моей голове. Да, Найтингейл была абсолютно права, и уже невозможно было что-то исправить, предаваясь бесцельным самокопаниям. Время для жалости к себе и окружающим незаметно прошло, и все, что нам оставалось – это выйти вперед, пожиная последствия того, что мы забыли, не сумели, и не успели в попытке защитить тех, кого мы поклялись беречь от подвластных нам бед. - «Решение принято единодушно? Тогда собирайтесь, леди и джентельгрифы – мы идем на войну!».